ISSN 0130—3554

Советские архивы

6
1988
МОСКВА

Активнее вести работу по сохранению и приумножению национального культурного наследия, по сбережению памятников отечественной и мировой истории и культуры... Улучшать работу архивных учреждений.

Из Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года, утвержденных XXVII съездом КПСС.

Scan- nau; Processing, ocr - waleriy; 2015

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

научно-теоретический и научно-практический журнал

ГЛАВНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

ИЗДАЕТСЯ С 1923 ГОДА

ПРИ УЧАСТИИ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС
и ИНСТИТУТА ИСТОРИИ СССР АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

№ 6 1988

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЗОРЫ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

ОБМЕН ОПЫТОМ

ПОИСКИ И НАХОДКИ В АРХИВАХ

К 170-летию выхода в свет «Истории государства Российского»

АРХИВЫ ЗА РУБЕЖОМ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Аннотации

ИНФОРМАЦИЯ И ХРОНИКА

Главный редактор С. И. КУЗЬМИН

Редакционная коллегия

В. Н. АВТОКРАТОВ, В. В. АНИКЕЕВ, Т. И. БОНДАРЕВА (отв. секретарь), В. И. БУГАНОВ, Ф. М. ВАГАНОВ, О. Г. ГУРОВ, Ю. Б. ЖИВЦОВ (зам. главного редактора), В. А. ИЛЬИЧЕВА, Б. И. КАПТЕЛОВ, Л. И. ПАНИН, В. Д. САМСОНОВ (ред. отдела), В. В. СОКОЛОВ, В. А. ТЮНЕЕВ, В. М. УСТИНОВ, С. О. ШМИДТ

© Советские архивы, 1988 г.

ВЫПОЛНЯЯ РЕШЕНИЯ XXVII СЪЕЗДА КПСС

«Государственный архивный фонд СССР и его роль в перестройке» (экспозиция на ВДНХ СССР)

Интерес москвичей и гостей столицы вызвала очередная тематическая выставка документов Государственного архивного фонда СССР, организованная Главархивом СССР и Министерством культуры СССР на ВДНХ СССР. Название определяет ее тематическую направленность, актуальность. Развернутая вскоре после XIX Всесоюзной партийной конференции и июльского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС выставка стала еще одним вкладом государственной архивной службы в перестройку.

Экспонаты и материалы первых ее разделов «Ленинизм — идейный источник перестройки», «Необратимость революционных преобразований» созвучны со следующим тезисом доклада Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС: «...Не переминаться с ноги на ногу, не выжидать, острее реагировать на недостатки и промахи, действовать решительно, устраняя все завалы и препятствия на пути нашего движения»[1].

Учитывая возросшее внимание общественности к истории Отечества, особенно его советского периода, организаторы впервые пошли на столь широкий показ уникальных документов, отражающих практически все периоды борьбы за Советскую власть и построение социализма в СССР, не обходя при этом «острых углов» и «белых пятен».

На выставке многое было впервые. Так, помня слова В. И. Ленина, что революции без контрреволюции не бывает и быть не может[2], работники ЦГАОР СССР и ЦГАСА при формировании раздела «Великий Октябрь в документах ГАФ СССР» наряду с декретами Советской власти «О мире», «О земле», первыми Конституциями РСФСР и СССР, Декларацией и Договором об образовании Союза Советских Социалистических Республик представили для экспонирования дневниковые записи лидеров белой гвардии Колчака, Деникина, Милюкова, протокол допроса следственной комиссией Колчака и другие документы о злодеяниях контрреволюции, провале планов реставрации буржуазно-помещичьего строя в России.

В условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции против молодой Советской республики, развязанных империалистами Англии, Германии, США, Франции, Японии и других капиталистических стран, Советскому государству в 1918—1922 гг. пришлось выдержать тяжелейшие испытания, когда решался вопрос быть или не быть Советской власти. Об этом рассказывают экспонаты раздела выставки «Защита завоеваний Октября».

Впервые ЦГАСА представил для экспонирования многие подлинные документы, связанные с деятельностью таких выдающихся полководцев и военачальников Красной Армии, как В. К. Блюхер, И. И. Вацетис, А. И. Егоров, С. С. Каменев, А. И. Корк, Н. В. Крыленко, В. К. Путна, Ф. Ф. Раскольников, М. Н. Тухачевский, М. В. Фрунзе, И. Э. Якир, многие из которых в конце 30-х годов были необоснованно репрессированы.

Документы экспозиции свидетельствуют о суровых испытаниях, выпавших на долю советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941—

Павильон «Советская культура» ВДНХ СССР
Фоторепортаж

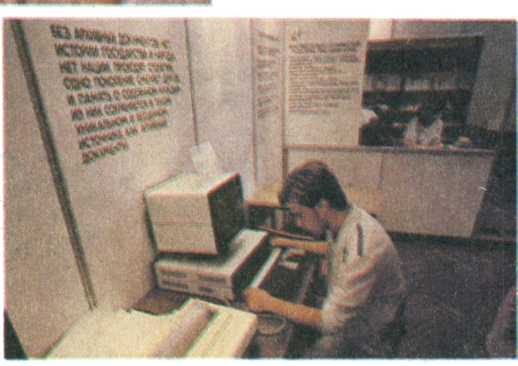

Фото И. Н. Шашкова

1945 гг., массовом героизме советских людей на фронте и в тылу. В их числе: журнал оперативных записей Пограничных войск КГБ СССР, в котором по минутам воспроизводятся бои на границе в первый день войны; постановление Государственного Комитета Обороны от 19 октября 1941 г. о введении в Москве осадного положения; план операции гитлеровского командования по захвату Москвы («Тайфун»); ультиматум представителя Ставки Верховного Главнокомандования РККА командующему германских войск, окруженных под Сталинградом; акт о безоговорочной капитуляции вооруженных сил Германии и др.

Пожалуй, наибольший интерес у посетителей вызвал впервые экспонировавшийся приказ № 227, подписанный народным комиссаром обороны 26 июля 1942 г. и больше известный как приказ И. В. Сталина «Ни шагу назад». Этот документ никогда не был секретным, однако из-за грифа на нем — «без публикации» — он на протяжении 46 лет оставался закрытым. Предложили его для выставки работники ЦГАСА.

Значительная часть экспонатов была посвящена развитию народного хозяйства, построению социалистического общества. Благодаря усилиям работников ЦГАНХ СССР посетители получили возможность познакомиться, в частности, с такими уникальными документами, как устав 1-го Российского общества землеробов-коммунистов (1918 г.); протокол заседания Президиума ВСНХ от 1 апреля 1918 г., на котором В. И. Ленин говорил о необходимости устроить на предприятиях промышленные суды и привлекать группы контролеров со стороны; телеграмма Совнаркома и Наркомпрода всем совдепам и продкомам о недопустимости нарушений интересов крестьян среднего достатка (от 17 августа 1918 г.); положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию (1919 г.); кодекс о земле (1922 г.); положение о ГОЭЛРО (1920 г.).

Много документов было представлено по индустриализации страны, развитию науки, о проведении военно-полярной экспедиции 1930—1933 гг., полете первого стратостата ВР-60 «Комсомол» в октябре 1939 г., работе советского тыла в годы Великой Отечественной войны.

Посетители выставки имели возможность убедиться, что посредством архивных документов можно не только восстановить историческую истину, напомнить о ленинских принципах построения социализма и их искажениях, но и способствовать более активному использованию содержащейся в них информации в политических, научных, народнохозяйственных и социально-культурных целях.

Подолгу задерживались экскурсанты у раздела «Возвращенные имена» с документами о видных партийных и государственных деятелях, ближайших соратниках В. И. Ленина — Н. И. Бухарине, А. И. Рыкове, М. П. Томском, видных ученых — Н. И. Вавилове и А. В. Чаянове, других представителях советской интеллигенции, необоснованно репрессированных в период культа личности Сталина и реабилитированных в последние годы.

В раздел «Искусство принадлежит народу», подготовленный работниками ЦГАЛИ СССР, наряду с автографами Ф. М. Достоевского, М. И. Глинки, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, И. Е. Репина, Л. Н. Толстого, В. И. Сурикова, П. И. Чайковского и других классиков русской литературы и искусства, вошли документы и рукописи произведений А. А. Ахматовой («Реквием», «Поэма без героя»), М. А. Булгакова («Дни Турбиных», «Багровый остров»), К. Д. Воробьева («Это мы, господи!»), В. С. Гроссмана («Жизнь и судьба»), Н. С. Гумилева («Дагомея»), В. Э. Мейерхольда, В. Т. Шаламова («1920-е годы») и др., творчество которых до недавнего времени замалчивалось.

Материалы были представлены ЦГАДА, ЦГАКФД СССР, ЦГАЗ СССР, НИЦТД СССР, ВНИИДАД, другими участниками выставки. В общей слож-

ности можно было ознакомиться с 3 тыс. уникальных документов (на бумажных и пленочных носителях), в их числе с 300 подлинниками, многие из которых экспонировались впервые.

Для специалистов, всех желающих проведен комплекс научно-методических, учебных и пропагандистских мероприятий (конференций, семинаров, заседаний круглого стола, тематических встреч), показывались документальные фильмы, организовывалось прослушивание документальных фонозаписей. Посетители получали пристендовую литературу: проспекты, листовки о передовом опыте и научно-технических достижениях в архивном деле.

Показательным является тот факт, что в ходе ознакомления с экспонатами и участия в мероприятиях, проводимых на базе выставки, посетители активно высказывали свое мнение об увиденном, вступали в оживленные дискуссии между собой, отстаивая подчас прямо противоположные точки зрения. Это говорит о том, что широкая общественность желает знать правду о нашей истории, архивные документы никого не оставляют равнодушными, вызывают у людей органическую потребность высказаться по поводу важнейших событий в жизни государства, роли той или другой личности в истории развития советского общества. Это означает, что архивные документы могут и должны работать на перестройку.

В соответствии с пожеланиями посетителей впервые были проведены дни ЦГА СССР, ВНИИДАД, НИЦТД СССР, на которых руководители, ведущие специалисты этих учреждений отвечали на вопросы, выслушивали критические замечания, предложения, направленные на дальнейшее улучшение архивной службы. Эти встречи позволили значительно расширить у посетителей представление о составе Государственного архивного фонда СССР, формах и методах работы государственных архивов, порядке допуска исследователей к документам.

В актовом зале дирекции ВДНХ СССР состоялось заседание круглого стола архивов с участием руководящих работников и ведущих специалистов Главархива СССР, ЦГА СССР, главархивов союзных республик, Министерства культуры СССР, музеев, Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, Главпура Советской Армии и ВМФ, ИДУ МИД СССР, АН СССР, других заинтересованных министерств, ведомств и организаций, а также посетителей. Круглый стол способствовал обмену мнениями, выработке рекомендаций по вопросам перспектив дальнейшей активизации работы по использованию документов ГАФ СССР в интересах советского общества, расширению вклада государственных архивов в перестройку. Участники круглого стола не выступали с заранее подготовленными докладами, а отвечали на поступавшие вопросы. Затем состоялась дискуссия по обсуждаемой теме.

Успеху выставки в значительной степени способствовала работа научных консультантов и экскурсоводов — ведущих специалистов ЦГА СССР, ВНИИДАД, НИЦТД СССР и методистов павильона «Советская культура» ВДНХ СССР. Их рассказы, пояснения, консультации, ответы на вопросы позволяли точнее понять содержание документов, конкретно-исторические условия, в которых они создавались.

Четко работал справочно-информационный центр, где были сосредоточены нормативные документы и научно-методические разработки по вопросам комплектования ГАФ СССР, создания научно-справочного аппарата, обеспечения сохранности документов, их использования, а также аналитические обзоры научно-технических достижений, передового опыта, их внедрения в практическую деятельность архивных учреждений. В справочно-информационном центре действовало несколько аппаратов автоматизированных информационно-поисковых систем, демонстрировавших возможность использования ЭВМ в архивном деле.

Большую помощь в популяризации выставки среди москвичей и гостей

столицы оказали печать, радио и телевидение. Так, «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Советская культура», «Социалистическая индустрия», «Московская правда», «Комсомольская правда», «Ленинское знамя», «Московский комсомолец», «Вечерняя Москва», «Голос Родины» и другие печатные органы, Центральное телевидение и Всесоюзное радио знакомили общественность с работой выставки. За короткий срок ее посетили свыше 100 тыс. экскурсантов, из них более 200 в книге отзывов посетителей высказали пожелания, предложения, которые будут внимательно изучены и учтены в дальнейшем совершенствовании работы по использованию документов ГАФ СССР.

Проведение тематической выставки, организация на ее базе комплекса научно-методических, учебных и пропагандистских мероприятий, анализ отзывов об экспозиции посетителей, представителей прессы еще раз подтвердили практическую необходимость, большие возможности многопланового участия государственных архивов в перестройке, например, по таким направлениям, как активизация работы по выявлению соответствующих документов Государственного архивного фонда СССР и расширению инициативного информирования партийных и советских органов, средств массовой информации; упрощение доступа исследователей к документальным фондам архивов и оказание им научно-методической помощи в работе с архивными документами; активизация работы по расширению источниковой базы, введение в научный оборот новых документов посредством снятия их с закрытого хранения, подготовка к изданию очередных документальных сборников, публикации документов в периодической печати; создание новых тематических выставок документов (в том числе межотраслевых и передвижных).

За последние два-три года работа госархивов в этом направлении заметно активизировалась. Так, передано с закрытого на открытое хранение еще 3,5 млн. единиц хранения. Сейчас 97 % всех документов, хранящихся в госархивах, находятся на открытом хранении. С 1,2 до 2,5 тыс. возросло количество тематических выставок документов, организуемых ежегодно государственными архивами, с 30 до 55 тыс.— число исследователей, работающих ежегодно в их читальных залах. Улучшилась работа по рассмотрению тематических и социально-правовых запросов. Но и эти масштабы перестройки в деятельности госархивов, особенно ее качественный уровень, уже не удовлетворяют растущие потребности общества. В соответствии с решениями XIX Всесоюзной партийной конференции и июльского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС архивисты предпринимают дальнейшие усилия по выявлению нового опыта и неиспользованных резервов в интересах перестройки.

М. В. Стеганцев, директор ЦГАСА, председатель Совета директоров ЦГА СССР

---

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 29 июля 1988 года. М., 1988. С. 5.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 171.

Из книги отзывов посетителей выставки

Это просто нечестно! Почему так мало!? Ведь это изумительно интересные вещи! Почему бы не организовать подобные встречи работников архивов, исследователей с показом фотографий, материалов... И, кстати, почему такая выставка открылась только в Москве? У нас в Красноярске есть архив (и прекрасный), я в нем работала по теме своей диссертации,— там необыкновенные материалы: о декабристах, о героях революции, гражданской войны — они бывали в нашем городе, жили в нем, работали... А сколько там интересного по истории Красноярска!

Уважаемые товарищи! Неужели Ваше начинание только останется начинанием? Как

можно помочь другим архивам «раскрыть» себя? А выставка — чудесная!

Преподаватель института советской торговли Г. В. Иванова

Примечание: А возможно ли Вашу экспозицию показать в Красноярске?

Интересная выставка. Очень хорошее, нужное начинание. Хочется выразить благодарность всем людям, которые приняли участие в ее подготовке.

Как человеку, интересующемуся историей нашей страны, особенно разделами строительства социализма в 30-е годы, мне было приятно получить квалифицированные ответы на вопросы, консультации о деятельности выдающихся государственных деятелей тт. Бухарина, Рыкова, Томского (раздел «Возвращенные имена»). Жаль только, что документов маловато.

Думается, что традиция будет продолжена. Однако в будущем имеет смысл организовывать подобные выставки как тематические, с привлечением большого количества архивных документов, идти, так сказать, вглубь.

Спасибо Вам, «Хранители правды!»

А. Маркова. Москва

Выставка еще один важный шаг в осмыслении нашего прошлого, без чего, как известно, невозможно сполна понять настоящее и взглянуть в будущее. Видимо, этот шаг был труден, но сделан он профессионально и с большим уважением к своей профессии. Благодарим научных сотрудников, художников, всех, кто принимал участие в создании этой выставки. Думается, что в будущем, при подготовке подобных выставок посетители смогут ознакомиться со многими другими, еще не известными документами, будет продолжена работа по совершенствованию форм подачи этих документов.

От группы лекторов Центрального музея В. И. Ленина. Подписи

Сердечно благодарим всех, кто создал интересную выставку, со вкусом оформленную; удачно подобраны комплексы материалов, многие из которых ранее были недоступны широкому зрителю.

Хотелось бы видеть продолжение этой выставки. В архивах еще много есть различных документов и фотографий. Надеемся, что эта выставка не последняя. Много нового и интересного узнали. Некоторые документы и фото будем использовать в своей работе. Отлично провели экскурсию сотрудники архивов и экскурсовод выставки. Выражаем им благодарность и желаем сотрудникам архивов новых успехов в их поисках и исследованиях.

Сотрудники ЦМВС СССР

От имени сотрудников Института военной истории Министерства обороны СССР выражаю глубокую признательность устроителям выставки, уникальные экспонаты которой позволяют всесторонне представить богатую историю нашего Отечества, прочесть героические и трагические ее страницы, увидеть перспективу в развитии Советского государства в духе решений XIX партийной конференции.

Полковник А. Князьков

Выставка глубоко впечатляет. Многое уже знаем, факты известны — но тут перед тобой «живые» документы, пожелтевшие фотографии, старые шрифты — «воздух» тех лет, люди великие и малые, история...

Работники редакции журнала «Клуб и художественная самодеятельность»

С большим интересом мы, болгары, посетили эту выставку документов Государственного архивного фонда СССР. На выставке мы видели редкие документы, которые относятся к истории, в частности и к болгарской истории. Радостный факт, что на выставке представлены первые совместные издания грампластинок, осуществленные научными сотрудниками Центрального государственного архива звукозаписей СССР и сотрудниками «Золотого фонда» Болгарского радио. Эти первые пластинки — хорошее начало для будущего плодотворного сотрудничества советских и болгарских звукоархивистов.

Л. Миленкова и др.

Видим большую целесообразность продолжения и углубления материалов выставки как прямого общения с историей большой аудитории.

Большие возможности дает сопровождение осмотра экспозиции квалифицированным рассказом экскурсовода.

Группа военнослужащих, руководителей групп политзанятий

Предлагаю организовать выставочный зал. В целом очень интересная экспозиция, но как всегда мало количество информации.

Очень много вопросов у людей, и этот зал позволит на них ответить.

Фотохудожник Журавлев Ю. Н.

Предложение: Издать в виде небольших сборников (по периодам истории) экспонируемые архивные материалы, в том числе приказ И. В. Сталина «Ни шагу назад», другие приказы и документы периода Великой Отечественной войны, документы белой эмиграции.

Подпись. 28 августа 1988 г.

Мы, студенты из ВНР, с большим интересом посмотрели выставку. Для нас это открытие. Большое спасибо.

22 августа 1988 г.

Экспозиция выставки отражает основные эпизоды становления Советской власти, организации Красной Армии с ее руководящим ядром — командным составом.

Жаль, что очень ограничена информация.

Ветеран труда, инвалид войны

Впервые в жизни мне не навязывают чье-то мнение. Я сама вижу документы и могу составить собственное мнение. Но есть огромная недоработка — очень краткие сопроводительные надписи к документам, очевидно, рассчитанные на историков. А ведь выставку посещают не только они.

А. Шадорская. Гродно

Могу себе представить, каких неимоверных усилий стоило организовать этот «открытый архив», и хочу выразить слова огромнейшей благодарности инициаторам этой выставки... Историю надо знать не только по учебникам и публицистическим статьям, но и вот так — по фотографиям, подлинным документам.

Студент В. Протасов

Подобные выставки должны быть не только достоянием столицы, но пойти в глубинку, в райцентры, в сельские клубы.

В. Янин из Красного Лимана Донецкой области

Спасибо, выставка очень интересная. Чаще устраивайте такие выставки.

Ученица 7-го класса М. Шомеро. Москва

От всей души хочется выразить признательность организаторам выставки, а особенно мне, как специалисту, приятно было получить консультацию по интересующим вопросам работы. Жаль, что нет возможности иметь нормативные документы, получить их здесь... Было бы целесообразно установить в павильоне копировальный аппарат для тиражирования информационных и методических изданий для специалистов на хозрасчетных началах.

О. В. Гордиенко, зав. оргметод. отделом отдела культуры
Хабаровского райисполкома

С чувством невыразимого волнения ознакомился я с телеграммами моей матери, Мураловой Г. Н., бабушки, Мураловой А. С., и тети, Муссури А. И., с просьбами о помиловании нашего родственника, моего дяди — солдата революции Муралова Николая Ивановича, человека, подписавшего исторический приказ о победе Великого Октября в Москве, погибшего по сфальсифицированному, провокационному... процессу, сработанному кликой Сталина.

Этот процесс, как и другие того периода, послужили провокацией для последующего уничтожения, фактически без суда и следствия, тысяч и тысяч деятелей Октября и гражданской войны, а за ними репрессий в отношении миллионов рядовых тружеников...

То, что социализм в нашей стране устоял, что мы одолели нашествие дикого фашистского зверя, произошло не благодаря клике Сталина, а... благодаря нашему многострадальному народу, который несмотря на то, что нес на горбе таких страшных хищников, не потерял веры в идеалы Октября...

...В результате мы пришли к необходимости перестройки, которая, конечно, будет долгой и сложной — изжить то рабское и административно-командное, что культивировалось десятилетиями, потребует неимоверного труда.

Но прекрасно, что этот процесс начался. Эта выставка — свидетельство тому.

Муралов-Полещук Н. С., 1944 г. рождения.
3 сентября 1988 г.
Присоединяюсь Н. Ефимов

Конгресс архивистов

XI Международный конгресс архивов состоялся в Париже с 22 по 26 августа 1988 г. и был посвящен теме «Новые архивы». На повестку дня конгресса были вынесены вопросы, глубоко волнующие архивистов: как сохранить память человечества, зафиксированную на новых носителях (от микрофильма до оптического диска), и сделать ее доступной исследователям и общественности.

Важностью поставленных проблем, а также большой подготовительной работой организаторов конгресса объясняется наибольшее количество участников форума архивистов за все время проведения конгрессов — две тысячи человек от более чем ста стран. Делегации насчитывали от одного человека до нескольких сотен. Франция была представлена 420 архивистами. От Испании на конгрессе было 144 человека, ФРГ — 113, Швеции — 71, Канады — 58, США — 45 и т. д.

Советский Союз на конгрессе представляли 12 человек. В состав делегации вошли: Ф. М. Ваганов — начальник Главархива СССР, Л. Н. Воронова — старший научный сотрудник ОЦНТИ ВНИИДАД, Ф. А. Гедрович — заведующая отделом НИЦТД СССР, А. П. Горяева — директор ЦГАЗ СССР, Ф. Ш. Давлетходжаева — директор ЦГАКФДЗ КазССР, Л. П. Запрягаева — директор ЦГАКФД СССР, Л. Х. Лакс — начальник Главархива ЭССР, А. А. Манелашвили — начальник Главархива ГССР, А. Г. Митюков — начальник Главархива УССР, В. Д. Селеменев — директор ЦГАОР БССР, Е. Ф. Сопин — начальник Главархива РСФСР, В. П. Тарасов — начальник отдела внешних сношений Главархива СССР. Состоялись четыре пленарных заседания конгресса, заседания региональных организаций, комиссий, секций, комитетов и рабочих групп МСА.

Текущие события отражались на страницах специального дневника конгресса «Архив-88», выходившего с 22 по 26 августа на французском и английском языках. Научно-технические достижения в области архивов были представлены на выставке «Архивы-88».

22 августа во Дворце конгрессов состоялось торжественное открытие XI Международного конгресса архивов, на котором с приветственной речью выступили: генеральный директор архивов Франции, вице-президент МСА Жан Фавье; президент Международной федерации библиотечных ассоциаций Марсель Бодике; генеральный директор Национального архива Бразилии Селина Морейра Франко; заместитель генерального директора ЮНЕСКО Мишель де Бонкорк, президент МСА Ганс Боомс.

В выступлениях высоко оценивался вклад МСА в дело развития архивов, его благотворное сотрудничество с ИФЛА*, ЮНЕСКО и другими международными организациями во имя сохранения культурного достояния народов, отмечалось неоценимое значение международных конгрессов архивов, способствующих обмену информацией и налаживанию деловых, профессиональных контактов между архивистами всего мира.

24 августа с приветствием к участникам конгресса обратился президент Франции Ф. Миттеран.

Выразив удовлетворение тем фактом, что XI Международный конгресс архивов проходит в Париже, где 38 лет назад в 1950 г. прошел первый конгресс международной организации архивистов, президент отметил значение архивов в деле сохранения памяти народов о прошлом и решения задач настоящего времени.

Остановившись на вопросе темы конгресса, президент Франции подчеркнул, что новая техника требует переосмысления проблем комплектования, хранения и использования архивного достояния. Значительную часть своей речи президент посвятил состоянию архивов Франции, которые он рассматри-

вает как один из основных элементов национальной жизни и культуры страны, и проблемам усовершенствования хранения и использования архивных материалов, применения современных средств для облегчения доступа к ним исследователей и граждан.

Желая успеха работе конгресса, Ф. Миттеран призвал его участников приложить совместные усилия для взаимного обогащения опытом работы и извлечь из этого опыта то, что будет способствовать прогрессу человечества.

Члены советской делегации

Первое пленарное заседание под председательством генерального директора Архива Ботсваны Масиси Лекаукау, состоявшееся 23 августа, было посвящено проблеме создания и комплектования новых архивов.

С основным докладом выступила главный хранитель Национального архива Франции Поль Рене-Базен. На основе ответов, полученных от 66 стран на разосланный в 1986 г. вопросник МСА, она попыталась выделить характерные черты новых архивов: запись информации на нетрадиционном носителе, необходимость использования промежуточных аппаратных средств для доступа к ним, хрупкость носителей информации, частично компенсируемая их легкой воспроизводимостью, возрастающая взаимозависимость видов технологии производства документа, высокая себестоимость, универсальное распространение технологии и средств передачи информации и вытекающая из этого необходимость стандартизации условий их хранения.

Проведенный Рене-Базен анализ полученной информации показал, что большинство стран, имея новые архивы, хранят только 40 % этих документов. Опыт в проведении оценки новых документов для передачи их на архивное хранение небольшой, по-разному определены юридические рамки создания и комплектования новых архивов. Бóльшая часть стран хранит документы на новых носителях в национальном архиве, а не в специализированном учреждении. Не выработана концепция новых архивов.

Пять содокладчиков непосредственно коснулись каждой отдельной категории новых архивов. Проблема аудиовизуальных архивов нашла отражение в докладе Вольфганга Клауэ из Государственного киноархива ГДР, в котором прозвучала озабоченность судьбой аудиовизуального наследия. Проведенный в 1986—1987 гг. Международной федерацией архивов кино опрос кино- и телеархивов показал недостаточно серьезное понимание необходимости сохранения аудиовизуальных материалов со стороны правительств, общественности, а также архивов и учреждений-фондообразователей. До сих пор аудиовизуальные материалы не имеют статуса архивных документов.

Остро чувствуется потребность в техническом оснащении архивов и высококвалифицированных кадрах. Выход из создавшихся трудностей докладчик видит в пересмотре принципов и методов общего архивоведения применительно к аудиовизуальным архивам, оказания финансовой помощи со стороны правительств и развития регионального и международного сотрудничества.

Проблеме долговечности аудио- и видеоносителей в цифровой и оптической форме посвятил свой доклад «Радиотелевизионная продукция как архивные документы» представитель Национального архива звукозаписей Великобритании Кристофер Роудс. Перспективным видом хранения документов радио и телевидения он называет видеодиск.

Самым сложным вопросом для архивного мира, как считает Труди Хаскамп Петерсон из Национального архива США, является вопрос управления машиночитаемыми документами. В настоящее время компьютер является основным средством хранения информации документов, созданных на другом носителе, например, хранение текстового документа на оптическом диске. Автор подчеркивает, что основные архивные принципы приемлемы и для документов, созданных компьютерной техникой.

С докладом на тему «Микроформы в качестве архивных документов» выступила сотрудник Главного управления архивов Народной Республики Болгарии Жанна Крайчева. Она отметила, что хотя микроформы еще не получили полного признания как заменитель документов-оригиналов и их юридическая обоснованность является условной, они представляют лучшее средство для обеспечения надежной сохранности архивной информации, ранее созданной на другом носителе.

По вопросу устных архивов выступил директор Архива Сенегала Салью М'Бай, который подчеркнул особую важность этих исторических источников. Сбор и хранение устных архивов требуют дополнительного и квалифицированного персонала, а также материальных средств на приобретение звукозаписывающей и звуковоспроизводящей аппаратуры и средств консервации и реставрации, что для развивающихся стран представляет большую проблему.

Последний, шестой, содокладчик Жан-Пьер Валло — национальный архивист Канады выдвинул альтернативу, ставшую одним из острых моментов дискуссии: либо новые архивы интегрируются в существующие архивные службы, либо потребуется создание специализированных учреждений для их хранения и использования, что сопряжено с трудностями технического и материального порядка, а также приводит к раздроблению фондов по видам носителей.

В дискуссии приняло участие около 30 делегатов из Франции, Канады, Китая, Италии, Руанды, Бразилии, Индии, Испании, ГДР, Мексики, Зимбабве, Великобритании, Швейцарии и СССР. Дебаты велись в основном по двум проблемам: терминологии и дефиниции новых архивов (Нужно ли говорить о новых архивах или специальных архивах? Являются ли устные свидетельства коллекцией звуковых документов? Ограничиваются ли машиночитаемые архивы автоматизированными базами данных?) и законодательству и стандартизации (Должно ли каждое государство разрабатывать четкие правила для работы с новыми архивами? Так как до сих пор не решен вопрос, касающийся юридической силы микроформ, и существует проблема с унификацией описания аудиовизуальных документов, не пора ли в срочном порядке выработать международные юридические и технические правила?).

На первом пленарном заседании от СССР выступили Л. П. Запрягаева и А. А. Манелашвили, которые высказали точку зрения советских архивистов о том, что необходимо создавать специализированные архивы кинофотофоно- и машиночитаемых документов, а не интегрировать их в существую-

щие архивные учреждения. Это позволит улучшить условия хранения документов, отличительные по своему температурно-влажностному режиму, использовать специальную технику и технологию работы с документами. Работа с документами на новых носителях требует специальной подготовки сотрудников. Все это, в конечном итоге, будет способствовать решению проблемы обеспечения сохранности документов.

Подводя итоги дискуссии, секретарь заседания К. Д. Г. Вималаратне, заместитель директора Национального архива Шри-Ланки, подчеркнул реальность существования новых архивов, которая ставит перед архивистами задачу по разработке единых принципов и методов их организации и отбора для архивного хранения, для решения которой потребуются усилия всех стран. Вот почему возникает необходимость создания специальной комиссии по сбору и изучению всемирной информации о теории и практике архивного дела применительно к новым архивам.

Проблема обеспечения сохранности кинофотофоно- и другой нетрадиционной документации является одной из актуальных и сложных проблем в архивном деле. Таково мнение архивистов тех 11 стран, материалы которых были использованы в основном докладе Ф. М. Ваганова «Обеспечение сохранности новых архивов». Этот доклад был сделан на втором пленарном заседании, проходившем под председательством директора Государственного архива Испании Маргариты Васкес де Парга. Специальные подходы к организации хранения этих документов (помещения, условия хранения, оборудование хранилищ), а также постоянный контроль технического и физико-химического состояния, реставрация, консервация и перекопирование, соблюдение безопасности в работе с новыми архивами, высокая профессиональная подготовка кадров — вот основные факторы успеха практической работы по обеспечению сохранности национального культурного достояния народов, населяющих нашу планету,— это основная мысль доклада Ф. М. Ваганова была подкреплена им примерами работы с кинофотофонодокументами в СССР, Швеции, США, Канаде, Финляндии. Более подробно были освещены в докладе вопросы использования новых средств и методов хранения этих документов в СССР: стеллажа «Елочка», специального прибора для контроля стабильности нитроосновы кинофотофонодокументов УКСН-1, нового фунгицида — ництедина.

Очень остро был поставлен вопрос о состоянии архивного дела в тропических странах в содокладе представителя Государственного архива Сьерра-Леоне Эрика Тернера, который отметил, что архивные материалы в развивающихся странах повреждены из-за влажного и загрязненного воздуха, плесени, насекомых, в архивах нет электричества, необходимого оборудования и приборов, а также специалистов нужной квалификации.

Эта же мысль прозвучала в содокладе Фенг Зизи из Государственного архивного бюро Китайской Народной Республики. Основная проблема, с которой сталкиваются архивы Мексики, Бразилии, Замбии, Заира, Папуа-Новой Гвинеи и Китая,— это недостаток материальных средств, специального оборудования и подготовленного персонала.

Серьезный критический анализ форм международного научно-технического сотрудничества был дан в содокладе Марии Пиа Ринальди Мариани из Центрального управления архивного достояния Италии. Отмечалось большое значение встреч специалистов, которые способствуют распространению информации о технических достижениях. Необходимо развивать этот метод сотрудничества, а также шире использовать возможности взаимного обмена специалистами в целях передачи опыта и всестороннего его применения.

Продолжая разговор, начатый в Бонне на X Международном конгрессе архивов о соотношении специальной и базовой подготовки архивистов, Анна Мария де Альмейда Камарга из Государственного исторического архива му-

ниципалитета Рио Клара (Бразилия) в своем содокладе отметила, что консервация новых носителей информации потребует специальных знаний, поэтому необходимо создание новой дисциплины в учебных программах по профессиональной подготовке.

Повышение квалификации архивных работников, наличие профессионального опыта и средств обучения в региональных отделениях СВАБРИКА, САРБИКА, ВАРБИКА, СЕНАРБИКА** и других рассматривалось в содокладе директора Национального архива Индии Р. К. Перти. В целях совершенствования общей программы обучения будут полезны заседания, семинары и дискуссии на межрегиональном уровне с участием специалистов.

В дискуссии по поставленным проблемам приняло участие около 20 представителей из 15 стран, в том числе Ф. А. Гедрович, которая в своем выступлении предложила заинтересованным странам помощь и сотрудничество по вопросам борьбы с плесенью, контроля за состоянием нитроосновы, а также реставрации фото- и фонодокументов с помощью ЭВМ.

В ходе дискуссии были подняты вопросы: об использовании традиционных и новаторских подходов к отбору на хранение нетрадиционных носителей информации (Грегор Рихтер, ФРГ), о создании региональных центров заказов на реставрацию и копирование документов (Шелли Свини, Канада), о разработке программ на национальном и международном уровнях по строительству и оснащению зданий архивов (Петер Класинк, СФРЮ), о выработке унифицированной методики архивных операций для архивов и библиотек (Жан-Вильфред Бертран, Гаити), о распространении информации, касающейся сохранности новых архивов (Эндрью Брум, Великобритания) и т. д.

О необходимости унификации требований к подготовке специалистов и преподавателей архивных школ говорили делегаты из ГДР, СФРЮ, Испании, Индии, Конго и других стран.

Во всех выступлениях прозвучал призыв к тесному сотрудничеству в целях передачи опыта и выработки единой политики, направленной на обеспечение сохранности памяти человечества.

Итоги второго пленарного заседания подвел его секретарь Монсеф Факфах, директор Главного архива правительства Туниса, который подчеркнул необходимость распространения опыта советских и английских коллег по вопросу обеспечения сохранности новых архивов.

На повестке дня третьего пленарного заседания стояла проблема использования новых архивов.

С основным докладом выступил секретарь международных конференций Круглого стола архивов Эрик Кетелаар из Нидерландов, который рассмотрел проблемы доступности документов для использования, создания справочных средств, справочных служб и обеспечения использования.

ЭВМ способна обеспечить многопрофильный поиск как отдельных документов, так и целых их групп в отличие от традиционного поиска.

Использование новых архивных материалов ставит также проблемы стоимости и времени воспроизведения копии, физической сохранности оригиналов и юридической стороны.

По вопросам классификации новых архивов, доступа к ним, исследовательской и издательской деятельности и юридических проблем использования и копирования выступило пять содокладчиков: Жан Пьенс, директор службы машиночитаемых документов Государственного архива Льежа (Бельгия); Йохан Герстад, генеральный директор Национального архива Норвегии; Петер Бюхер, представитель Федерального архива ФРГ; Клаэс Грэнстрём, заместитель генерального директора Архива Швеции; Педро Гонсалес, представитель дирекции государственных архивов Испании. В их выступлениях было заострено внимание на следующих аспектах:

Юридическом: Частный характер аудиовизуальных архивов (или

продукции) обязывает архивные службы действовать сообразно законодательству об интеллектуальной и коммерческой собственности (доклад П. Бюхера); автоматизированная обработка информации отсылает к вопросу безопасности информационных систем; строгое выполнение существующих законов, основанных на приоритете охраны частной жизни, может привести к ограничению права доступа и даже поставить под угрозу любой поиск в результате физического разрушения банка данных или засекреченности данных (доклад К. Грэнстрёма).

Финансовом: Как правило, исследователь платит за копии документов в традиционном архиве, и это не должно изменяться в отношении новых архивов, подчеркнул Йохан Герстад. Все посетители должны платить одинаковую плату. Необходима стандартизация оплаты услуг, что приведет к повышению общественной роли архивов.

Интеллектуальном: Способны ли архивисты выполнить свои основные обязанности предоставить исследователю максимум возможностей для поиска и использования документов всех видов на основе ЭВМ, а также совместить поиск традиционных и новых архивных документов, основанный на принципе происхождения? Необходимо проводить общую и последовательную политику в разных странах в отношении доступа к архивам.

Новые методы работы читального зала поставят и новые социологические проблемы, которые нужно будет решать в процессе огромной движущей силы информационной эры.

В обсуждении докладов по использованию новых архивных материалов выступило 25 делегатов — из Франции, ФРГ, Швейцарии, Бельгии, Нидерландов, СССР, Китая, Гаити, Багамских островов, Испании, Канады, США.

Члены советской делегации А. П. Горяева и А. Г. Митюков в своих выступлениях затронули проблемы использования документов государственных архивов. Опыт, накопленный государственными архивами СССР, позволяет говорить о существовании методов и форм использования и публикации этих документов, где архивист выступает уже в роли инициатора. Это может быть подготовка справочников, новых фильмов, телепрограмм, фотовыставок, печатных сборников текстов фонодокументов и др.

Секретарь этого пленарного заседания Петер Картоус, директор Архивного управления Словацкой Социалистической Республики предложил созвать международный Круглый стол по использованию новых архивов с тем, чтобы выработать единую концепцию с учетом традиционных и новаторских принципов и методов архивного дела, исходя из итогов состоявшейся дискуссии.

Четвертое пленарное заседание конгресса было посвящено теме: «Международный совет архивов сегодня и завтра». В ходе этого заседания, под председательством президента МСА Г. Боомса состоялась свободная дискуссия о деятельности Международного совета архивов, в которой приняли участие 35 участников конгресса, в том числе Ф. М. Ваганов и А. Г. Митюков. Начальник Главархива СССР внес следующие предложения, направленные на совершенствование деятельности МСА: повышение эффективности научной разработки проблем архивного дела; более широкое участие стран — членов МСА в подготовке и проведении международных конференций Круглого стола архивов; оказание практической помощи развивающимся странам; координация функций МСА в более широком использовании двусторонних контактов; улучшение системы организации информации о мероприятиях МСА. А. Г. Митюков предложил МСА уделять больше внимания проблеме машиночитаемой документации, поскольку этот вид документов приобретает все большее значение в работе архивистов.

Руководители МСА ответили на вопросы и замечания относительно общей политики, финансов, программ и структуры, публикаций и других аспек-

тов деятельности Международного совета архивов.

* * *

В период работы конгресса состоялось два заседания Генеральной ассамблеи МСА, заслушавшей информацию о работе МСА за 1984—1988 гг., а также его президента, генерального секретаря, исполнительного секретаря, профессиональных и региональных организаций МСА, отчет о его финансовой деятельности. Генеральная ассамблея МСА приняла рекомендации по совершенствованию и улучшению работы новых архивов, наметила программу практической работы МСА на 1988—1992 гг.

Президентом Международного совета архивов на предстоящий четырехлетний период избран директор Национального архива Франции Ж. Фавье. Вице-президентами МСА избраны национальный архивист Канады Ж.-П. Валло и директор Национального архива Мексики Л. Ортис Монастерио. Членами Исполнительного комитета МСА на 1988—1992 гг. стали представители ФРГ, Ботсваны, Австрии, СССР (начальник отдела внешних сношений Главархива СССР В. П. Тарасов), Испании, США и ПНР. Членами Исполкома МСА на 1990—1994 гг. избраны представители Великобритании, Финляндии, Ватикана, Бразилии, Сингапура, Руанды и ООН.

Генеральным секретарем МСА избран М. Ропер (Великобритания), заместителем генерального секретаря П. Картоус (ЧССР), казначеем МСА К. Ольденхаге (ФРГ). Должность исполнительного секретаря МСА была преобразована в должность исполнительного директора, которым избран Ш. Кечкемети (Франция). Вместо трех выбывших членов Исполкома МСА, полномочия которых истекают в 1990 г., в его состав кооптированы представители Нидерландов, Туниса и Кубы.

В период работы XI Международного конгресса архивов советская делегация имела значительное число встреч с представителями архивных учреждений других стран, провела переговоры и обмен мнениями по многим вопросам двустороннего сотрудничества.

Ассоциация французских архивистов организовала ряд посещений архивных служб Франции, в которых участвовали члены советской делегации, в том числе Центра современных архивов в Фонтенбло. Здесь участников конгресса ознакомили с организацией хранения, автоматизированным поиском и копированием документов министерств и ведомств Франции.

Большое впечатление произвела экспозиция международного салона «Архивы-88», в котором были представлены разработки и издания ЮНЕСКО, Международного совета архивов, Международной федерации библиотечных ассоциаций, Международного совета по делопроизводству, а также технические средства микрофильмирования и предмашинной обработки документов, персональные компьютеры и стеллажное оборудование, дезинфекционные камеры и техника архивной климатологии.

В специальном зале с 9 до 18 часов ежедневно проводилась демонстрация аудиовизуальной программы. В составе демонстрационных материалов были и два фильма из СССР — «Хранить вечно» и «Методы реставрации и консервации аудиовизуальных документов».

Во время закрытия конгресса в Париже Ж.-П. Валло пригласил архивистов всех стран принять участие в работе XII Международного конгресса архивов в Монреале (Канада) в 1992 г.

---

* ИФЛА — Международная федерация библиотечных ассоциаций.

** СВАРБИКА — Региональная организация МСА в Юго-Западной Азии. САРБИКА — Региональная организация МСА в Юго-Восточной Азии. ВАРБИКА — Западно-африканская организация МСА. СЕНАРБИКА — Центрально-африканская организация МСА.

Статьи и сообщения

Происхождение фондового принципа классификации документов

Е. В. Старостин, кандидат исторических наук

Литература о теоретических, методических и практических аспектах применения фондового принципа классификации документов в архивах огромна[1]. Этой проблеме посвятили работы архивисты итальянской, испанской, французской, английской, американской, голландской, немецкой и других школ архивоведения[2]. Немало писали о ней советские ученые, которые в 1965 г. обсудили ее на общесоюзной научной конференции[3]. Рассматривалась данная проблема и на интернациональных форумах Международного совета архивов и международных конференциях Круглого стола архивов[4]. Словом, едва ли можно назвать еще одну тему, которая была бы изучена с такой степенью тщательности. Принцип происхождения (фондовый, учрежденческий) классификации документов в архивах стал доминирующим, обязательным в работе современных архивных служб.

В советской литературе изжита неверная оценка принципа происхождения (провениенцпринципа), данная в конце 30-х годов И. Назиным и З. Добровой в журнале «Архивное дело» и повторенная затем с некоторыми изменениями в других изданиях. Теоретически разрушила негативное отношение к этому принципу, а вернее к его схоластической форме проявления — «регистратурпринципу», статья В. Н. Автократова «Общая теория архивоведения», опубликованная в «Вопросах истории» (1973. № 8). Но прежде всего практика показала надуманность точки зрения И. Назина и З. Добровой. В «Основных правилах работы государственных архивов СССР» (М., 1962), в ценной монографии К. И. Рудельсон «Современные документные классификации» (М., 1973), наконец, в учебнике «Теория и практика архивного дела» (М., 1984) все точки над «i» были поставлены, и фонд признан единственной классификационной единицей. Его целостность и недробимость подтверждены новой редакцией «Основных правил работы государственных архивов СССР» (М., 1984).

Казалось, этот вопрос можно было бы закрыть. Однако один из его аспектов, который нам представляется важным, остается еще далеко неизученным, а именно, о происхождении фондового принципа классификации как в практическом, так и в теоретическом смысле. Правильное понимание принципа происхождения в широком значении этого термина, его истоков и эволюции важно и для историка в поиске необходимых источников, и для архивиста в решении вопросов фондирования, и для теоретика в анализе тенденций развития базового понятия архивоведения.

В историографии архивоведения постепенно выкристаллизовались три точки зрения. Представители, главным образом, французской школы уверяют, что «принцип происхождения» («уважения к фонду») ведет свое

начало со знаменитой «Инструкции о приведении в порядок и классификации архивов» МВД Франции от 24 апреля 1841 г., составленной Н. де Вайи для департаментской администрации[5]. Он заменил, по их мнению, предметно-логический принцип. М. Дюшен, один из самых заметных современных теоретиков французского архивоведения, писал: «До начала XIX в. ни администраторы, ни архивисты не испытывали ни в одной стране ни малейшего сомнения, разделяя, распыляя документы одного происхождения, когда в этом чувствовалась необходимость для практических и интеллектуальных целей. Все старые классификации архивов, которые дошли до нас, были зачаты по предметному принципу, что означало ломку в интересах использования порядка, при котором документы возникли»[6]. Противоположную точку зрения, к сожалению, забытую впоследствии, сформулировал в 1930-х годах итальянский архивист С. Пистолезе. «Но и в XVIII веке,— писал он,— известным наиболее широким доктринерским развитием, предметная система классификации не имела широкого применения. Даже во Франции, где дискуссии чаще всего имели место, этот метод систематически стал применяться только после Французской революции... Он имел, напротив, широкое применение в австрийском государстве и в тех странах, которые находились под влиянием Австрии. Кроме того, предметная классификация предпочиталась при приведении в порядок частных архивов. В других государствах продолжали применять хронологический метод классификации, следуя материальной преемственности функций и изменений учреждений, к которым относились документы в рамках жизни самого учреждения, не смешивая и не соединяя документы различных ответвлений и не создавая смешанных серий, как это имело место при предметной классификации»[7]. С. Пистолезе, как и его более именитый соотечественник Э. Казанова, считал, что принцип происхождения вообще никогда не исчезал из архивной практики. Приходится сожалеть, что специальных работ по данной теме они не оставили.

Из советских ученых по поставленному вопросу достаточно определенно высказалась Н. В. Бржостовская. В изданном в 1971 г. пособии по архивам и архивному делу зарубежных стран она признала приоритет французских архивистов в формулировке принципа «уважения к фонду». Согласилась она также и с тезисом о «господстве» предшествовавших ему в XVIII в. предметно-логических схем классификации документов[8]. Но при этом высказала столь ценные в научном отношении оговорки, которые сами по себе вынудили ее признать наличие до середины XIX в. двух форм группировки дел: по учрежденческому и логическому принципам[9]. Связанная историографической традицией, идущей в большей степени от А. Бреннеке, Н. В. Бржостовская должна была, чтобы избежать противоречия, провести четкую грань между классификацией документов по учреждениям, вытекающей из практических нужд (XVIII в. и ранее), и классификацией документов по принципу происхождения, явившейся определенным этапом развития философских и исторических воззрений общества в XIX в. В целом, без последней логической издержки, своего коллегу поддержал В. Н. Автократов.

Историографический обзор позволяет выделить ряд нерешенных проблем: о зарождении и основных этапах развития принципа происхождения в классификации документов; его соотношении с предметно-логическими системами группировки; степени их распространения на различных уровнях организации хранения документов государственного аппарата; о факторах, способствовавших теоретическому обоснованию принципа происхождения.

В поисках ответа на поставленные вопросы лучше всего обратиться к истории развития отечественных классификационных схем XI—XIII вв.,

время преобладания так называемого «словесного делопроизводства», ничего не говорят нам о данном вопросе. Молчит и следующий век. А вот XV—XVI вв. сообщают некоторые сведения. В период укрепления самодержавия и образования Российского централизованного государства происходит оформление приказов и порядка приказного делопроизводства, хранения дел, уточнения функций Боярской думы, становления земских соборов и складывания системы местного управления. Формирующиеся документы оставались у дьяков в текущем делопроизводстве приказов, которые располагали их по годам. «А срочные дьяком держати у себя. А как давати безсудные, дияком снести срочные самим вместо, да розобрав срочные самим дияком... А подьячим срочных не давати»,— записано в Судебнике 1497 г.[10]. Та же формула делопроизводства, с уточнением, что «розобрав срочные самим дьяком по сроком», повторена в Судебнике 1550 г.[11]. Подобная практика складывалась и на местах[12].

Однако при рассмотрении описи Царского архива 1570 г. такого порядка мы не обнаруживаем. Первое впечатление, что отсутствует всякая система. Но это не так. Прекрасный знаток «Хранил царских» С. О. Шмидт, долгие годы плодотворно занимавшийся изучением документальных памятников XVI в. и написавший фундаментальные труды[13], отметил, что «...в описании архивных материалов, как и в описании библиотек... наблюдается сочетание нескольких принципов, отмеченное на основании изучения описей библиотек еще Н. Н. Зарубиным[14]. Рукописи распределялись в зависимости от содержания, формата, представления об их ценности»[15]. Дополним высказывание С. О. Шмидта тем, что признаки систематизации по темам преобладали. В описи выделены: «духовные грамоты», «книги и списки казатцкие», «книги крымские», «грамоты литовские», «грамоты ординские» и т. п. Дьяки хранилища, которые оберегали документы царской канцелярии, Боярской думы, казны (документы на правах казенной собственности собственно и принадлежали казне) и других временных или постоянных центральных учреждений, нередко увезенных из присоединенных территорий, располагали их, руководствуясь прежде всего удобством хранения (столбцы к столбцам и так далее) или использования (по темам), что свидетельствовало о зарождении «дела» как делопроизводственной единицы и соответствовало первоначальному этапу развития управленческой культуры и имело аналоги в европейской практике делопроизводства. Если распределение документов в описи и обнаруживает известную систему, то она не содержит даже намека на научный подход и может лишь, как в свое время было подмечено А. А. Зиминым[16], подсказать источники комплектования архива. Архив Московского государства, вобравший в себя документы не одного, а нескольких учреждений, мало чем отличался от коронных архивов западноевропейских королевств и формой комплектования, и выборочным составом документов, и их внутренней организацией, и подчиненностью казне, и тем более направлениями использования.

Такова была практика классификации документов в центральном хранилище государства. Но в письмохранилищах приказов, приказных изб и т. п. дьяки и подьячие не ощущали ни малейшей потребности в нарушении естественной принадлежности документов к структурным подразделениям или лицам (ящик такого-то дьяка) их создавшим, интуитивно сохраняя таким образом принцип происхождения.

Мало что изменилось за сто лет. Архив Посольского приказа в силу особенностей государственного и социально-политического развития Московского государства в конце XVI — начале XVII в. (гибель династии, частая смена верховных правителей, иностранная интервенция, городские и крестьянские восстания и т. п.) принял в свой состав оставшиеся документы

Царского архива. Описи архива Посольского приказа (1614, 1626, 1670—1673 гг.), тщательно изученные С. О. Шмидтом, С. А. Левиной, В. И. Гальцовым[17] и др., показывают, что в этом складывающемся главном ведомственном историческом архиве в большей степени учитывался принцип происхождения документов. Эта тенденция имела место и в других учреждениях правительственного аппарата XVII в., отражая растущую специализацию органов управления и уточнение их функций[18]. «А поместные и вотчинные всякие дела,— записано в Приговоре Земского собора первого ополчения 1611 г.,— ведати в одном Поместном приказе, а иных полкех поместных дел не ведати, и грамот поместных и вотчинных не давати»[19].

Период приказной системы государственного управления — самостоятельный этап в развитии отечественного архивного дела. Центральные власти предпринимали значительные усилия, направленные на сохранение и приведение в порядок документов. Воеводы чуть ли не каждый год обязаны были подавать сведения в центральные учреждения о наличии у них документов (сметных книг, росписных списков, отпусков и пр.). При смене воевод перепись казенного имущества, куда входили бумаги, была обязательна. Выборочное изучение этого, далеко еще не введенного в научный оборот источника[20], позволяет прийти к некоторым выводам. В XVII в. старые дела редко выделялись из текущего делопроизводства. В письмохранилищах документы сначала систематизировались по грамотам, затем отпускам, разным книгам, спискам, и наконец, судным делам. Показательным в этом смысле является архив Новгородской приказной избы. Опись включает материалы отдела государственных грамот и 8 столов — разрядного, посольского, денежного, поместного, судного, хлебного, ямского и почтового[21]. В целом учрежденческий принцип классификации документов соблюдался. Внутри его документы делились по видам, хронологии, содержанию или географической принадлежности. Отклонения от принятой системы, конечно, встречались сплошь и рядом.

Указания верховной власти следовали одно за другим, что свидетельствовало не столько об ее активности, сколько о неблагополучном положении на местах. Этот «нормативный материал» позволяет определить методический уровень практического архивоведения того времени. В распоряжении судьи и дьяков Разрядного приказа о приведении в порядок документов в приказе от 14 октября 1657 г. записано: «В Розряде во всех столех пересмотрети и разобрати всякие государевы старые и новые дела родословные, и розрядные, и записные книги, и десятни, и розрядные же, и приказные, и всяких дел столпцы, и судные всякие дела по годам, а разобрав и переписав всякие государева дела, устроить в сундуки порознь по статьям, чтоб в Розряде никакие государевы дела просто нигде не лежали, не валялись. И тому всему государеву делу по своему досмотру велеть учинить в тетрадех и зделать книгу»[22].

Основной формой делопроизводства до начала XVIII в. были столбцы. Эта форма ведения дел, а затем их хранения посредством склеивания однородных документов и общей их пометы по склейкам должностным лицом препятствовала в определенной степени подлогам в документах, предохраняла их от утраты, улучшала сохранность[23]. Складка — страшный враг пергамена и бумаги, и это прекрасно знали дьяки. В самой форме составления и хранения дел был заложен принцип происхождения. В большинстве описей того периода «...документы расположены по годам, а под каждым годом сначала описывались грамоты, а потом книги»[24]. Впоследствии, в силу все возрастающего объема документации, более интенсивного ее использования в административных целях, неудобства этой формы делопроизводства стали очевидны.

Реформа государственного аппарата (1718—1720 гг.) упразднила боль-

шинство приказов. Оставшийся огромный объем документов был передан вновь созданным коллегиям по описям, составленным с учетом прежних административных структур. «Дела, которые попрежнимъ указамъ разобраны и описаны были на Москве,— писал архивариус петровского времени А. Почайнов,— в Посольском приказе, а имянно Свейского повытья так столпы, как и книги что не были паки смешаны и розбиты и были содержаны по сундукам за печатью в сохранении, так и другие повытья надлежит дела розбирать и описывать»[25]. С соблюдением такого же порядка описания были сданы в архив коллегии походные бумаги Ф. А. Головкина, ближайшего сподвижника Петра I[26]. Вообще дело № 1 канцелярии Московского архива Коллегии иностранных дел, откуда мы цитируем документы, является первоклассным источником о зарождении отечественной архивной мысли. Оно содержит специальную архивную инструкцию от 24 марта 1720 г. за подписью канцлера Г. И. Головина А. Почайнову, в которой один раздел посвящен интересующему нас вопросу: «Обретающыеся здесь в Санкъ Петербурге дела разобравъ и описать все какие имеютца таким образом: корреспонденцию отъ двора его царского величества сообретающимися при чюжестранных дворех его величества министрами, послами и посланники и резиденты и другие чины на российском языке имеющуюся разобравъ по годам, по месяцам и по числам переплесть в книги погодно, порознь, а имянно: рескрипты и указы к министрам, посылаемые к каждому особно погодно в книге, а реляции министерские собравъ ко онымъ все показанные во оныхъ приложении и с них переводы также х каждому особо же погодно в книги, Грамоты х королямъ принадлежащие к темъ деламъ, при которыхъ дворех министры по порядку прикладывать ко онымъ и переплетать, а грамоты ж чюжестранных государей отобрать в пакеты особо и учинить надписи, а со оных переводы приложить к деламъ техъ дворовъ, где которые прилично и всему тому зделать записную книгу с регистром по нумером по алфавиту»[27]. Перед нами классический образец прагматического подхода к классификации, при проведении которой сохранялся учрежденческий комплекс документации, но внутри него документы распределялись в интересах использования с применением различных принципов (хронологического, предметного, номинального и т. п.).

В целом естественный порядок классификации бумаг сохранялся и в работе местных архивных учреждений. Так, например, 24 октября 1797 г. был издан указ об учреждении комиссии для разбора земского архива города Митавы. В нем читаем: «...Дабы разобрав тот архив, отделили они каждому присутственному месту принадлежащие дела»[28]. Однако нарушения этого принципа встречались как в предыдущие века, так будут встречаться и в последующие. Это происходило вследствие старения документов и потери ими ценности для текущей работы, передач документов ликвидированных учреждений в другие хранилища, плохих условий хранения (отсутствия подходящих помещений и пр.), невысокой административной культуры.

Отход от учрежденческой формы классификации документов значительно чаще стал наблюдаться после создания в 60—80-х годах XVIII в. крупных ведомственных архивов. В их составе была объединена большая масса старых документов, нередко ликвидированных учреждений, функции и внутреннюю структуру которых восстановить было трудно, а зачастую и невозможно. Это была эпоха великих научных классификаций: К. Линнея — в ботанике, Ж. Кювье — в зоологии, Й. Берцелиуса — в химии, фон Леонарда — в петрографии и др. Архивисты, конечно, не могли остаться в стороне от этого. Совершенствовалась методика работы с документами. На формы их систематизации значительное влияние оказала прак-

тика коллекционирования. Коллекционирование, а его следы теряются в эпохе Возрождения, всегда рассматривалось как первый шаг к науке. Тем более, что при повсеместной недоступности архивов историографы обращались к коллекциям и на их основе писали исторические трактаты. Влияние историков на архивы было крайне незначительно. Объектом складывающейся исторической науки продолжали оставаться отдельные письменные, преимущественно средневековые памятники, но никак не их совокупность. История государственных учреждений и политических институтов не стала еще объектом внимания исследователей. «Первые русские археографы (а мы добавим, что не только русские.—**Е. С.**),— писал И. Л. Маяковский,— были так безраздельно захвачены интересом к самому содержанию архивов, что это заслоняло от них архивы, как таковые, их внутреннее устройство и состояние, являющееся продуктом продолжительного развития»[29].

Нет ничего удивительного в том, что образованные люди, ставшие во главе столичных коронных или ведомственных исторических архивов, руководствуясь прежде всего целями лучшего использования документов в интересах правящих домов, при наведении порядка сделали попытки внедрить предметно-логические (пертинентные) классификационные схемы. Их к этому подталкивали и авторы (как правило, не профессионалы) трактатов об архивах, которые в числе других вопросов затрагивали и формы внутренней организации документов в хранилищах[30]. Не отрицая влияние указанных выше факторов, которые в большей или в меньшей степени стимулировали поиск оптимальных схем классификации документов, отметим, что сама архивная практика подсказала один из путей ее решения. В обращении к пертинентной системе мы видим попытку распространить внутреннюю классификацию документов учреждения или лица, которая как правило была смешанной (предметной, хронологической и т. д.), на весь комплекс большого исторического архива, принявшего документы многих учреждений. Подобная практика достаточно широко распространилась в Австро-Венгрии и германских государствах, где уже с XVI в. широко вошла в жизнь регистратурная форма учета и хранения бумаг. В России ее адептами явились Г.-Ф. Миллер и Н. Н. Бантыш-Каменский, применившие при упорядочении документов в Московском архиве Коллегии иностранных дел предметно-логическую классификацию. Г.-Ф. Миллеру, немцу по рождению и образованию, удалось превратить это хранилище в образцовое, как считали современники, и только смерть в 1783 г. помешала ему приступить к выполнению плана — публикации дипломатических документов по истории России.

Во Франции в первое десятилетие XIX в. предметно-логическую классификацию активно стал внедрять Пьер Дону, директор Архива империи (ранее и позднее — Национального архива), явившийся таким образом творцом секционно-серийной классификации документов. В распределении документов центрального архива Франции на секции (административная, историческая, доманиальная, юридическая, законодательная и топографическая), политические мотивы которого очевидны, как в зеркале отразился буржуазный принцип разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную, выдвинутый еще Монтескье. Схема П. Дону, несмотря на недостатки, остается основой современной классификации архивных документов во Франции.

Степень распространения пертиненцпринципа не следует преувеличивать. До преобладания ему еще было далеко, и главными причинами, мешавшими его распространению, были: выявившиеся вскоре скрытые неудобства в использовании документов и трудности в практической реализации, заключавшиеся в отсутствии квалифицированных сотрудников,

удобных помещений, материалов, средств и пр. Определение географических границ применения пертиненцпринципа — дело будущего. В отдельных центральных архивах, не говоря о местных, документы продолжали хранить по учреждениям. Этот подход, как свидетельствуют ордонансы для Генерального архива Индий, утвержденные 10 января 1790 г. Карлом IV, получают методическое обоснование в Испании. Принцип происхождения и различные аспекты его практического использования были высказаны почти в 40 из 94 глав ордонанса. Здесь не встречается, конечно, понятие «фонд», но требование хранить документы по учрежденческому принципу звучит отчетливо[31].

Такого же принципа в целом придерживались сотрудники архива Морского министерства в России. В «высочайше утвержденном предварительном образовании дежурства Морского министерства» в § 66 записано: «Дела в архиве должны храниться с разделением оных, во 1-х, по департаментам, во 2-х, по предметам, в 3-х, по годам, с приличными подписями, так чтобы с первого взгляда можно было видеть дела каждой отдельной части во всех ее разделениях»[32]. Эту «документальную троицу»: учреждение, предмет и хронология — можно отнести к основам современной классификации документов. Запомним дату инструкции — 26 января 1827 г.

Наталис де Вайи, французский архивист и публикатор середины XIX в., которому современная наука отдает приоритет в определении фондового принципа классификации документов, безусловно не знал ничего ни об ордонансах Карла IV, ни об инструкции российского морского ведомства. Перед его глазами был опыт предметно-логической классификации Национального архива, недостатки которой вырисовывались все отчетливее. Подготовленная Н. де Вайи инструкция датируется 24 апреля 1841 г. Она предназначалась для департаментских архивов, которые были в меньшей степени затронуты предметной классификацией, чем центральное хранилище. Процитируем основные ее положения, включенные в раздел «Принципы и цели классификации»: «1) разобрать различные документы по фондам, т. е. образовать коллекции из всех разновидностей документов, происходящих из одного учреждения, семьи или индивидуума и расположить в определенном порядке различные фонды; 2) классифицировать в каждом фонде документы по предметам, определяя для каждого свой ряд; 3) расположить дела в зависимости от обстоятельств: в хронологическом, топографическом или просто алфавитном порядке. Для того, чтобы обозначить фонды, группы фондов или часть фонда вводится система «серий», обозначающихся буквами алфавита: «А» — «I» обозначают серии документов, отложившихся до 1790 г., «К» — «Z» собственно департаментские архивы»[33]. Слово «фонд» в переводе с французского — «основа», найденное автором инструкции, оказалось чрезвычайно удачным. Понятие «архив», употреблявшееся во французском языке сначала в мужском, затем в женском роде в XVIII — начале XIX в., приняло множественное число. Оставить его в ряду основных понятий архивоведения, как, например, это произошло в Италии и в России[34] — было невозможно. В этот период во Франции уже широко распространилась практика «трияжа» (разборки и уничтожения) ненужных документов, и в архивы поступал не весь комплекс документов учреждения, а только его основная часть. На утверждение этого понятия, конечно, повлияла библиотечная и музейная практика, включившая термин «фонд» в понятийный аппарат. Насколько удачным следует признать выбор самого слова фонд, настолько неудачным с точки зрения терминологии окажется в перспективе его определение, вошедшее и в общие энциклопедии: «архив — это коллекция...» В конце XIX в. эти два взаимоисключающие понятия будут разведены, поскольку

они порождали терминологическую и, как следствие, смысловую путаницу. Большая заслуга в этом будет принадлежать немецким и голландским архивистам, в рекомендациях которых принцип происхождения будет доведен до логического конца[35]. Инструкция Н. де Вайи была обращена не столько к будущей документации, сколько к уже отложившейся в департаментских архивах, которую необходимо было привести в порядок. Этим можно объяснить тот факт, что французский архивист позаботился о соблюдении внешних границ фонда, предоставляя сотрудникам архивов самим решать, какой будет его внутренняя организация.

Почти одновременно с французской инструкцией 1841 г. российские составители положения о губернских правлениях в главе XII «Часть архивная» высказали мысли, более последовательно развивавшие принцип происхождения. Они писали: «По сему главнейшая обязанность архивариуса состоит в том, чтобы располагать и содержать дела постоянно в том порядке, в каком они были в Столе и в каком поступают к нему. Вновь заводимый архивный порядок должен быть строго соблюден со введением сего учреждения, а дела прежних лет приводятся в возможное устройство, по тому порядку, как значатся в старых описях»[36].

Этот подход, к сожалению, не был развит в нормативных документах, определявших правила работы ведомственных исторических архивов. Более того Н. В. Калачов, видный архивист пореформенной России проявил некомпетентность, когда в своих статьях и выступлениях продолжал ратовать за предметно-логический принцип классификации документов[37]. «Подвергнуть документы какого-либо архива,— писал он,— надлежащему разбору — значит разделить их на отделы или разряды по различию их содержания»[38]. В 60—80-е годы Н. В. Калачов, возглавивший МАМЮ, уже не мог осуществить на практике тематическую классификацию документов. Отечественная историческая наука в лице лучших своих представителей уже выявила необходимость сохранения в целостности дошедших из далеких времен комплексов документов со всеми сложившимися между ними историческими связями. Тем более, что у Калачова появились и серьезные оппоненты среди архивистов. В 1864 г. директор Московского архива МИД К. А. Оболенский в письме к К. К. Злобину, поддержавшему Н. В. Калачова, предупреждал о больших трудностях в работе с документами, которые вызвала система предметной классификации дел Посольского приказа, проведенная еще Г.-Ф. Миллером[39]. Критически высказался в отношении классификации, «заимствованной из какого-нибудь учебного руководства по части законодательства», Д. В. Поленов, работавший в архиве II Отделения е. и. в. канцелярии[40]. И был недалек от истины, так как Н. В. Калачов, принадлежавший к юридической школе в русской исторической науке, «систематический метод» (терминология тех лет.—**Е. С.**) применил к изданию «Русской Правды»[41]. Он, а впоследствии и М. Н. Ясинский, распределяли юридический материал памятников, спаянных когда-то воедино замыслом составителей, в соответствии с современными им нормами права: «государственное право, буржуазное право, преступление и наказание, судопроизводство»[42], значительно уменьшая, а то и искажая, информационный потенциал источников. К таким же последствиям вело применение «систематического метода» в классификации архивных документов.

Однако эта точка зрения оказалась живучей. Последний в дореволюционный период спор между сторонниками формально-логического (предметного) и учрежденческого (традиционного) подхода к классификации документов разгорелся накануне первой мировой войны. На статью только что назначенного заведующим архивом Морского министерства А. И. Лебе-

дева «Делопроизводство в учреждениях как базис архивной работы»[43] ответил рефератом старейший археолог-архивист Ф. А. Ниневе[44]. Не будем вдаваться в суть диспута, отметим только, что здесь выявились расхождения между архивистами, преследующими административные и научные цели. Глубокий разбор рождения научного подхода к вопросу о классификации документов на отечественном материале XIX — начала XX в. был проведен В. Н. Автократовым. К его статьям мы отсылаем читателя.

Таким образом, у нас нет оснований делить историю классификационных систем на два или даже три этапа по воображаемому господству того или иного (пертиненц и провениенц) принципа. Классификация по происхождению, отражающая адекватно историко-культурный, функциональный, классовый характер документов и их органическое образование, наблюдалась в различных регионах и на всех стадиях деятельности государственного аппарата, создавшего, хранившего и использовавшего архивы. В эпоху разложения феодализма и формирования капиталистических отношений она не встречалась и не могла встречаться в чистых классических формах. Новое время на европейском континенте предоставляет нам бесчисленные примеры распространения так называемых комплементарных (взаимодополняющих) форм классификации документов, что как в зеркале отражало эволюцию государственного аппарата и политических институтов европейских стран с присущими им тогда многообразием функций и «размытостью» административных структур. В странах с высокой административной культурой принцип происхождения приобретал более определенные черты, но нарушения его встречались нередко. Притом, чаще всего это наблюдалось в центральных архивохранилищах, в которых поступившие документы оказывались оторванными от фондообразователей.

Во Франции, в Австро-Венгрии и государствах, находящихся под ее влиянием, принцип классификации по происхождению был в большей степени потеснен в XVIII—XIX вв. пертинентными схемами. Однако с середины XIX в. принцип происхождения в силу возросших требований значительно специализировавшегося государственного аппарата, с одной стороны, и развития исторической науки, с другой, получает научно-обоснованную теорию и становится основополагающим в архивоведении европейских стран.

Середину XIX в. можно считать рубежом, завершившим практический и открывшим научный этапы в развитии принципа классификации по происхождению. В это время общественные науки получают цельную стройную теорию материалистического понимания истории.

---

[1] Doctrine et terminologie archivistique // Archivum. Fascicule bibliographique. Paris, 1964. N 1; Bibliographie internationale fondamentale d'archivistique // Archivum. New-York — London — Paris, 1978. V. 25.

[2] Bauleu P. Das Provenienzprinzip // Hist. Zischr. 1902. Jg. 5; Rossenfed. Zum archivalischen Provenienzprinzip // Korr. bl. 1905. Jg. 53; Casanova E. Archivistica. 2-e ed. Siena, 1928; Kaiser H. Das Provenienzprinzip im französischen Archivwesen // Lippertfestschrift. 1931; Schultze J. Gedanken zum Provenienzgrundzätze // Lippertfestschrift. 1931; Pistolèse S. Les archives européennes du XI siècle à nos jours. Rome, 1934; Winter G. Grenzen des Provenienzprinzips // Allg, verfüg. d. preuss. Archivverw. 1938; Siemienski J. Respect des Fonds // Comité international des sciences historiques. VIII Congrès international des sciences historiques. Zürich, 1938; Varga. Il principio di provenienza // Archivi d'Italia. 1939. 2. Ser. Bd. 6; Posner E. Max Lehmann and the genesis of the principle of provenance // Indian Archiv. 1950. N 4; Brenneke A. Archivkunde... Leipzig, 1953; Goncalves V. Arte de classificar e de arguivar. Porto, 1956; Enders G. Probleme des Provenienzprinzips // Archiwar und Historiker. Berlin, 1956; Le classement et la cotation // Manuel d'archivistique... Paris, 1970; Laroche C. Que signifie le respect des fonds? Esquise d'une archivistique structurale // Gazette des Archives. 1971. N 73; Schellenberg T.

The principle of the provenance and modern records in the Inited States // American Archivist. 1965. N 28; Franz E. "Ressort-provenienz" und " Verwaltungsstruktur" // Archivar. 1973. N 26; Duchein M. Le respect des fonds en archivistique et problème pratique // Gazette des Archives. 1977. N 97; Romero M. El principo del "respeto a la procedencia de los fondos" en las ordenańzas de Garlos IV para el archivo general de Indias // Boletin de archivos. Madrid, 1978, N 3; Archivwesen der Deutschen Demokratischen Republik. Theorie und Praxis. Berlin, 1984.

[3] Князев Г. А. Теория и техника архивного дела. Л., 1935; Назин И., Доброва З. Провениенцпринцип в построении архивного фонда // Архивное дело. 1937. № 1 (42); Митяев К. Г. Теория и практика архивного дела. М., 1946; Солодовникова Л. И. Фондирование документальных материалов в государственных архивах // Материалы Всесоюзного совещания по вопросам фондирования и учета документальных материалов. М., 1963; Петровская М. Ф. Определение понятия архивного фонда и его границ в советском архивоведении и образование объединенных архивных фондов // Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1966. Т. I; Митяев К. Г. К методологии классификации и экспертизы ценности документов // Труды МГИАИ. М., 1967. Т. 25; Солодовникова Л. И., Цаплин В. В. Недробимость архивного фонда и некоторые вопросы фондирования // Вопросы архивоведения. 1964. № 4; Рудельсон К. И. Теоретические вопросы классификации документальных материалов в работах советских архивистов // Научная конференция по проблеме «Исторический опыт советского архивоведения и его значение на современном этапе». 23—24 марта 1970 г. Тезисы докладов. М., 1970; Селезнев М. С. Понятие об архивном фонде и его освещение в современной литературе. М., 1971; Рудельсон К. И. Советская историография по вопросам классификации документов // Советские архивы. 1972. № 1; Автократов В. Н. Архивоведение в кругу других областей знаний // Советские архивы. 1973. № 2; Он же. Общая теория архивоведения // Вопросы истории. 1973. № 8; Орлова Н. А. Классификация документальных материалов в советских архивах. М., 1976; Автократов В. Н. Понятие принципа происхождения в архивоведении // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1980; Он же. Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX — начала XX вв. // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982; см. также: Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1966 (статьи А. В. Елпатьевского, В. В. Цаплина, А. И. Ткаченко и др.).

[4] Международные конференции Круглого стола архивов — 1959, 1962, 1981 гг.

[5] Bordier H. Les archives de la France. Paris, 1855. P. 51—52.

[6] Duchein M. Op cit. P. 72.

[7] Pistolèse S. Op cit. P. 7—8.

[8] Бржостовская Н. В. Архивы и архивное дело в зарубежных странах (История и современная организация). Учебное пособие. М., 1971. С. 61.

[9] Она же. Развитие архивного дела с древнейших времен до наших дней // Труды ВНИИДАД. М., 1979. Ч. II. С. 26—29.

[10] Российское законодательство X—XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 57.

[11] Там же. С. 102, 104.

[12] Там же. Уставная земская грамота волостей Малой Пенежки, Выйской и Суры Двинского уезда. 25 февраля 1552 г. С. 233.

[13] Шмидт С. О. К истории составления описей Царского архива XVI века // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1959. С. 54—65; Он же. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений (опыт изучения описи Царского архива) // Труды МГИАИ. М., 1957. Т. 8. С. 260—278; Он же. К истории Царского архива середины XVI в. // Труды МГИАИ. М., 1958. Т. 11. С. 384—407; Он же. Становление российского самодержавства: исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного. М., 1973; Он же. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984; Шмидт С. О., Князьков С. Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI—XVII вв. Учебное пособие. М., 1985.

[14] Зарубин Н. Н. Очерки по истории библиотечного дела в древней Руси. 1. Применение форматного принципа в расстановке книг в древнерусских библиотеках и его возникновение // Сборник Российской публичной библиотеки. Пг., 1924. Т. 2. Вып. 1. Материалы и исследования.

[15] Шмидт С. О. Российское государство... С. 21.

[16] Зимин А. А. Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции. М., 1978. С. 31—32.

[17] Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960; Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. I—II; Опись Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1980; Гальцов В. И. Архивные описи в приказном делопроизводстве XVII века // Историография и источниковедение архивного дела в СССР. Сб. статей. М., 1984.

[18] Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X—XX веков. Акты земских соборов. М., 1985. Т. 2. С. 91, 102, 103, 221, 230.

[19] Там же. С. 49 (ст. 22).

[20] Морозов Б. Н. Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. К постановке вопроса // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 70—98.

[21] ЦГАДА. Ф. 210. Разряд. Книги Новгородской приказной избы. Д. 71. Л. 32—494.

[22] Там же. Столбцы Севского стола. Д. 187. Л. 416. Благодарю Г. А. Дремину и И. А. Курникову, указавших на наличие выписок из этих двух документов в архиве проф. А. В. Чернова.

[23] Немецкий авантюрист Генрих Штаден — автор записок о Москве эпохи Ивана Грозного — отметил эти особенности столбцового делопроизводства.

[24] Личный архив проф. А. В. Чернова. Хрестоматия по истории архивного дела в России. Машинопись, рукопись, б. д. С. 295.

[25] ЦГАДА. Ф. 180. Канцелярия Московского архива Коллегии иностранных дел. Оп. 1. Д. 1. Л. 12 а, 12 а об.

[26] Там же.

[27] Там же. Л. 12 об.

[28] ПСЗ. Т. XXIV. № 18217.

[29] Маяковский И. Л. Очерки по истории архивного дела. М., 1941. С. 24.

[30] Старостин Е. В. Зарубежная буржуазная историография архивоведения. М., 1986. С. 9—26.

[31] Romero M. Op. cit. Благодарю А. В. Елпатьевского, указавшего настоящий источник и способствовавшего написанию этой статьи.

[32] ПСЗ. Т. II. № 839.

[33] Manuel d'archivistique... P. 208.

[34] В практике работы государственного аппарата дореволюционной России существовали различные наименования структурной части учреждения, в которой хранились бумаги: казна, казенка, письмохранилище, архивный отдел, архивный раздел, архивные дела присутственного места и архив. Под последним понимали как бумаги отдельного учреждения, так и собственно архивохранилище, сконцентрировавшее документы из различных присутственных мест и от отдельных лиц.

[35] Muller S., Feith J. A., Fruin R. Handleiding voor het ordenen en Beschrijven van archieven. Groningen, 1898.

[36] ПСЗ. 1846. Т. XX. № 18580.

[37] Калачов Н. В. Архивы // Труды I Археологического съезда в Москве. 1869. М., 1871. С. 59—60.

[38] Калачов Н. В. Указ. соч. С. 211.

[39] Автократов В. Н. Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении... С. 11.

[40] Хрущов И. Очерк жизни и деятельности Д. В. Поленова. СПб., 1879. С. 47.

[41] Калачов Н. В. Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций. М., 1846; Он же. Исследования о Русской Правде. М., 1846.

[42] Ясинский М. Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889.

[43] Лебедев А. И. Делопроизводство в учреждениях как базис архивной работы // Морской сборник. 1913. № 2. С. 42—80.

[44] Ниневе Ф. А. Критический отзыв по поводу реферата А. И. Лебедева «Делопроизводство в учреждениях как базис архивной работы». М., 1914. Проекты реформ архивного дела А. И. Лебедева (1913), Ф. А. Ниневе (1917), а ранее И. Е. Андреевского и Е. Н. Квашнина-Самарина не стали еще объектом исследования советских специалистов.

Пересмотр списков источников комплектования госархивов — одно из основных направлений оптимизации состава документов ГАФ СССР

М. П. Жукова, кандидат исторических наук,
З. П. Ходакова

«Основные направления оптимизации состава документов ГАФ СССР на 1986—1990 гг.» определили главные задачи деятельности архивных учреждений страны в области экспертизы ценности документов и комплектования ими государственных архивов.

Одним из важных направлений этой работы должен стать пересмотр (уточнение) состава действующих в настоящее время списков учреждений, организаций и предприятий[1] — источников комплектования Государственного архивного фонда СССР на основе «Примерного списка видов учреждений, организаций и предприятий — источников комплектования государственных архивов» (М., 1987) и «Примерного списка видов учреждений, организаций и предприятий, не являющихся источниками комплектования государственных архивов» (М., 1987). ВНИИДАД, центральные государственные архивы и архивные учреждения всех союзных республик провели исследования по теме «Развитие критериев определения источ-

ников комплектования ГАФ СССР», в результате которого подготовлены примерные списки и «Методические рекомендации по определению источников комплектования государственных архивов» (М., 1987). Методические рекомендации раскрывают критерии и факторы определения источников комплектования госархивов, формы приема документов от организаций — источников комплектования, методику отнесения организации к числу источников комплектования госархивов. В примерных списках перечислены виды и разновидности учреждений, организаций и предприятий, являющихся и не являющихся источниками комплектования госархивов по укрупненным отраслям народного хозяйства и социально-культурного строительства, а также общественных организаций. При этом для организаций, являющихся источниками комплектования госархивов, указаны формы приема их документов на государственное хранение, т. е. полнота состава документов, имеющих научно-историческое значение. При полном приеме осуществляется поступление всех документов постоянного хранения от всех организаций конкретного вида (разновидности); при выборочном приеме — только части документов от всех организаций указанного вида (разновидности) или всех документов постоянного хранения, но только от части организаций определенного вида (разновидности). Часть организаций, не являющихся источниками комплектования госархивов, отмечена «звездочкой», что означает прием их информационно-аналитической, отчетной и другой ценной документации на госхранение в составе фондов вышестоящих организаций, куда данные документы поступают в силу действия законов управления.

Анализ списков источников комплектования госархивов, проводимый на основе названных выше документов, позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

Примерные списки включают в основном виды источников комплектования госархивов по состоянию на 1 января 1985 г.

С конца 1985 г. началась реорганизация системы управления ряда отраслей народного хозяйства. Однако, как показывает опыт работы архивных учреждений, положения примерных списков применимы к отраслям, которых не коснулась реорганизация; к организациям низового звена всех отраслей; к организациям всех отраслей за период примерно с 1970 по 1985 г. Состав видов источников комплектования, приведенный в примерных списках, отражает состояние по стране в целом, т. е. является ориентиром для работы архивных учреждений всех рангов. Однако применение примерных списков требует творческого подхода с учетом трех основных положений: действующей в каждый конкретный период системы управления отраслями народного хозяйства и социально-культурного строительства; особенностей ее в каждом регионе страны; сложившейся практики работы архивных учреждений определенного региона.

Большая роль в уточнении состава источников комплектования по отраслям народного хозяйства и социально-культурного строительства принадлежит соответствующим министерствам, ведомствам, учреждениям, организациям и предприятиям, совместно с которыми архивные учреждения пересматривают эти списки.

За более чем 20-летний период действия первых примерных списков (1961 г.) государственные архивы накопили большой методический и практический опыт работы по определению источников комплектования. Начали внедряться в практику функциональный, информационный, системный подходы к оценке документов, разработаны основные положения отбора на государственное хранение документов с повторяющейся информацией, начато исследование проблемы выборочного приема документов на госхранение.

Следует отметить, что проблема выборочного приема документов в настоящее время принадлежит к числу теоретически наиболее сложных. Однако в ее исследовании все же сделаны определенные шаги.

Проблема типического, ставшая в последнее десятилетие предметом изучения архивистов, базируется на представлениях о массовости объектов, однородности их деятельности, состава и содержания документов, позволяя отбирать для изучения часть документов как репрезентативную по отношению к целому, что обосновало правомерность применения группового выборочного приема документов организаций — источников комплектования госархивов.

Исследование разных аспектов проблемы ценности документов с применением источниковедческого, функционального, информационного подходов позволило расширить систему оценок и тем самым сократить количество документов, принимаемых на госхранение. Это сделало возможным применение повидового выборочного приема документов.

Данные положения стали базой развития системы критериев определения источников комплектования госархивов, изложенных в вышеупомянутых методических рекомендациях: значение организации в отраслевой системе (ее правовое положение, функционально-целевое назначение, уровень в системе); полнота отражения информации о ее деятельности в фонде другой, как правило, вышестоящей организации, а также факторов: количественное представительство организаций определенного вида в зоне комплектования архива и степень однородности информации в их документах; организация хранения документов ГАФ СССР в соответствии с существующей сетью государственных архивов. Они приняты и используются архивистами.

Следует ожидать, что сложными в процессе работы по уточнению списков источников комплектования окажутся вопросы, связанные с применением выборочного приема документов на госхранение.

В ходе исследования темы «Развитие критериев определения источников комплектования ГАФ СССР» была сделана попытка развить имеющиеся в архивоведении представления о выборочном приеме документов на государственное хранение. Предложение о применении хронологического и комбинированного выборочного приема (последний представлял собой сочетание хронологической и повидовой выборки)[2] оказалось сложным в практической работе. Кроме того, теоретически не был достаточно проработан вопрос об их преимуществе перед другими имеющимися формами[3]. Уже тогда было справедливо отмечено, что применение форм выборочного приема требует осторожности и последовательности в работе с документами, отнесенными к той или иной форме выборки[4].

Повидовой и групповой выборочный приемы знакомы архивистам. Однако их применение было связано с трудностями, связанными не только с отбором документов, но и фондированием, описанием и учетом. При подготовке примерных списков наибольшие сложности вызывал повидовой выборочный прием, т. е. прием документов, не повторяющихся в фонде вышестоящего органа, от всех организаций определенного вида. Методические рекомендации содержат указание об определении состава таких документов по соответствующим нормативно-методическим пособиям. Практика показывает необходимость более четко выделить круг отбираемых документов и возможность изменения в связи с этим отдельных статей в действующих пособиях. Работа по выборочному приему документов потребует, прежде всего, высокой квалификации архивистов, а также разработки дифференцированного подхода к документам организаций одного вида в разных регионах страны, а возможно и в одном, но разной ведомственной подчиненности или за разные хронологические

периоды их существования. При таком подходе к повидовому выборочному приему появится возможность применять положения примерных списков к фондам, уже находящимся на государственном хранении, для проведения целевой комплексной экспертизы.

При применении группового выборочного приема сложность представляет определение состава выборочной совокупности документов и их количества. Исследования советских и зарубежных архивистов[5] показали отсутствие четких количественных параметров выборочной совокупности документов, поэтому представляется нецелесообразным заранее вводить определенные показатели числа организаций того или иного вида, которые должны войти в число источников комплектования группового выборочного приема. Однако применение направленного отбора с учетом профильности организаций характеру специализации региона, особой роли конкретной организации среди организаций данного вида, полноты документирования ее функций[6] и случайного отбора необходимо.

Обратим внимание еще на один вопрос. Примерные списки 1961 г. и 1987 г. предусматривают так называемый опосредованный отбор[7], т. е. отбор ценных документов организаций, поступивших в вышестоящий орган в силу действия законов управления, в составе фонда данного органа управления. Однако опосредованный прием нельзя рассматривать как повидовой выборочный прием, так как здесь имеются в виду разные организации и с точки зрения значения в отраслевой системе и с точки зрения ценности их документов. Предложения о возможном «доборе» — приеме ценных документов организации-автора в фонде ее вышестоящего органа, выходящих за рамки документов, поступающих туда в силу действия законов управления, представляются неверными. Они потребуют создания искусственных архивоведческих каналов документирования, направления организацией-автором в вышестоящий орган документов, не предусмотренных действием законов управления. Отсюда возникает ряд вопросов организационного и методического характера, решение которых не зависит от учреждений государственной архивной службы.

Работа по уточнению списков источников комплектования госархивов направлена на совершенствование состава ГАФ СССР. Возможно предположить в связи с этим изменение в целом по Союзу количества источников комплектования и принимаемых от них документов. Отметим, что в течение последних десяти лет количество источников комплектования изменялось незначительно. В 1983 г. началось экспериментальное внедрение примерных списков, и число источников комплектования государственных архивов несколько сократилось. Количество документов, принимаемых в госархивы в связи с введением выборочного приема, также должно уменьшиться. В примерных списках к числу источников комплектования выборочного приема на местном уровне отнесено около 40 видов организаций, примерно половина из них — источники комплектования повидового выборочного приема, от которых на госхранение поступит только часть их документации. Так, от колхозов и совхозов принималось в среднем по стране около 10 видов документов (они относились к числу источников комплектования полного приема), теперь же — 2—4 вида документов. Если учесть, что количество колхозов и совхозов — около 50 тыс., то станет ясен экономический эффект введения выборочного приема.

Примерные списки и методические рекомендации могут быть использованы при уточнении списков источников комплектования и с организационной точки зрения. В соответствии с выводами их экспериментального внедрения в 1983—1984 гг. и современной практикой можно рекомендовать составление двух списков: списка организаций, являющихся источниками комплектования, и списка организаций, не являющихся

источниками комплектования, форма которых в целом аналогична форме примерных списков. При организации работы по уточнению списков источников комплектования архивным учреждениям рекомендуется обратить особое внимание на работу с организациями выборочного приема. Отнесение организаций к числу источников комплектования выборочного приема предполагает отбор на госхранение отчетной и информационно-аналитической документации в фондах органов управления (вышестоящих органов). При групповом выборочном приеме количество организаций, включаемых в выборочную совокупность и, следовательно, в число источников комплектования, определяется каждым государственным архивом с учетом особенностей его деятельности и положений методических рекомендаций. К организациям повидового выборочного приема могут быть отнесены только те из них, документы которых поступят в один государственный архив с документами руководящего органа. В других случаях их документы должны приниматься на госхранение в полном объеме.

Изучение мнения архивных учреждений страны по вопросам фондирования, описания и учета документов организаций — источников комплектования выборочного приема, проведенное сотрудниками Главархива СССР и ВНИИДАД еще в 1983—1984 гг., показало следующее. По их мнению, наиболее целесообразным представляется создание объединенных фондов, в состав которых могут входить документы организаций — источников комплектования повидового выборочного приема и их вышестоящей организации. Описывать их необходимо индивидуально, затем в госархиве возможна подготовка сводной описи документов организаций повидового выборочного приема и их вышестоящего органа управления. Работа с документами организаций — источников комплектования группового выборочного приема аналогична работе с документами организаций — источников комплектования полного приема, принятой в настоящее время. Планируемая в соответствии с «Основными направлениями оптимизации состава документов ГАФ СССР на 1986—1990 гг.» подготовка методических рекомендаций по отбору, фондированию, описанию, учету документов организаций — источников комплектования выборочного приема позволит дать более исчерпывающую информацию и по этим вопросам.

Уточнение состава источников комплектования госархивов должно осуществляться систематически. Основой этой работы должны стать усовершенствование конкретных списков в соответствии с положениями примерных списков и методических рекомендаций, а также продолжение теоретических и методических исследований этой проблемы.

---

[1] Далее в тексте — организаций.

[2] Авраменко Т. Ф., Козлов В. П. Теоретические и методические вопросы выборочного приема документов на государственное хранение // Экспресс-информация. Архивоведение, археография. 1982. № 2(19). С. 10—18.

[3] Авраменко Т. Ф., Автократов В. Н., Козлов В. П. О некоторых вопросах выборочного приема документов на государственное хранение // Массовые документы и проблемы архивоведения. М., 1986. С. 42—58.

[4] Там же. С. 58.

[5] Авраменко Т. Ф., Автократов В. Н., Кузнецова Н. П. Выборочный прием документов в зарубежных архивах // Экспресс-информация. Архивоведение, археография. 1984. № 5(32). С. 7—12.

[6] Методические рекомендации по определению источников комплектования государственных архивов. М., 1987. С. 17—18.

[7] Белова Е. В., Жукова М. П., Родюкова М. В. Критерии определения учреждений — источников комплектования государственных архивов // Советские архивы. 1980. № 1. С. 33—38.

О классификации кинофотодокументов в государственных архивах СССР*

М. Е. Андросова

Советское архивоведение обстоятельно разработало классификацию документов на бумажном носителе: управленческих, научно-технических, личного происхождения. Классификация этих документов в государственных архивах осуществляется по архивным фондам, объединенным архивным фондам и архивным коллекциям[1]. Классификация же документов на других носителях, например, пленочных, требует дальнейшего развития и совершенствования, поскольку установленная для них классификационная единица «вид» основывается лишь на формальных характеристиках. Видом кинодокументов принято считать фильмы, спецвыпуски, киножурналы, кино- и телесюжеты определенной цветности, видом фотодокументов — негативы определенной цветности и размера, диапозитивы (слайды) определенной цветности, позитивы, фотоальбомы[2].

Принятая классификация кинофотодокументов по видам не дает возможности выработать для них такую единицу учета, которая позволила бы ввести их в систему государственного централизованного учета документов ГАФ СССР. Кроме того, государственный централизованный учет, обязательный для всех документов ГАФ СССР, на кинофотодокументы не распространяется, следовательно, они не могут учитываться в составе ГАФ СССР в соизмеримых единицах.

На основе анализа классификационной единицы кинофотодокументов — вида — автор предлагает такую классификационную и учетную единицу, которая, по ее мнению, позволит правильно организовать их хранение и ввести в систему государственного централизованного учета.

Современное источниковедение считает видом исторически сложившуюся совокупность источников, которая характеризуется одинаковостью их внутренней формы (структурой), вытекающей из единства происхождения, содержания, назначения источника при его создании[3]. Исходя из этого определения, на наш взгляд, классификацию по видам, принятую для кинофотодокументов, нельзя признать достаточно точной, поскольку она основывается только на технической стороне их создания — способе закрепления информации на носителе, и не учитывает таких факторов, как происхождение, содержание, назначение. Лишь для некоторых видов кинодокументов в какой-то мере учитывается признак одинаковости внутренней формы источника (его структура).

Если при внутриархивной классификации кинофотодокументов за вид принимать не просто фильмы, спецвыпуски, киножурналы той или иной цветности, а учитывать еще происхождение, содержание и назначение источника или хотя бы один из этих признаков (т. е. видовые характеристики, принятые в источниковедении), то вид кинодокументов будет соответствовать понятию «архивная коллекция», принятому в архивоведении. Примером этого могут служить периодически выпускаемые Центральной студией документальных фильмов киножурналы «Советский воин», «Советский спорт» и др. Каждое из этих периодических киноизданий, благодаря одинаковости структуры, единству происхождения, содержания и назначения, являясь видом кинодокументов, соответствует определению вида исторического источника и в государственном архиве может образовать архивную коллекцию. В ряде случаев, когда объем поступающих материалов невелик, можно

---

* Печатается в порядке обсуждения.

пойти по более простому пути формирования коллекции — создать ее из нескольких однородных видов документов, например, киножурналов, выпускаемых ЦСДФ за пятилетие. Это будет видовая коллекция, объединенная признаком происхождения источников; внутри коллекции систематизация может осуществляться по названиям киножурналов и по хронологии.

При фондировании фотодокументов целесообразно учитывать еще и признак происхождения источника. В этом случае при организации их хранения в архивах будут учитываться не только технические характеристики, но будет внесен генетический элемент — признак происхождения. Следовательно, комплекс фотодокументов будет определяться, например, так: «Негативы, переданные Фотохроникой ТАСС».

Попытки применения принципов фондирования фотодокументов предпринимались уже в начале архивного строительства в СССР, когда собиранием и хранением КФД, имеющих историко-революционное значение, занимался отдел вещественных памятников Архива Октябрьской революции. Начиная с 1924 г. все фотоснимки нумеровались и систематизировались по определенным тематическим группам. Часть фотоснимков систематизировалась с учетом принципа происхождения[4]. Иными словами, организация фотодокументов осуществлялась по архивным коллекциям, являющимся типом архивного фонда в современном понимании этого определения. Все собрание представляло собой один большой тематический комплекс, в основу создания и построения которого была положена историко-революционная значимость документов. Внутри комплекс подразделялся на группы, основанные на более конкретных специфических признаках: происхождения, хронологическом, тематическом. Следовательно, можно говорить о том, что в самом начале комплектование госархивов фотодокументами, их организация, пусть стихийно, но строились с учетом общих принципов фондирования[5]. Документы систематизировались в архиве не в порядке поступления, а в соответствии с их содержанием и, при возможности, происхождением.

При массовом приеме документов в ЦГАКФД СССР, созданном в 1926 г., учет осуществлялся в порядке их поступления. Это была вынужденная мера — документы передавались большими партиями, в неупорядоченном состоянии, авторство их было неизвестно. Валовый учет должен был носить временный характер.

В конце 1940-х — начале 1950-х годов встал вопрос о введении пофондового учета кинофотофонодокументов[6]. При этом обращалось внимание на то, что при поступлении в архив эти документы рассматривались изолированно от других и учитывались самостоятельно, несмотря на то, что они поступали определенными комплексами от учреждений-фондообразователей по сдаточным описям, которые предлагалось считать основным учетным документом[7].

Однако предложение о том, чтобы считать комплексы кинофотодокументов, поступивших от соответствующих учреждений-фондообразователей, самостоятельными архивными фондами[8], является, на наш взгляд, неверным, так как все эти документы на пленочной и бумажной основе являются частью архивного фонда в его родовом понятии[9]. Вопрос о необходимости совместного хранения документов на разной основе дискутируется с 1960-х годов[10].

Несмотря на то, что против фондирования кинофотодокументов не было выдвинуто серьезных аргументов, а сторонники пофондового учета мотивировали необходимость этой работы совершенствованием их научной организации, определением состава и улучшением условий обеспечения сохранности [11], система учета кинофотодокументов в порядке их поступления была сохранена и существует до настоящего времени. Это снижает оперативность и результат поиска документов, задерживает использование, вносит определенные трудности в работу по обеспечению их сохранности.

На наш взгляд, введение кинофотодокументов в систему государственного централизованного учета должно осуществляться на основе распространения на них принципов фондирования, т. е. на первом этапе — создания архивных коллекций по признаку происхождения в специализированных архивах кинофотодокументов, а на втором этапе — объединения документов на разных носителях организации, создающей кинофотодокументы, в один архивный фонд, их хранения и учета в соответствии с признаком происхождения. Этому будет способствовать обязательное представление всеми организациями, сдающими кинофотодокументы, описей на них[12]. Опись должна являться основным архивным справочником, осуществляющим учетные и поисковые функции; она может служить документом, закрепляющим формирование коллекции, поскольку пока из кинофотодокументов, поступающих на государственное хранение, может быть сформирована только архивная коллекция, так как управленческая документация учреждений, создающих КФД, хранится в других архивах.

Примерами таких коллекций являются кинофотодокументы, переданные ЦСДФ и Фотохроникой ТАСС.

Центральная студия документальных фильмов является крупнейшей советской киностудией, выпускающей хроникально-документальные фильмы. Комплекс документов ЦСДФ на бумажной основе хранится в ЦГАЛИ СССР. Наряду с управленческой документацией в фонде ЦСДФ широко представлена творческая документация, отражающая процесс создания кинофильмов: стенограммы производственных совещаний работников студии и заседаний художественного совета, отчеты творческих работников студии, протоколы совещаний главной редакции и дела фильмов, содержащие литературные сценарии, заявки и договоры на их написание, дикторские тексты, заключения на литературные сценарии, материалы по обсуждению сценариев[13].

Документальные фильмы являются продукцией киностудии, и, на наш взгляд, как конечный результат, итог работы, являются частью ее документального, а затем и архивного фонда, равно как и сценарии, за которыми архивисты признают право быть частью архивного фонда киностудии. Однако, фильмы, снятые по этим сценариям,в архивный фонд не включаются из-за специфичности носителя, требующего специального режима хранения. По всем остальным признакам кинодокументы генетически связаны с вышеназванными документами киностудии, поэтому должны органично входить в состав фонда ЦСДФ.

Следует отметить, что «Основными правилами работы государственных архивов с кинофотофонодокументами» (М., 1980) предусмотрен совместный прием кинофотодокументов и текстовой сопроводительной документации, что говорит в пользу создания единых архивных фондов, объединяющих документы на разных носителях.

Фотодокументы также генетически связаны с организацией, в деятельности которой они были созданы, и составляют часть ее фонда. Поэтому в специализированных архивах целесообразно создавать коллекции из документов организаций, сдающих фотодокументы, чтобы в дальнейшем была возможность объединить всю документацию данного фондообразователя в один архивный фонд.

Внутри коллекции кинофотодокументы могут располагаться либо в соответствии со структурой организации, а внутри структурных подразделений — по тематическому и авторскому признакам, либо систематизация документов может осуществляться непосредственно по тематическому признаку, в соответствии со схемой классификации документов архива. Возможна также систематизация на этом этапе по авторскому признаку, а внутри этих групп — в хронологическом порядке.

Решение вопроса о фондировании фотодокументов особенно актуально, поскольку сейчас провести поиск, исходя из их происхождения, очень сложно ввиду того, что студийного каталога на фотодокументы нет. На карточках тематического каталога указывается только автор съемки, но не организация или лицо, сдавшие документы в архив. Установить это можно только путем полистного просмотра книг учета поступлений. Организация хранения кинофотодокументов должна осуществляться в рамках коллекции с учетом физических особенностей конкретных документов в целях обеспечения их лучшей сохранности. Конечно, в этом случае будет нарушаться принцип единства хранения и учета документов.

С аналогичной проблемой столкнулись архивисты ЦГАНТД СССР при организации пофондового учета научно-технической документации, разрешившие ее путем создания специализированных хранилищ соответственно виду НТД, в которых могут находиться материалы одного фонда.

Учет фотодокументов в архивах осуществляется по описи фонда: хранятся они в конвертах и отдельных папках. В таких архивах, как ЦГАОР СССР и ЦГАНХ СССР есть коллекции фотографий, отложившиеся в фондах учреждений политического сыска царской России — в первом из них, коллекция фотографий деятелей народного хозяйства СССР — во втором. Помимо описей, на документы коллекций составляются именные указатели, что значительно повышает возможность их использования.

Архивная практика, таким образом, располагает примерами исторически сложившихся фондов, в которых наряду с документами на бумажной основе хранятся фотодокументы.

Киностудии, редакции работают в конкретной исторической обстановке и объективных условиях, что особенно важно учитывать в работе с кинофотодокументами, поэтому недооценка этих моментов «ведет к недостаточно правильной трактовке понятия кинофотодокумента»[14].

Создаваемые в соответствии с конкретными планами творческих коллективов, отдельных операторов и фотокорреспондентов кинофотодокументы отражают деятельность организаций, в которых они отложились.

В перспективе архивы, хранящие кинофотодокументы, должны образовать вместе с профильными им фондами архивов, хранящих управленческую документацию, единые архивные фонды, включающие документы на бумажном и пленочных носителях. Хранить разные типы документов нужно раздельно.

Опыт создания таких архивов уже есть за рубежом. Так, новое здание Федерального архива ФРГ, построенное в 1984 г., предусматривает возможность хранения как документов на бумажном носителе, так и кинофильмов[15]. Такой подход к организации хранения дает возможность организовать лучшее использование этих документов.

Для создания единых архивных фондов необходимо на первом этапе начать создавать коллекции КФД в архивах, хранящих эту документацию. Для организации коллекции целесообразно, с одной стороны, разработать систему научной организации хранения кинофотодокументов в архивах с учетом принципа происхождения, а с другой — подготовить кинофотодокументы учреждений — источников комплектования. В определенной мере предложения о разработке системы научной организации кинофотодокументов с учетом их происхождения реализуются в проекте «Основных правил работы с кинофотодокументами и видеофонограммами в ведомственных архивах» (М., 1987).

Создание коллекций в специализированных архивах и дальнейшее объединение их с текстовой документацией, хранящейся в архивах общего профиля (с сохранением номера фонда последних), в единые архивные фонды, которые выражают в архивоведении точный смысл понятия «архив-

ный фонд», даст возможность осуществления централизованного государственного учета документов ГАФ СССР по одной, основной классификационной и учетной единице — архивному фонду.

При централизованном учете таких фондов учетные документы, в частности, лист фонда и карточка фонда, должны содержать сведения раздельно о количестве единиц хранения различных типов документов: управленческих, научно-технических, кинофотодокументов и т. д. Соответственно архивные описи таких фондов целесообразно составлять раздельно на каждый тип документов: опись 1.1 — управленческие документы, опись 1.2.— научно-технические документы, опись 1.3.— кинодокументы и т. д.

Фондирование кинофотодокументов явится важным фактором в совершенствовании и развитии их централизованного государственного учета, как традиционного, так и автоматизированного, и поэтому составляет в настоящее время актуальную задачу теории и практики архивного дела нашей страны.

---

[1] Основные правила работы государственных архивов СССР. М., 1984. С. 22—23; Основные правила работы с научно-технической документацией в государственных архивах СССР. М., 1985. С. 10—11.

[2] Основные правила работы государственных архивов с кинофотофонодокументами. М., 1980. С. 10—11.

[3] Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 12.

[4] ЦГАОР СССР. Ф. 5142. Оп. 1. Д. 58. Л. 28.

[5] Андросова М. Е. К вопросу о классификационной и учетных единицах документов ГАФ СССР // Проблемы классификации в архивоведении и документоведении. М., 1987. С. 81—95.

[6] ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 2943. Л. 63, 96—97.

[7] Там же. Л. 98.

[8] Там же.

[9] См. подробнее: Андросова М. Е. Указ соч. С. 92—93.

[10] Рошаль Л. М. Некоторые вопросы источниковедческого анализа кинодокументов // Труды МГИАИ. Т. 17. М., 1963.

[11] ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 2943. Л. 12.

[12] Основные правила работы государственных архивов с кинофотофонодокументами. М., 1980. С. 24—26.

[13] ЦГАЛИ СССР. Ф. 2487. Оп. 1. С. 3.

[14] Магидов В. М. Кинофотодокументы Государственного архивного фонда СССР периода Великой Октябрьской социалистической революции. Некоторые проблемы источниковедческого анализа и публикации. К постановке вопроса // История СССР. 1987. № 5. С. 141.

[15] Белова Т. В. Новое здание Федерального архива ФРГ // Экспресс-информация ОЦНТИ Главархива СССР. 1986. № 4. С. 10—11.

Коммерческая тайна российских монополий (о публикации материалов синдиката «Продамета»)

Г. Р. Наумова, кандидат исторических наук

Обострение интереса читающей публики к историческому прошлому выдвигает на первый план задачу активизации публикаторской деятельности. Особое доверие к подлинному документу ко многому обязы-

вает издателей. Никакой самый высокий археографический уровень не исправит ошибки выбора документа. Для научной публикации отбор материалов имеет тем большее значение. Отдавая себе отчет в том, что в центре публикаторской деятельности должны сегодня находиться в первую очередь проблемы экономические, как приоритетные, остановимся на вопросах издания делопроизводственных документов российских монополий, в частности уникальных документов типа монополистических договоров. Тем более, что в нашем распоряжении есть необходимая источниковедческая литература[1]. Надеемся, некоторые общие выводы о принципах отбора соответствующих документов для публикации будут полезны не только специалистам по социально-экономической истории.

Речь в дальнейшем будет идти о монополистических договорах одного из самых известных российских синдикатов — «Продаметы». На условиях комиссионной продажи это общество реализовывало шесть основных видов изделий металлургических заводов: листовое железо, балки и швеллера, бандажи и оси, сортовое железо, железнодорожные рельсы и скрепления, чугунные трубы. Всего у синдиката было 30 временных и постоянных контрагентов. Поскольку «Продамета» обладала статусом «Общества для продажи» и была юридическим лицом, ее монополистические соглашения имели форму контрагентских договоров общества с каждым из участников. Обычно договор подписывался на два года. Он мог продлеваться несколько раз. Число договоров, заключенных в разное время в рамках синдиката, составило, следовательно, трехзначную цифру. Подлинные контрагентские договоры содержат как индивидуальные условия вхождения в союз каждого участника, так и общие условия соглашения по конкретному виду монополизированных изделий, т. е. типовые условия (типовая часть договора, типовой договор). Ни один подлинный контрагентский договор не содержит индивидуальных условий вхождения в синдикат всех участников соглашения.

Историки уже провели необходимую работу по поиску монополистических договоров «Продаметы». Более того именно по этому синдикату имеется наибольшее число научных публикаций договоров. Поскольку архивный поиск и публикация контрагентских договоров зачастую предваряли собственно исследование деятельности «Продаметы», особой системы в этих публикациях не было. Каждая из них представлялась историографически ценной.

Мы располагаем следующими историческими публикациями договоров о сбыте синдиката «Продамета»: на листовое железо с администрацией по делам Урало-Волжского металлургического общества (октябрь 1902 г.); на листовое и широкополосное железо и сталь с Новороссийским обществом каменноугольного, железного, стального и рельсового производств (январь 1912)[2]; на балки и швеллера с администрацией по делам Богословского горнозаводского общества (январь 1907 г.)[3]; на бандажи с обществом Коломенского машиностроительного завода (май 1909 г.)[4]; на сортовое железо с товариществом Московского металлического завода (июнь 1909 г.)[5]; на чугунные трубы с владельцем Сулинского завода Н. С. Пастуховым (апрель 1905 г.)[6]. Все эти договоры — индивидуальные. Они содержат указания на особые условия и долю лишь названного в договоре участника. Ясно, что из каждого такого договора можно выделить типовой текст соглашения по конкретному виду монополизированной продукции.

Первой и наиболее памятной в ряду названных была публикация договора по сортовому железу, предпринятая П. И. Лященко в 1946 г. Исследователь полагал, что он прикоснулся к святая святых предпри-

нимательской деятельности, к «коммерческой тайне» российских монополий[7]. О засекреченности монополистических договоров говорил и А. Л. Цукерник, публикуя материалы «Продаметы»: «Контрагентские договоры, представлявшие основу синдикатских соглашений, содержались в капиталистической России в глубокой тайне и потому не могли быть опубликованы. Такая возможность возникла лишь после Великой Октябрьской социалистической революции»[8].

Сделав акцент на таинственности монополистических договоров, историки невольно ушли от проблемы выявления корпуса договоров, изданных современниками монополий. А вместе с тем начальный этап публикации договоров был, более того существовала и прижизненная публикация договора «Продаметы» в учебном пособии для слушателей высших учебных заведений[9]. В пособии А. Э. Вормса, рассчитанном на студентов юридических факультетов, помещен договор «Продаметы» по сбыту сортового железа, подписанный первоначально на срок с 1 января 1912 г. по 31 декабря 1914 г. Следовательно, на момент публикации договор имел реальное коммерческое значение и объявлять весь монополистический договор «коммерческой тайной» у историков нет оснований.

Попробуем увидеть, какие возможности для исследователей таит в себе пристальное рассмотрение функциональных, учебных и других публикаций, современных изучаемому явлению. Характерной чертой такого рода публикаций является наличие текстовых купюр в издаваемых документах. Причин тому много, в том числе соображения конспирации, необходимость сокрытия части информации документа, имеющей особое политическое, дипломатическое, личное значение. Конечно, часть таких купюр не требует непременного обнародования и сегодня, а некоторые сугубо личные указания никогда не должны предоставляться в распоряжение широкой публики. Но, как правило, трудно переоценить значение содержательного анализа таких купюр для подлинного глубокого прочтения как публикуемого документа, так и связанных с ним.

А. Э. Вормс, публикуя монополистический договор, ясно отдавал себе отчет в том, с каким документом он имеет дело. Об этом свидетельствуют методические рекомендации, нацеленные на учебное рассмотрение договора в связи с другими нормативными документами, регламентировавшими деятельность монополий, в первую очередь с уставом. Причем в методических рекомендациях прямо подчеркивается, что устав для монополий типа «Продаметы», т. е. для синдикатов «обществ для продажи», выступавших под фирмой акционерных обществ для продажи определенного вида изделий, производимых объединившимися в монополистический союз предприятиями, был лишь формальным документом. А суть отношений внутри синдикатов выражал монополистический договор контрагентского типа, подобный предлагаемому в учебном пособии. Но при публикации договора «Продаметы» по сортовому железу было опущено несколько параграфов, не подлежавших оглашению. Вормс не указывает причины допущенных купюр. Хотя для учебного пособия это кажется необходимым. Из предисловия не ясно также, сделаны они издателем или монополисты настояли на соответствующих купюрах. Скорее всего инициатива исходила от тех, кто предоставил в распоряжение Вормса типовой договор. Естественно задаться вопросом, а какие именно параграфы договора были опущены? Что сами промышленники, а по их указке и публикатор считали коммерческой тайной в монополистическом договоре?

Учебную публикацию мы будем сравнивать с полным текстом договора «Продаметы» с Новороссийским обществом каменноугольного, железного, стального и рельсового производств[10]. Это общество явля-

лось контрагентом синдиката по сбыту сортового железа с 1909 г., листового железа с 1907 г., балок и швеллеров с 1907 г., железнодорожных рельсов и скреплений с 1910 г.[11].

Воспроизведем полностью статьи договора, опущенные в учебном пособии. Естественно, что, публикуя типовой договор, Вормс не имел возможности указать участника соглашения и дату подписания договора. В нашем конкретном случае это выглядит так: «Тысяча девятьсот двенадцатого года января двенадцатого дня Новороссийское общество каменноугольного, железного, стального и рельсового производств, именуемое впоследствии контрагентом, с одной стороны, и общество для продажи изделий Русских металлургических заводов, именуемое ниже обществом, с другой, заключили между собой настоящий договор в следующем». Далее идет текст договора.

При том, что в учебном пособии полностью воспроизведен § 1 договора «Предмет договора», отсутствуют § 2—4, касающиеся части монополизированной продукции. Вот их полный текст.

«§ 2 Катаная проволока.

Катаная и тянутая проволока — круглая, квадратная, овальная и профильная, не смотанная в круги, составляет также предмет настоящего договора, катаная же и тянутая проволока круглая, квадратная и овальная, толщиною в 11 $^{1}/_{4}$ миллиметров и менее, и профильная весом в погонном футе 0,579 фунта и менее (если эта проволока ставится в кусках не короче 50 футов и смотана в круги) не составляет предмета настоящего договора.

§ 3 Катаная и кованая заготовка и болванка.

Катаная и кованая заготовка, круглая, квадратная или иного сечения, с закругленными или острыми краями, толщиною и шириной менее двух дюймов, считается сортовым железом и составляет поэтому предмет настоящего договора. Катаная и кованая болванка и заготовка квадратной, ромбоидальной и прямоугольной формы, толщиною и шириною два дюйма и более не составляет предмета сего договора.

§ 4 Сутунка (листовая болванка, пластины).

Заготовка для кровельного железа, именуемая также «сутункой», «листовой болванкой», «пластинами» и всяких других наименований, только в тех случаях признается заготовкой и, следовательно, не составляет предмета настоящего договора, когда она поставляется заводам на переработку в кровельное или листовое железо и ставится в кусках шириною от 150 до 240 миллиметров и длиною до 1500 миллиметров».

В сокращенном варианте опубликован в пособии и § 6 «Сортамент контрагента». Опущена часть параграфа, касающаяся некоторых льгот при зачислении тех или иных монополизированных изделий в нормальный сортамент: «Если до подписания сего договора Контрагент обяжется не сокращать по I и IV категориям своего сортамента, приложенного им к договору его с Обществом, срок коего истек 1-го января 1912 года, то нормальный сортамент для Контрагента по этим двум категориям обязателен лишь в тех профилях и размерах, которые указаны в вышеупомянутом его сортаменте».

При воспроизведении текста договора в учебном пособии были также опущены указание адреса «Продаметы» (С. Петербург, Гороховая ул., 15) — это в § 59 «Юридическое местопребывание сторон» и § 60 «Место хранения договора» («Подлинный договор хранится у Общества, а нотариальная копия с него у Контрагента»).

Есть в учебной публикации и еще два пропуска, на которые следует обратить особое внимание. В § 18 нет указания на долевое участие контрагента. Его и не могло быть в типовом договоре. Но зато типовой договор должна была сопровождать таблица долевого участия всех участников монополистического соглашения. Воспроизведем полностью эту таблицу, приложенную к подлинному договору синдиката «Продамета» с Новороссийским обществом.

Доли участия по сортовому железу (§ 18 договора)

Наименование контрагентов	Общие	Частные		
		I кат. Обручн.	II кат. Шинное	IV кат. Рельсы
1. Южно-русское Днепровское металлургическое общество	7,89	5,00	7,89	7,89
2. Русско-Бельгийское металлургическое общество	7,89	5,00	7,89	43,82
3. Новороссийское общество каменноугольного, железного и рельсового производств	6,43	6,48	6,48	6,48
4. Акционерное общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода	5,89	7,00	6,12	3,12
5. Донецкое общество железоделательного и сталелитейного производств в Дружковке	4,64	—	1,89	2,30
6. Акционерное общество «Русский Провиданс»	4,54	0,68	2,38	2,91
7. Таганрогское металлургическое общество	3,91	0,52	9,61	19,22
8. Донецко-Юрьевское металлургическое общество	10,00	10,88	17,72	0,88
9. Урало-Волжское металлургическое общество	6,43	7,18	7,85	—
10. Общество С.-Петербургского железопрокатного и проволочного завода	2,03	8,01	0,58	—
11. Русский горный и металлургический Унион	0,39	—	—	—
12. Краматорское металлургическое общество	4,63	4,60	2,59	—
13. Акционерное общество железопрокатных заводов в Константиновке	4,81	1,00	3,17	1,24
14. Акционерное общество Сулинского завода	5,46	10,83	6,45	—
15. Русское общество машиностроительных заводов Гартмана	1,25	0,60	0,19	—
16. Акционерное общество чугуноплавильного, сталелитейного и рельсового завода «Гута Банкова»	5,80	8,58	2,99	5,82
17. Общество Островецких чугуноплавильного и железоделательного заводов	3,40	2,25	3,75	5,47
18. Акционерное общество Сосновицких трубопрокатных и железоделательных заводов	3,40	7,87	2,26	0,57
19. Общество соединенных заводов Королевского и Лаура (Екатеринский завод)	1,62	1,18	4,84	—
20. Общество металлических заводов Б. Гантке	1,95	1,34	1,86	—
21. Милевицкий железопрокатный завод	1,60	2,90	2,91	0,30
22. Общество железоделательного завода «Пушкин»	1,03	7,86	—	—
23. Общество вагоностроительных и механических заводов «Феникс»	1,11	1,09	0,50	—
24. Акционерное общество Либавских железоделательных и сталелитейных заводов б. «Беккер и К^0»	1,85	1,85	1,08	—
25. Товарищество Московского металлического завода	2,50	—	—	—
	100,0	100,0	100,0	100,0

И второй пропуск, на который следует обратить особое внимание,— это отсутствие в учебной публикации § 47. У него нет названия в подлинном монополистическом договоре. По существу же он содержит особые,

не охваченные типовым договором, условия вхождения контрагента (в нашем случае Новороссийского общества) в синдикат. Не будем воспроизводить этот параграф, а адресуем читателя к научной публикации особых условий к договору 1912 г. по сортовому железу[12].

Попробуем понять, почему не подлежали оглашению приводимые нами параграфы и разделы монополистического договора «Продаметы». Бросается в глаза тот факт, что § 2—4 содержат уточняющую информацию по основному первому параграфу договора. Необходимость более четкого определения предметов договора очевидно была вызвана слишком общим характером формулировок § 1. Это с неизбежностью вело к спорам между обществом «Продамета» и участниками монополии при распределении заказов и обеспечении отдельных долей участия. Что касается воспроизведенной нами выше части § 6, то отметим, что она с самого момента заключения договора вызвала разногласия между контрагентами и «Продаметой». Эта часть параграфа специально анализировалась юрисконсультом синдиката, поскольку допускала двойственную трактовку прав отдельных обществ-участников.

Суть дела была в том, что после подписания договора ряд обществ, в том числе и общество Либавских заводов, обязались не сокращать по ряду категорий монополизированной продукции своих сортаментов, приложенных к прежнему договору по сортовому железу. Новый нормальный сортамент, составленный к договору 1912 г., не совпал с прежним. Поэтому для ряда контрагентов вводились дополнительные сортаменты. Если же общество соглашалось, подобно Либавскому, действовать в рамках прежнего сортамента, оно получало заказы соответственно старому сортаменту. Воспользовавшись явно неудачной редакцией публикуемой нами части § 6, общество Либавских заводов попыталось отказаться от производства ряда договорных изделий, не включенных в новый сортамент. Его руководители заявили, что в соответствии с § 6 договора они считают для себя обязательными лишь те пункты старого сортамента, которые вошли в новый нормальный сортамент, а все прочие виды изделий должны включаться в дополнительный[13].

Руководители «Продаметы» обратили на этот вопрос самое пристальное внимание. Контрагентам было дано разъяснение. Подчеркивалось, что они обязаны в случае предварительной договоренности (как это было с Обществом Либавских заводов) исполнять все значащиеся в старом сортаменте изделия, независимо от того, в какой из новых сортаментов они входят (нормальный или дополнительный), а также независимо от того, сочтет ли контрагент исполнение заказа удобным и выгодным для себя. Перенесение ряда прежних сортаментов в разряд дополнительных было выгодно обществам-участникам. Исполнение заказов по дополнительным сортаментам имело ряд преимуществ. Произвольно устанавливались в таком случае сроки исполнения, а также размеры приплат за исполнение заказов. В этом и заключалась льгота для тех обществ, которые соглашались не менять в новых условиях своего сортамента.

Споры, развернувшиеся вокруг § 6 договора, являются выражением острой внутрисиндикатской борьбы за условия производства и сбыта монополизированных изделий. В разряд «секретных» статей попала та, которая вызвала споры между участниками синдиката, допускала неоднозначную трактовку ситуации. Видимо, спорные статьи не годились для учебной публикации и их решили опустить.

Наибольшее внимание должен, с нашей точки зрения, привлечь тот факт, что в анализируемой нами учебной публикации нет сведений о долевом участии контрагентов и об особых условиях соглашения с каждым из них. Именно эти положения содержали коммерческую тайну

монополий на уровне синдикатского договора. Действительно, данные о долевом участии не только раскрывают соотношение сил союзников, но и проливают свет на рыночную ситуацию. Долевое участие, фиксированное договором, было итогом длительной конкурентной борьбы как внутри монополистического союза, так и с аутсайдерами. Следовательно, таблицы долевого участия, содержащие массовые данные о положении конкретных участников в монополии, существенно обогащают информационный потенциал типового монополистического договора синдикатского типа.

Нет ничего удивительного и в том, что коммерческую тайну составляли «особые условия» монополистических договоров. Ведь они касались самых деликатных сторон монополистического соглашения: условия сохранения за рядом участников права непосредственной продажи договорных изделий, вознаграждение отдельным обществам для уравнения средних цен, право взаимной переуступки долей участия и обмена заказами, или их переуступки, особые условия производства и сбыта продукции сверх доли участия, премии за отказ от производства того или иного вида монополизированных изделий, зависимость долевого участия от технических и технологических усовершенствований на заводах контрагентов, незачет в долю участия отдельных заказов и другие менее типичные условия.

Именно особые условия монополистических договоров приводили в действие механизм регулирования долевого участия контрагентов. Мобилизация информации, содержащейся в «особых условиях», необходима для уяснения расстановки сил в монополии, выявления внутренних группировок, являвшихся следствием острой конкурентной борьбы, не затихавшей даже в границах уже конституированного монополистического союза.

Справедливости ради следует отметить, что в распоряжении историков есть отдельные публикации таблиц долевого участия контрагентов «Продаметы», а также особых условий к отдельным монополистическим договорам. Но они не связываются с конкретными соглашениями, подаются как самостоятельные документы, а в итоге большинство опубликованных договоров не обеспечено соответствующими таблицами долевого участия и особыми условиями. Зато мы располагаем научными изданиями особых условий к ряду неопубликованных монополистических договоров «Продаметы». Именно поэтому мы и имеем возможность отослать читателя к научной публикации особых условий договора, помещенного в анализируемом учебном пособии.

Итак, ясно, что каждый из нас, стремясь выступить в роли публикатора, оказывается в «прокрустовом ложе» уже существующей историографической традиции и потому должен выявить и охарактеризовать все имеющиеся по соответствующей проблеме публикации. Обращение к истокам историографической традиции заставило нас, в частности, оценить начальный этап издания монополистических договоров «Продаметы».

Одним из существенных элементов подготовительной работы публикатора считаем анализ функциональных изданий соответствующих документов. Речь идет как о функциональных публикациях вообще, так и соответствующих публикациях современников явления. Именно их видение документа, их прочтение может натолкнуть на целый ряд принципиальных содержательных выводов или, как в нашем случае, может помочь в решении задачи комплексного подбора документов для публикации. Так, пристальное изучение купюр, сделанных при функциональной публикации монополистического договора, позволило нам выявить уникальную часть анализируемого документа, вычленить из системы делопроизводственных документов синдиката те, которые синтезируют информацию договоров

(особые условия, таблицы долевого участия), образуют вместе с монополистическим договором неделимый комплекс.

Ставя перед собой задачу издания массовых делопроизводственных документов, необходимо предварительно сформировать теоретическое представление об общем количестве и возможных вариантах издаваемых документов, о внутреннем видовом и содержательном единстве избираемых для публикации материалов. Обратим еще раз внимание на отсутствие прямой необходимости неоднократного повторения типовой части делопроизводственных и в том числе нормативных и актовых материалов. Так, воспроизведение без необходимого текстологического сравнения типовой части монополистических договоров «Продаметы» затрудняет анализ сути синдикатского соглашения.

Чрезвычайно важно в этой связи, чтобы исследовательский комментарий к издаваемому документу содержал не только необходимую историческую фактурную канву, но и точные прямые указания на источниковедческие приемы выбора, поиска документа. Аргументирована должна быть представительность издаваемых материалов для характеристики заявленных в публикации исторических, политических и прочих сюжетов.

---

[1] Бовыкин В. И., Наумова Г. Р. Источники по истории монополий и финансового капитала // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979; Голиков А. Г. К вопросу о составе, содержании и сохранности документов акционерных компаний // Источниковедение отечественной истории. М., 1980; Наумова Г. Р. Российские монополии (источниковедческие проблемы). М., 1984.

[2] Материалы по истории СССР. Т. VI. Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959. С. 381—393, 415—438.

[3] Монополии в металлургической промышленности России. 1900—1917. Документы и материалы. М.; Л., 1963. С. 42—51.

[4] Там же. С. 74—77.

[5] Лященко П. И. Из истории монополий в России // Исторические записки. М., 1946. Т. 20. С. 175—188.

[6] Монополии в металлургической промышленности... С. 28—38.

[7] Лященко П. И. Указ. соч. С. 151.

[8] Материалы по истории СССР. Т. VI. С. 372.

[9] Вормс А. Э. Источники торгового права. М., 1914. С. 386—398.

[10] Автор выражает благодарность В. И. Бовыкину за предоставление копии этого договора, хранящегося в Госархиве Донецкой области (Ф. 6. Оп. 1. Д. 163. Л. 35—46).

[11] Цукерник А. Л. Синдикат «Продамет». М., 1959. С. 295—297.

[12] Материалы по истории СССР. Т. VI. С. 447—461.

[13] ЦГИА г. Москвы. Ф. 498. Оп. 1. Д. 789. Л. 144, 145.

Репрессии архивистов в 1930-х годах

А. П. Пшеничный, кандидат исторических наук

В 1930-х годах работники архивных учреждений, наряду со многими другими, подвергались преследованиям и репрессиям со стороны органов ОГПУ — НКВД. Поскольку в нашей историко-архивоведческой литературе этот вопрос специально не освещался и может заинтересовать работников архивных учреждений, подготовлено настоящее сообщение, публикацию которого автор просит рассматривать как дополнение к его статье «Из истории становления управления архивным делом в СССР. 1918—1941 гг.» (Советские архивы. 1988. № 3).

21 августа 1932 г. в узком кругу друзей М. Н. Рютина обсуждалось обращение «Ко всем членам ВКП(б)», в котором давались объективный анализ положения в стране и уничтожающая характеристика сталинского произвола. Обращение было подписано М. Н. Рютиным, А. Н. Слепковым, Д. П. Марецким и др. В обсуждении его принимал участие и друг М. Н. Рютина — заведующий организационно-методическим сектором ЦАУ СССР и РСФСР В. Н. Каюров[1]. 23 сентября того же года все участники обсуждения были исключены из партии и арестованы. Коллегия ОГПУ во внесудебном порядке приговорила их к различным срокам лишения свободы. Таким образом, В. Н. Каюров был объявлен «врагом народа», «троцкистом» и пр. В июне 1988 г. Верховный суд СССР отменил постановление ОГПУ в отношении М. Н. Рютина, В. Н. Каюрова и других и прекратил их дела за отсутствием состава преступления[2].

В дальнейшем, в 1930-х годах, архивные учреждения пережили две волны репрессий со стороны органов НКВД. Первая волна относится к 1937 г.

В конце 1936 г. был арестован сотрудник Центрального архива Красной Армии, бывший директор архива Г. К. Вальдбах, латыш по национальности. Он обвинялся в агентурной работе в пользу латвийской разведки, а также в том, что скрывал и передавал латвийскому резиденту документы о деятельности И. В. Сталина в годы гражданской войны. Не выдержав «особых методов» допросов в НКВД, Г. К. Вальдбах дал «показания», в которых оговорил буквально весь руководящий состав архивных учреждений[3].

21 января 1937 г. на основании показаний Г. К. Вальдбаха были арестованы заместитель управляющего ЦАУ СССР и РСФСР С. А. Пашуканис[4], а в дальнейшем также заведующий военным отделом ЦАУ и директор Центрального архива Красной Армии Я. Я. Буберг, старший архивист-консультант ЦАУ, бывшая заведующая Архивом Октябрьской революции А. М. Рахлин, бывший директор Центрального архива Октябрьской революции А. А. Копяткевич, бывший директор Государственного архива феодально-крепостнической эпохи Н. А. Лапин, бывший директор Центрального военно-исторического архива И. М. Гейцман, директор этого же архива Юрцен, директор Центрального кинофотофоноархива А. Минченко, управляющий центральными государственными архивами в Ленинграде А. К. Дрезен, директор Центрального государственного архива внутренней политики, культуры и быта Крустыньсон, директор Центрального государственного архива народного хозяйства Н. Шкипсна, директор Центрального государственного военно-исторического архива в Ленинграде Г. Зиневич и др.[5]. В 1937 г. в журнале «Красный архив» сменились пять ответственных секретарей и три научных сотрудника, несколько ответственных секретарей — в журнале «Архивное дело»[6]. Все названные руководители принадлежали к выдающимся представителям архивной науки. Так, Я. Я. Буберг в 1921—1925 гг. заведывал военно-морской секцией ГАФ, а потом длительное время руководил Военно-историческим архивом, с 1933 г. он — заведующий военным отделом ЦАУ. С. А. Пашуканис с 1926 г. работала в Центральном архиве Октябрьской революции, в 1931 г. направлена на учебу в Историко-архивный институт, с 1933 г. возглавляла Центральный архив внешней политики. В 1934 г. она одновременно стала заместителем управляющего ЦАУ вместо В. В. Максакова.

Всем арестованным архивистам предъявлялись стандартные обвинения в злонамеренном разваливании и запутывании управления архивными учреждениями, сокрытии или уничтожении ценных архивных документов[7].

С. А. Пашуканис, Г. К. Вальдбах, Я. Я. Буберг и многие другие из арестованных архивистов были осуждены и расстреляны. Завершающим шагом в деле о «шпионской организации ЦАУ» стал арест и расстрел 29 августа

1938 г. бывшего управляющего ЦАУ СССР и РСФСР — Я. А. Берзина[8].

В показаниях Г. К. Вальдбаха называлось и имя исполняющего обязанности управляющего ЦАУ СССР и РСФСР Н. В. Мальцева. Но в 1937 г. Н. В. Мальцев арестован не был и продолжал руководить архивными учреждениями. Дело в том, что Николай Владимирович Мальцев, член партии с 1908 г. был близко знаком В. М. Молотову по подпольной работе и совместной ссылке. Видимо поэтому Н. И. Ежов не решился его тронуть.

Таким образом, волна 1937 г. имела явную направленность на обезглавливание и обескровливание архивных учреждений, лишая их многих умных и знающих архивистов.

Репрессии затронули и архивистов в ряде союзных республик. Так, в 1936 г. были арестованы управляющие ЦАУ Украинской ССР — А. Н. Барвинок, Белорусской ССР — А. Р. Иодко. В 1937 г.— Азербайджанской ССР — М. Байрамов, Таджикской ССР — В. Р. Чейлытко, Армянской ССР — С. Маркосян и Киргизской ССР — Далматова, в 1938 г. Туркменской ССР — С. Т. Филиппов[9]. Были также арестованы руководители архивных учреждений Дагестанской, Калмыцкой, Марийской, Мордовской АССР, Дальневосточного, Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Воронежской, Ивановской, Ленинградской, Новосибирской, Саратовской, Смоленской и Сталинградской областей[10]. Но они не были связаны с «делом ЦАУ», и репрессии по отношению к ним являлись, так сказать, «местным творчеством».

Вторая волна репрессий против архивистов прошла в 1939 г. В отличие от 1937 г. ее жертвами стали выходцы из дворянства, купечества или «кулаков», а также лица, состоявшие в прошлом в других партиях, имевшие репрессированных родственников или родственников за границей.

19 декабря 1938 г. председатель Центральной комиссии по проверке архивных учреждений полковник Давыдов доложил Л. П. Берия об окончании ее «работы». Он поименно назвал 66 работников ЦАУ и центральных архивов, не подходящих, по его мнению, для деятельности в НКВД, особо выделив при этом работников Центрального архива Красной Армии (25 человек). Главный удар в докладной записке был направлен на Н. В. Мальцева: «По показаниям арестованного участника латышской к [онтр] р [еволюционной] фашистской организации Вальдбаха, Мальцев Н. В. является членом к[онтр] р [еволюционной] троцкистской организации, ведущим вредительскую деятельность в системе государственного архивного хозяйства. Вальдбах на допросе в марте 1938 г. показал, что Мальцев принимал участие в уничтожении архивных документов и в укрывательстве исторических фильмов»[11]. Это звучало уже зловеще.

15 января 1939 г. специально назначенная комиссия НКВД СССР (капитаны госбезопасности Петров, Никитинский[12], Белов) представила Л. П. Берия на утверждение акт о передаче архивных учреждений СССР в НКВД. Комиссия предложила арестовать одного человека — сотрудника Центрального архива Красной Армии И. В. Хрипача — и выразила недоверие 140 работникам, в том числе директорам архивов: Красной Армии — комдиву М. И. Соколову, военно-исторического — полковому комиссару Б. А. Сергееву, феодально-крепостнической эпохи — А. М. Бирзе, кинофотофоно — С. И. Жбанкову. Берия наложил резолюцию: «Выделить спецгруппу следователей. Л. Б.» и собственноручно отметил в списке 13 фамилий лиц, подлежащих аресту (преимущественно работников ЦАКА). По «делу ЦАКА» были арестованы заместитель директора ЦАКА И. А. Лисицын (бывший офицер), начальники отделов архива П. Л. Кур и П. П. Коротыгин (оба бывшие офицеры), консультант архива И. В. Хрипач (бывший работник Московского отделения Общего архива Главного штаба, статский советник), научные сотрудники Д. В. Судаков, В. Л. Афонский (оба бывшие офицеры),

В. В. Соловьев, Т. Ф. Дедюкин, сотрудницы архива В. Р. Герасимюк и М. В. Гончарук, ответственный секретарь журнала «Архивное дело» М. С. Френкин[13].

16 февраля 1939 г. акт комиссии был направлен И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову и А. И. Микояну[14].

Комиссия подчеркнула, что считает необходимым «отстранить от работы управляющего Главным архивным управлением НКВД Мальцева Н. В. (проходит по показаниям Вальдбаха, Берзина, изобличается заявлениями членов ВКП(б) Семенова, Овчинникова, Чубкова и др., как участник троцкистской организации)»[15]. Неизвестно, заступился ли В. М. Молотов за Н. В. Мальцева, но Берия, как и два года назад Ежов, не тронул его. Однако в апреле 1939 г. старый большевик Н. В. Мальцев был исключен из партии и лишился работы. В 1941 г. Н. В. Мальцев вступил в ряды народного ополчения и погиб в бою с фашистскими захватчиками.

Волна репрессий 1939 г. была направлена против архивистов среднего и низшего звена. Анкетные критерии оценки кадров, принятые в НКВД, частым гребнем прошлись по кадрам, отсеивая всех, кто имел хотя бы малейший изъян в биографии, вплоть до архивно-технических работников, хозяйственных служащих и машинисток. В этом плане характерна судьба выдающегося советского архивиста Бориса Иоасафовича Анфилова, который в упомянутом списке назван «бывшим меньшевиком и бывшим царским офицером». (Меньшевиком Б. И. Анфилов не был; он никогда не принадлежал ни к одной партии).

В молодости Б. И. Анфилов, еще до учебы в Московском университете, закончил Алексеевское военное училище. Последний его воинский чин — штабс-капитан. Он имел высшую боевую награду — офицерский орден Георгия 4-го класса. Но в отличие от своего брата, Б. И. Анфилов не вступил на путь вооруженной борьбы с Советской властью и всю гражданскую войну учительствовал в Екатеринодаре.

В 1921 г. Б. И. Анфилов приехал в Москву и по рекомендации Екатеринодарского учительского съезда зачислен в Главархив. В 1921—1925гг. работал в административно-материальном отделе, в 1925—1929 гг.— юрисконсультом, а с 1929 г.— старшим архивистом-консультантом ЦАУ. Здесь и проявились его выдающиеся дарования в области архивного дела.

Он был одним из авторов реорганизации системы государственного хранения документов в 1925 г. и подготовки Правил постановки архивной части текущего делопроизводства, принимал активное участие в создании в 1929 г. ЦАУ СССР и разработке Положения об архивном управлении РСФСР, выступил автором идеи создания системы перечней документов и их совершенствования, высказал ряд полезных и содержательных мыслей о создании научно-справочного аппарата к документам, по вопросам ведомственного их хранения, систематизировал и изложил основные требования к работе районных государственных архивов и дал тонкий анализ их деятельности в 1938 г. Б. И. Анфилову принадлежит идея превращения ЦГА СССР в методические центры по отношению к местным архивам.

Летом 1938 г. по настоянию работников НКВД, проверявших работу архивных учреждений, Б. И. Анфилов был переведен из ЦАУ на техническую работу в ЦГАОР (работал картотетчиком)[16], а в апреле 1939 г. вообще уволен и последние два года жил без работы и пенсии. Б. И. Анфилов скончался 14 октября 1941 г. Его судьба и смерть — на совести Берия и его приспешников.

Некоторые руководящие работники пытались противодействовать бесчеловечной политике вышвыривания из архивных учреждений квалифицированных архивистов. Так, директор ЦВИА Б. А. Сергеев и секретарь партбюро архива Н. П. Шляпников (будущий начальник архива) дали безупреч-

ные политические характеристики всем без исключения сотрудникам ЦВИА[17]. Об их поступке 15 января 1939 г. было доложено Берия. В ответ на это 23 человека из ЦВИА были занесены в «проскрипционный» список.

Берия, видимо, очень льстило то, что он теперь является «хозяином исторической науки». До 1953 г. во всех архивных учреждениях сверху донизу очень широко были известны его слова: «Без архивов нет истории, без истории нет науки, без науки нет прогресса». Устроив «кровопускание» и выгнав на улицу многие сотни архивистов, Берия, видимо, счел вопрос исчерпанным, хотя архивисты не избежали характерных для послевоенного времени кадровых перетрясок, связанных с обвинением в «буржуазном объективизме», «космополитизме» и прочих «идеологических грехах». В частности результатом такого перебора было увольнение в 1952 г. ряда специалистов из архивов.

Работники архивных учреждений должны помнить погибших в эти годы товарищей — Я. А. Берзина, С. А. Пашуканис, Я. Я. Буберга, А. К. Дрезена, И. В. Хрипача, Д. В. Саттерупа, А. А. Бобрищева и других. Следует также помнить и Н. В. Мальцева, Б. И. Анфилова и многие сотни архивистов, произволом Берия выгнанных с работы.

---

[1] Ваксберг А. Как живой с живыми // Литературная газета. 1988. 29 июня. № 26.
[2] Правда. 1988. 5 августа. № 218.
[3] ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 2. Д. 86. Л. 3, 37.
[4] Там же. Оп. 9. Д. 3971. Л. 17.
[5] Там же. Д. 4349. Л. 5.
[6] Там же. Д. 4350. Л. 220, 230.
[7] Там же. Оп. 2. Д. 3565. Л. 2.
[8] Там же. Оп. 9. Д. 4349. Л. 28.
[9] Там же. Д. 3878. Л. 28; Д. 4164. Л. 21; Д. 4155. Л. 28; Д. 4609. Л. 11.
[10] Там же. Д. 4350. Л. 7.
[11] Там же. Оп. 2. Д. 3565. Л. 1—21.
[12] И. И. Никитинский в 1939 г. был назначен начальником ГАУ НКВД СССР.
[13] ЦГАОР СССР. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 86. Л. 1—47.
[14] Там же. Л. 1.
[15] Там же. Л. 37. О Б. И. Анфилове см.: Автократов В. Н. О понятии «фонд» в советском архивоведении 1920-х годов // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 42—63.
[16] Там же. Оп. 9. Д. 4350. Л. 19.
[17] Там же. Л. 31.

В Госархиве Волынской области выявление, учет и сбор документов личного происхождения осуществляют работники группы, содержащейся за счет специальных средств, а их обработку — сотрудники группы сохранности, учета и научно-справочного аппарата.

Сейчас в архиве хранятся материалы представителей многих отраслей народного хозяйства, науки, культуры. Самый большой и ценный — фонд украинского советского историка, профессора Луцкого пединститута А. Г. Михайлюка, включающий рукописи монографий, документы о его общественной деятельности, переписку с научными учреждениями, представителями науки и культуры нашей и зарубежных стран, материалы биографического характера.

Работая с документами редакции газеты «Радянська Волинь», архивисты собрали и передали на госхранение материалы заслуженного журналиста УССР, лауреата республиканской премии им. Я. Галана П. Г. Штафеты.

Документы этнографа, собирателя фольклора А. Ф. Ошуркевича выявлены в областном научно-методическом центре народного творчества и культурно-просветительной работы.

Хранит госархив материалы первого на Волыни Героя Социалистического Труда В. Н. Вирного; участника партизанского движения на Волыни и движения Сопротивления в Польше А. Ф. Филюка; членов Союза писателей СССР В. С. Гея, Л. Лежанской, Г. Ю. Струцюка, И. И. Чернецкого; члена Союза композиторов СССР В. И. Герасимчука; заслуженных мастеров народного творчества УССР И. И. Ариванюка и А. Н. Миронченко; заслуженного учителя республики Г. М. Сподарець; самодеятельного художника С. И. Чуприна; кандидата медицинских наук В. В. Башняка и др.

В планах архива — прием личных фондов делегата XIX Всесоюзной партийной конференции В. П. Гиля, заслуженного артиста УССР В. И. Зинкевича, участников трио Маренич.

В. Е. Рожко, Р. П. Пенцак

К истории переезда Советского правительства в Москву в 1918 г.

Полевая книжка В. А. Аванесова

11 марта 1918 г. в 21 час 30 минут на Николаевский (ныне Ленинградский) вокзал прибыл поезд № 4001, в котором находились В. И. Ленин, члены ЦК РКП(б) и Советского правительства[1]. Днем ранее в Москву прибыл поезд с членами ВЦИК. Начинался московский период деятельности Советского правительства.

В воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича «Переезд Советского правительства из Петрограда в Москву»[2], впервые опубликованных в 1926 г., изложена история подготовки и осуществления переезда членов СНК во главе с В. И. Лениным и членов ВЦИК во главе с Я. М. Свердловым из Петрограда в Москву. В том же году появились воспоминания П. Г. Лебита — комиссара на Николаевском вокзале[3], в которых содержатся некоторые уточняющие детали подготовительного этапа переезда. Мало-Вишерскому эпизоду посвящены воспоминания В. Яковлева[4], работавшего в 1918 г. в должности чрезвычайного комиссара путей сообщения района на станции Малая Вишера б. Николаевской железной дороги и принимавшего участие в разоружении матросов, препятствовавших продвижению правительственных поездов.

Переезд проводился в крайне сжатые сроки, в условиях, требующих соблюдения секретности и осторожности. В силу этого в распоряжении историков имеются лишь отдельные, разрозненные документы, свидетельствующие в первую очередь о его подготовке, переезде наркоматов, редакций газет и других учреждений, их размещении в Москве. Документов и материалов, освещающих переезд Советского правительства, за исключением вышеуказанных воспоминаний, опубликовано не было. Тем больший интерес представляют неизвестные ранее записи в полевой книжке В. А. Аванесова, занимавшего в этот период пост секретаря ВЦИК.

Подобные книжки имели широкое хождение в 1918 г. В Биохронике В. И. Ленина есть сведения, что в марте 1918 г. Владимир Ильич пользовался полевой книжкой, в которую записывал после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву адреса и телефоны наркомов, членов ЦК РКП(б), центральных учреждений в Москве и др.[5]. В воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича «Въезд Владимира Ильича в Кремль» имеется такая запись: «... Я сейчас же отдал приказ, написав его в моей полевой военной книжке, и отослал его начальнику батальона с нарочным»[6].

В фонде Петроградского военно-революционного комитета (Ф. Р-1236), хранящегося в ЦГАОР СССР, в дело 12 (Оп. 1), содержащее в основном материалы за октябрь—ноябрь 1917 г., вшита полевая книжка Варлаама Александровича Аванесова. В книжке — 33 заполненных листа, датированные мартом 1918 г. и содержащие постоянные реквизиты, рассчитанные для записи артиллерийских команд. Книжка форматом 12,5×18 см имеет темно-серый коленкоровый переплет. На 2-м листе на трафаретном бланке «Настоящая книжка принадлежит» рукой В. А. Аванесова сделана запись: «Секретарю Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, солдатских и красноармейских депутатов В. Аванесову».

Судя по записям, многие из них делались во время движения поезда (о чем свидетельствует неровный почерк) и под копирку на отдельных листах, в результате чего в книжке остались отпуски записок, телеграмм, представляющих интерес для освещения истории переезда Советского правительства из Петрограда в Москву в марте 1918 г. и роли в нем секретаря ВЦИК В. А. Аванесова.

В подборку включены не все документы, имеющиеся в книжке. Часть из них (записки, расписки, связанные с оплатой расходов, выделением денег караульной службе и др.) выходит за рамки темы публикации.

Вступительная статья, комментарии и подготовка публикации **Т. Ф. Павловой.**

---

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. С. 308.

[2] Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969. С. 216—217.

[3] Лебит П. Г. Из воспоминаний о борьбе за власть Советов на Николаевской железной дороге // Красная летопись. 1926. № 6 (21). С. 78—92.

[4] Яковлев В. Мало-Вишерский эпизод // Красная летопись. 1934. № 1 (58). С. 94—103.

[5] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 314.

[6] Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1931. С. 339.

№ 1

Никитину[1]

2 марта 1918 г.

Тов. Никитин. Предлагаю Вам принять у комиссара тов. Двер...[2] все серебро (в медалях и вещах). [На] ящиках наложить печать и привезти в Москву вместе со всеми документами Вашего отдела.

В. Аванесов

Л. 273.

№ 2

Тов. Петухову[3]

9 марта 1918 г.

Предлагаю серебро (в медалях и вещах), в ящики взятое Вами по поручению Президиума из Смольного, сдать тов. Никитину для отправки их в Москву вместе с делами отдела ЦИК. Предлагаю оказать всяческое содействие.

В. Аванесов

Л. 274.

№ 3

60-е почтовое отделение.

10 марта 1918 г.

Петроград

Всю корреспонденцию — письма, телеграммы, денежные и ценные пакеты на имя Всерос[сийского] Центр[ального] И[сполнительного] К[омитета] направлять по новому адресу: Москва, ЦИК.

Секретарь ЦИК В. Аванесов

Л. 276.

№ 4

Начальнику поезда

10 марта 1918 г. 10 часов 45 минут

По некоторым сведениям нас задерживает на пути идущий вперед[и] поезд. Прошу, если в этом причина нашей задержки, сделать соответ[ствующее] телеграфн[ое] распоряжение на ближайшем разъезде пропустить поезд ЦИК вперед и о результатах сообщить тов[арищу] председателю ЦИК т. Свердлову.

Секретарь ЦИК В. Аванесов

Л. 277.

№ 5

Москва. Сов[ет] Деп[утатов]
Военная — Срочно

[11 марта 1918 г.][4]

Поезд ЦИК будет вечером. Прошу приготовить грузовые и легковые автомобили.

Секретарь ЦИК Аванесов

Л. 278.

№ 6

Коменданту гостин[ицы] «Метрополь» тов. П...[5]

11 марта 1918 г.

Согласно устным переговорам направляю к Вам приехавших сотрудников нашей газеты[6] и Бюро печати Сов[ета] Н[ародных] К[омиссаров] и прошу устроить их на пару дней в «Метрополе». Тов[арищи] н[ародные] **комиссары*** приедут следующим поездом, а поэтому я принужден сидеть на вокзале.

В. Аванесов

Л. 280.

---

* Выделено в тексте.

№ 7

Коменданту гост[иницы] «Метроп[оль]»

11 марта 1918 г.

Прошу выяснить, сколько человек можно устроить в гостинице «Метрополь» и обещать содействие тов[арищу] Стрижаку[7] для подыскивания помещения для сотрудников Сов[ета] Нар[одных] Комисс[аров].

В. Аванесов

Л. 281.

№ 8

Тов. Стрижаку, коменданту зданий Ц[ИК]

11 марта 1918 г.

Предлагаю принять самые энергичные меры для подыскания помещения для сотрудников Сов[ета] Н[ародных] Ком[иссаров]. С этой целью даются полные полномочия на реквизицию пустую[щих] помещен[ий] в Москве.

В. Аванесов

Л. 282.

№ 9

Коменданту Кремля[8]

11 марта 1918 г.

Предлагаю немедленно отв[ести] помещение для караула Сов[ета] Н[ародных] Ком[иссаров] и ЦИК в количест[ве] 220 челов[ек] и об исполнении донести секретарю ЦИК Аванесову.

В. Аванесов

Л. 283.

№ 10

Трансп[ортному] комитет[у]

[Не ранее 11 марта — не позднее 12 марта 1918 г.][9]

Прошу предоставить в распор[яжение] хозяйств[енной] комиссии 2 грузовых автомобиля для разгрузки продуктов и припасов хозяйств[енного] отдела ЦИК.

В. Аванесов

Л. 286.

№ 11

Коменданту гост[иницы] «Метрополь»
Коллективу служащих

12 марта 1918 г.

Товарищи!

Предлагаю принять все меры к тому, чтобы доставить всем сотрудникам Сов[ета] Н[ародных] К[омиссаров] и ЦИК максимум удобств и пищевое довольствие. В ближайшие дни все товарищи будут размещены по квартирам.

С тов[арищеским] прив[етом]

В. Аванесов

Л. 288.

№ 12

[Март 1918 г.][10]

Прошу поехать с тов. Бонч-Бруевичем, а затем из гаража прислать 1 закрытую машину.

В. Аванесов

Л. 300.

№ 13

[Март 1918 г.][11]

Прошу согласно телефон[ному] переговору отпустить закрытую машину в распоряжение т. Аванесова для т. Л.[12]. Предъявитель бумаги доставит в указанное ему место.

В. Аванесов

Л. 301.

Примечания

---

[1] Никитин Н. С.— в 1918—1919 гг.— помощник, временный заведующий хозяйственным отделом ВЦИК (ЦГАОР СССР. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 27. Л. 78, 131; Ф. 123. Оп. 95. Д. 25. Л. 158).

[2] Фамилия в тексте написана неразборчиво.

[3] Петухов И. А.— комендант Таврического дворца в Петрограде; после переезда Советского правительства в Москву назначен комиссаром гостиницы «Метрополь» (2-й Дом Советов ВЦИК), а с 16 мая 1918 г.— комиссаром Домов Советов ВЦИК (ЦГАОР СССР. Ф. 1235. Оп. 34. Д. 20. Л. 1—2; Оп. 93. Д. 43. Л. 37, 48).

[4] Дата в документе отсутствует. Текст телеграммы свидетельствует о том, что она отправлена в день прибытия поезда в Москву, т. е. 11 марта 1918 г.

[5] Фамилия в тексте написана неразборчиво.

[6] Имеется в виду орган ВЦИК — «Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов».

[7] Стрижак Я. А. (1891—1924) — до 27 марта 1918 г. комендант Кремля; затем — одного из Домов Советов, в которые были превращены гостиница «Националь» (1-й Дом Советов), «Метрополь» (2-й Дом Советов), здания на Садово-Каретной (3-й Дом Советов), на углу улиц Моховой и Воздвиженки (4-й Дом Советов) и в Шереметьевском переулке (5-й Дом Советов) (ЦГАОР СССР. Ф. 1235. Оп. 34. Д. 4. Л. 3; Д. 20. Л. 2—3; Оп. 137. Д. 26. Л. 18; Оп. 138. Д. 6480; Мальков П. Записки коменданта Московского Кремля. М., 1961. С. 116—118).

[8] Комендантом Кремля в этот период был Я. А. Стрижак (см. примечание № 7).

[9] Датируется по смежным документам.

[10] Дата документов в полевой книжке.

[11] См. примечание № 10.

[12] Речь, по-видимому, идет о В. И. Ленине. Отсутствие точной даты не позволяет с уверенностью сказать, с какой поездкой был связан вызов машины. Так, например, 12 марта В. И. Ленин вместе с М. И. Ульяновой и В. Д. Бонч-Бруевичем едут осматривать Москву. В тот же день вместе с Я. М. Свердловым и Н. К. Крупской в 12 часов приезжают в Кремль (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 311—312).

Уникальные кинокадры (*из фондов ЦГАКФД СССР*)

В ЦГАКФД СССР сохранились комплексы материалов 20—50-х годов, с которыми никто не знакомил общественность. В их числе уникальные кадры кинохроники, запечатлевшие Н. И. Бухарина, Н. И. Вавилова, Л. Б. Каменева, М. Е. Кольцова, А. В. Косарева, В. Э. Мейерхольда, П. П. Постышева, Ф. Ф. Раскольникова, А. И. Рыкова, М. Н. Тухачевского и других.

Важно объединить усилия архивистов, ученых, документалистов экрана для изучения исторического опыта с тем, чтобы сделать его достоянием не только науки, но и практики. Необходимо продолжить традиции кропотливой титанической работы М. И. Ромма с сохраняемой архивами хроникой. Создавая шедевры кинопублицистики из казалось бы уже ненужных срезков пленки, он возвращал нам многое из того, что могло бы быть навсегда утрачено.

Вниманию читателей предлагаются уникальные кадры из «Кусков хроники 20—30-х годов» (12848), фильма «Герои не умирают» (20287) (1963 г., режиссер С. Д. Бубрик), до сих пор так и не вышедшего на широкий экран.

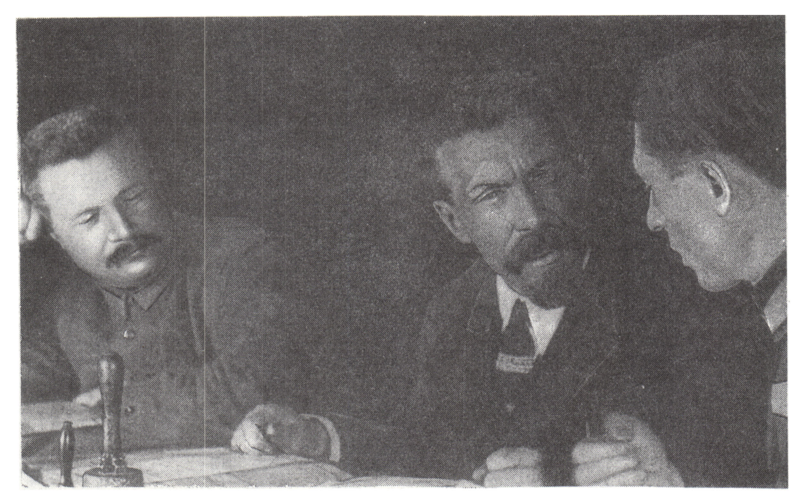
Публикацию подготовила **В. И. Рогова,**
старший научный сотрудник,
член Союза журналистов СССР

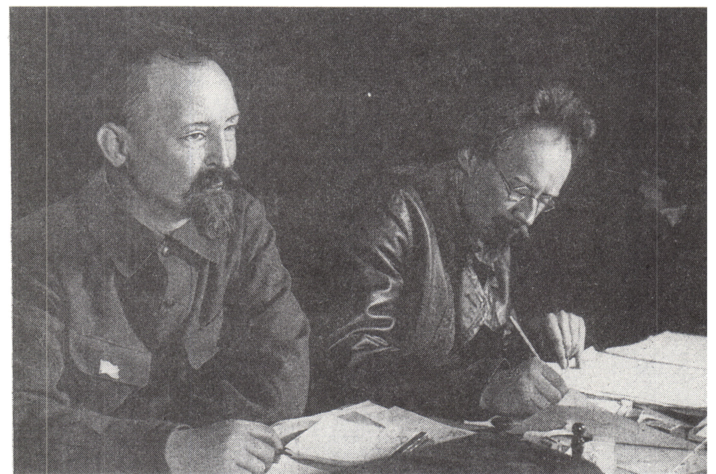
12848-V. Н. К. Крупская, М. П. Томский, Л. Б. Каменев у гроба В. И. Ленина в Колонном зале Дома Союзов. Москва. 1924 г. Январь.

12848-IV. Л. Б. Каменев, Н. И. Бухарин, М. И. Калинин, Г. Е. Зиновьев, Г. И. Петровский на Красной площади в Москве.

12848-III. М. В. Фрунзе, А. И. Рыков и А. С. Бубнов. Начало 20-х годов.

12848-I. Ф. Э. Дзержинский и Г. Л. Пятаков. Середина 20-х годов.

20287-III. Г. И. Петровский, С. В. Косиор и П. П. Любченко в президиуме XII Всеукраинского съезда Советов.

12848-I. А. И. Рыков, Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, Н. И. Бухарин, М. П. Томский и Я. Э. Рудзутак на трибуне Мавзолея. Москва. Начало 30-х годов.

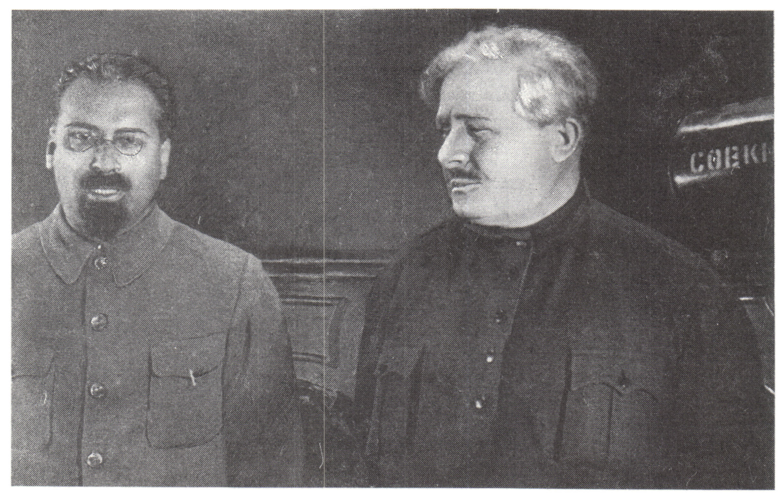
12848-I. Е. М. Ярославский, А. В. Косарев, Н. А. Угланов и А. И. Рыков среди присутствующих на трибуне Мавзолея.

20287-III. Г. И. Петровский и П. П. Постышев на первомайской демонстрации в столице Советской Украины г. Харькове. Конец 20-х — начало 30-х годов.

12848-V. С. М. Киров и Н. И. Бухарин. Начало 30-х годов.

12848-III. Л. М. Карахан и А. С. Енукидзе. Начало 30-х годов.

«Он никогда не совершал... жестоких или грубых поступков»

(А. Э. Булгак о брате — Ф. Э. Дзержинском)

Имя Феликса Эдмундовича Дзержинского, пламенного революционера, государственного деятеля ленинского типа, широко известно и не нуждается в специальном представлении. Этот человек олицетворял собой лучшие черты борца со всеми враждебными трудящимся силами, подлинного строителя нового светлого будущего. Непримиримый и твердый к врагам-контрреволюционерам, он был добрым и заботливым к друзьям и соратникам, особенно к детям, прекрасным семьянином. Не случайно в первом Советском правительстве Ф. Э. Дзержинский возглавил борьбу с детской беспризорностью.

Нам дороги все подробности его героической жизни и борьбы, в том числе эпизоды его детства и юности.

Именно об этих годах жизни Феликса Эдмундовича вспоминает его старшая сестра Альдона Эдмундовна Булгак[1], которая была ему особенно близка из членов семьи и часто заменяла горячо любимую мать.

В самые тяжелые дни пребывания в тюрьмах и ссылках именно ей поверял Феликс Эдмундович свои чувства и мысли, зная, что, чуткая и добрая, она поймет и оценит его преданность цели, его мужество и стойкость. В годы революционной борьбы он стремился не терять нить родственных связей и писал ей ободряющие письма, стараясь вспоминать милые сердцу семейные традиции и эпизоды их жизни, расспрашивал о братьях и сестрах, о ее детях.

Его письма отличаются большим оптимизмом, свидетельствуют о несгибаемой воле в достижении поставленной цели, о верности избранному пути. Никаких жалоб на трудности, на переживаемые испытания. Напротив, он подчеркивал свое спокойствие, свою силу и стойкость. Нередко шутил, желая поддержать у сестры хорошее настроение.

Публикуемые воспоминания Альдоны Эдмундовны были записаны мною в апреле 1941 г. в г. Вильнюсе, где она до войны постоянно проживала со своей семьей[2]. Воспоминания предполагалось опубликовать в подготовляемом в те годы научно-издательским отделом ГАУ НКВД СССР сборнике документов (условное название «Ф. Э. Дзержинский в тюрьмах и ссылках»).

В течение нескольких дней в Вильнюсе на квартире Альдоны Эдмундовны мы много беседовали, и я вела запись ее воспоминаний[3]. Неоднократно она ставила на стол шкатулку с бережно хранимыми письмами Ф. Э. Дзержинского, в которые часто заглядывала, уточняя даты и вспоминая факты[4].

Сама Альдона Эдмундовна была весьма приветливой собеседницей с симпатичным подвижным лицом и оставляла впечатление энергичного и доброжелательного человека.

По возвращении в Москву я получила от нее открытку[5], в которой она интересовалась судьбой воспоминаний и приглашала к себе, чтобы вместе посетить Дзержиново.

Но вскоре началась Великая Отечественная война и наша работа над сборником прекратилась.

Данные воспоминания публикуются впервые.

Вступительная статья, комментарии и подготовка публикации **Д. М. Эпштейн**, кандидата исторических наук, доцента.

---

[1] Альдона Эдмундовна (по первому браку — Булгак, по второму — Кояллович) родилась в 1870 г., умерла в январе 1966 г. на 97-м году жизни в г. Лодзи.

[2] Позднее Альдона Эдмундовна переехала в Польшу.

[3] Подлинная запись (машинописный текст) воспоминаний А. Э. Булгак находится на хранении в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (Ф. 76. Оп. 4. Д. 57. Л. 1—11).

[4] Письма Ф. Э. Дзержинского к Альдоне Эдмундовне неоднократно публиковались в переводе на русский язык в Советском Союзе (Дзержинский Феликс Эдмундович. Дневник. Письма к родным. 2-е изд. М., 1958; Дзержинский Феликс Эдмундович. Дневник заключенного. Письма. М., 1966; То же. 1967; Дзержинский Феликс Эдмундович. Дневник заключенного. Письма. Минск, 1977; Ф. Э. Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984).

[5] ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. 3076. Оп. сдаточная. Д. 90.

Мне было семь лет, когда родился Феликс. Появление его на свет было необычным и потому ярко запечатлелось в моей памяти.

Шел конец августа 1877 г. Наша семья — отец[1], мать[2] и четверо детей[3] жили в своей усадьбе Дзержиново, Виленской губернии. Отец наш, преподававший с 1866 г. в мужской и женской гимназиях Таганрога физику и математику, в тот год уже не работал. Он был болен туберкулезом и последние годы жил в деревне, получая пенсию. Мы жили в маленьком старом домике над рекой Усой. Домик этот не сохранился.

Мама наша, имея большую семью, всегда много работала по дому, стараясь содержать детей в чистоте и порядке. Она сама шила для детей.

В тот памятный день мама, беременная уже последним месяцем, хлопоча, как всегда, по дому и проходя к вечеру по темным сеням, упала в оставленный случайно открытым подвал. Это падение вызвало в семье большую тревогу за здоровье мамы и будущего ребенка. Помню страшно расстроенного отца, каким до этого я его еще не видела. К счастью, все обошлось благополучно, и лишь ребенок появился на свет раньше, чем его ожидали. Он родился в ту же ночь. Здоровье мамы было вне опасности, и такой благополучный исход принес всем нам большую радость. Мальчика назвали Феликс-Шченсны, что означает «счастливый».

На утро отец собрал всех детей и сообщил, что у нас появился новый брат. В знак этого радостного события он повел нас в амбар, где хранились фрукты. Там каждый из нас получил по полному переднику груш и был счастлив такому необычному событию. Этот день сохранился в моей памяти очень ясно.

Детские годы Феликс провел в Дзержинове, расположенном в уединенном живописном уголке, отдаленном на 50 км от железной дороги. Ближайшая деревня Петриловичи находится в 4 км. Наш старый дом стоял над красивой рекой Усой, вьющейся голубой лентой среди зеленых лугов, окруженных со всех сторон густыми сосновыми лесами, называемыми Налибокской пущей.

В 1880 г. наша семья переехала в новый дом, отстроенный немного дальше от реки на горе. Но он был расположен в таком же красивом месте среди дикой живописной природы, где не было ничего искусственного. Там не было подстриженных аллей и посыпанных желтым песком дорожек, которые обычно отличали помещичьи усадьбы. Наоборот, дом наш было окружен деревьями и густо растущей зеленой травой, по которой дети с большим удовольствием бегали босиком. Мы все очень любили Дзержиново, любили ту дикую непосредственную природу, ту обстановку простой деревенской жизни, которая воспитывала в детях лучшие качества.

Феликс рос резвым, но чутким ребенком. Он очень любил природу, любил животных и не позволял никому из детей обижать их. Позже в своих письмах Феликс неоднократно вспоминал о годах, проведенных в Дзержинове, этом прекрасном уголке природы. В раннем возрасте он обычно играл со своей сестрой Вандой, которая была на год старше его. Но несмотря на это, она всегда подчинялась его воле, и во всех играх вожаком был он.

Наши мальчики росли резвыми и живыми. Целыми днями они бывали на ногах. Большую часть летнего дня мальчики проводили у реки, купаясь и ловя рыбу. Нередки были случаи, когда кто-либо из них тонул, так как в реке было довольно много ключей. В таких случаях остальные братья бросались ему на помощь и сообща вытаскивали на берег.

Любимым занятием Феликса была рыбная ловля и охота за раками. В семье бывала большая радость, когда к ужину на столе появлялось блюдо с целой горой красных отваренных раков. В такие дни Феликс был горд своими успехами и особенно доволен тем, что доставил удовольствие маме, которая любила раков.

Любил он также лесные прогулки за ягодами и грибами. В наших лесах было очень много ягод и грибов, и мы часто отправлялись туда всей веселой гурьбой.

С особенным удовольствием дети кушали пироги с черникой, которую сами набрали.

С малых лет Феликс любил ездить верхом на лошади и, так как мама малышам не позволяла это делать, то они нередко ловили на лугу неоседланных лошадей и, вскочив на них, мчались подальше от взоров взрослых куда-либо в лес. Это доставляло им громадное удовольствие. Феликс ни за что не хотел отставать от старших братьев, и если те, которым было 9—12 лет, кое-как справлялись со своими лошадьми, то 6—7-летний Феликс нередко оказывался на земле, но все же чувствовал себя героем.

Феликсу были присущи все детские игры и шалости, но он никогда не совершал каких-либо жестоких или грубых поступков. Он очень любил свою мать и боялся причинить ей горе.

Детские годы Феликса прошли в скромной домашней обстановке, лишенной всяких излишеств.

В 1882 г. отец наш умер, и молодая 32-летняя мать осталась с 8 детьми[4] на руках. Мне, самой старшей, было 12 лет, Феликсу — 5 лет, а самому младшему — 1 год 3 месяца.

Материальное положение нашей семьи было довольно трудное, так как усадьба доходов никаких не приносила, а пенсия отца была очень мала. Нам помогала бабушка Янушевская[5], у которой воспитывалось двое детей — Казимир и Игнатий.

Наша мама в этой скромной обстановке умела создать условия и дать каждому ребенку все необходимое для его духовного развития. Она была очень доброй и чуткой,

за что все дети ее сильно любили. Мама наша была культурной образованной женщиной. Она получила хорошее домашнее образование, владела иностранными языками, знала музыку, много читала. Оставшись без мужа с малыми детьми, она много работала по дому, целыми днями она была на ногах, являясь примером трудолюбия для своих детей.

Феликс очень сильно любил свою мать и всегда относился к ней с большим вниманием. В одном из писем ко мне, вспоминая о своем детстве, он говорит, что был очень упрямым ребенком и только доброта и чуткость матери ломала это упрямство. Он действительно рос очень настойчивым ребенком. В этой настойчивости были задатки той железной воли, которая помогла ему перенести много испытаний на своем тяжелом жизненном пути и выйти победителем из борьбы.

Учась в гимназии в Вильно и приезжая на летние каникулы в Дзержиново, я старалась помочь маме, чем могла, я занималась со своими младшими братишками и сестричкой, ходила с ними гулять в лес, читала им книжки и рассказывала. Феликс очень любил слушать чтение и рассказы.

Начиная с 6 лет, я начала учить Феликса читать и писать, сначала по-польски, а с 7 лет мы начали изучать русский язык. К 9 годам я подготовила его для поступления в гимназию, и в 1887 г. осенью он вместе со мной поехал в Вильно, где и выдержал экзамен в первый класс 1-й Виленской гимназии.

Учась в гимназии, Феликс жил на частной квартире у своего товарища по гимназии. Мама с двумя младшими детьми поехала к своей матери, нашей бабушке в Иоду, где мы обычно собирались на праздники.

Начало учебы у Феликса было не особенно успешным, несмотря на то, что он имел большие способности. В первом классе он остался на второй год, и скорей всего потому, что слабо знал русский язык. В семье мы всегда разговаривали по-польски. В России же в этот период официально запрещено было разговаривать по-польски, и во всех общественных местах говорили только по-русски. Помню, как я сама получила переэкзаменовку на 6-м году обучения по русскому языку только из-за того, что не могла объяснить одного слова. Когда педагог спросил меня: «Что такое студеная вода?»,— я ответила, что это вода из студия (по-польски колодец). Он не понял, и тогда моя одноклассница объяснила ему, что я полька и по-польски колодец называется студием. Узнав, что дома я говорю по-польски, он заявил: «Я научу вас говорить по-русски. Получите переэкзаменовку!».

Феликс имел большие способности по математике. Все мои братья имели способности по математике. Может быть это передалось от отца, который был хорошим педагогом математики и физики. Отец наш был очень справедливым человеком, и соседи часто для того, чтобы подтвердить достоверность чего-либо, говорили: «Так сказал г. Дзержинский».

Крестьяне ближайших деревень очень уважали нашего отца и часто приходили к нему за советом и помощью, в чем отец им никогда не отказывал.

Учась в гимназии, Феликс с 14—15 лет начал давать уроки. Бедняков он учил даром, а если получал деньги за уроки, то отдавал их бедным, а затем на организацию[6].

В последний год учебы Феликс жил у своей бабушки на Поплавах[7] и там на чердаке ее дома имел ручную подпольную типографию, в которой он печатал листовки, воззвания, обращение к рабочим. Он мне неоднократно говорил, что судьба фабричных рабочих очень тяжела и о них надо заботиться.

О своей революционной работе этого периода Феликс в семье никому не рассказывал. Особенно он скрывал это от матери, так как его деятельность была связана с большими опасностями и он не желал приносить ей беспокойства, тем более, что она в это время уже была серьезно больна.

14 января 1896 г. наша мама скончалась. Во время ее болезни Феликс очень часто ездил в Варшаву, чтобы посетить ее в больнице (сам он жил в Вильно). Смерть горячо любимой матери была сильным ударом для Феликса.

После смерти матери Феликс вышел из гимназии и весь отдался революционной работе. В этот период Феликс жил у меня на квартире на Полоцкой улице. К нему постоянно приходил известный в то время социалист доктор Домашевич[8]. Бывало, когда он приходил, они забирались куда-либо в уголок и там вели свои беседы, чтобы я не слыхала. Я знала, что Домашевич в то время был нелегальным и потому боялась, что его выследят у меня на квартире. Эта боязнь была связана с тем, что я воспитывала двух младших братьев, которые учились в той самой гимназии, из которой Феликс вышел добровольно, но оставил о себе нехорошую память для дирекции. Перед уходом из гимназии, вопрос о котором уже был продуман и решен, Феликс решил сказать своим руководителям и педагогам несколько слов правды. Он вошел в учительскую и, обращаясь к одному особо ненавистному для учеников учителю русского языка по фамилии Рак, громогласно заявил о той несправедливости, которую этот педагог проявлял к ученикам-полякам, о том, что такое угнетение ведет к тому, что из учеников воспитываются революционеры, о том, что они сами готовят борцов за свободу.

Это выступление Феликса настолько удивило педагогов и застало их врасплох, что они не успели даже принять каких-либо мер, как он был уже дома и весело рассказывал об этом своим домашним с чувством большого удовлетворения выполненного долга.

После этого случая отношение к двум его младшим братьям, учащимся в этой же

гимназии, конечно, изменилось, и учиться им было довольно трудно. Через год же директор гимназии заявил, что им лучше перевестись из его гимназии в другой город, ибо аттестат зрелости им все равно в Вильно не получить, хотя учились они хорошо. Братья наши вынуждены были уехать кончать гимназию в Петербург.

Чтобы не беспокоить меня своей нелегальной работой, Феликс в январе 1897 г. уехал на другую квартиру на Заречье (дом Миллера), а в марте того же года он уехал в Ковно.

Через 4 месяца Феликса арестовали[9], и об этом я узнала только из письма, которое он написал 13 января 1898 г. из Ковенской тюрьмы.

Через полгода его отправляли в ссылку в Вятскую губернию, и я поехала в Ковно повидать его и попрощаться с ним. Помню, что приехала я поздно вечером и, узнав на вокзале, где находится тюрьма, отправилась к ней. Было уже поздно, и мне пришлось ждать до рассвета у стен тюрьмы. На рассвете вдруг раздался стук открываемых ворот и вслед за этим послышался звук кандалов. Я очнулась и подошла к воротам, из которых медленно выходила партия людей, закованных в кандалы, окруженная жандармами. Среди этих людей был Феликс. Сердце мое сжалось, когда я увидела его в арестантской одежде, закованного в кандалах. Я заплакала. Мне очень хотелось подойти к нему поближе, но жандарм не разрешил, и я услышала лишь несколько слов, которые сказал мне Феликс: «Успокойся, не плачь, видишь, я силен и напишу тебе».

Это был его первый арест и ссылка.

Двадцатилетним юношей он отправился в ссылку. В этот первый раз, как и во все остальные, он был силен духом и уверен в правоте своего дела, он знал, что все выдержит и доведет свое дело до конца.

Из ссылки он писал мне и в письмах выражал свою надежду, что скоро вернется, показывал, что стоек и силен.

В конце августа 1899 г. Феликс бежал из ссылки в Варшаву. Но там вскоре он снова был арестован и сослан в Сибирь. Оттуда он также удачно бежал и в один из сентябрьских дней 1902 г.[10], как рассказывает наша двоюродная сестра Станислава Богуцкая, явился к ним на Поплавы. «В один сентябрьский полдень 1902 г. неожиданно Феликс вошел в дом. Вид его был усталый, одежда порвана, на ногах были рваные сапоги, ноги опухли от долгой ходьбы. Но несмотря на усталость, Феликс был весел и очень доволен своим возвращением. Он сразу начал играть с детьми, которых очень любил. Умывшись и переодевшись, он вместе со всеми сел обедать. Во время обеда Феликс много рассказывал о ссылке, о том, как он бежал с товарищем в лодке.

На второй день он отправился к своим друзьям Гольдманам, а затем уехал в Краков»[11].

Перед поездкой за границу Феликс приехал ко мне в Мицкевичи (по Московско-Брестской ж. д. Слуцкого уезда). Помню, как однажды, возвращаясь с прогулки с детьми, я увидела Феликса, сидящего у нас на крыльце. С большой радостью я принялась его обнимать, а он мне шепнул: «Я Казе»[12]. Четырехлетний сын мой очень удивился, что я называла его то Казе, то забывшись — Фелись, и спрашивал, как зовут его дядю.

Феликс всегда был очень осторожный и просил меня называть его Казимиром, чтобы кто-либо случайно не мог узнать, что он здесь.

Через два-три дня Феликс уехал за границу, и я стала получать от него письма из Швейцарии.

Следующая наша встреча произошла в 1909 г., когда он третий раз удачно бежал из ссылки. Это было зимой. Мы тогда жили в Вильно на Полоцкой улице. Как-то к концу дня я получила от Феликса письмо из Сибири, но не смогла сразу его прочитать, так как очень была занята с детьми и, только уложив их спать и освободившись от остальных хлопот, часов в одиннадцать вечера я села и распечатала письмо. Не успела я дочитать его до конца, как раздался в сенях звонок. Я была страшно удивлена такому позднему звонку и, подойдя к двери, спросила: «Кто там?». В ответ раздался голос: «Открывай скорей!». Недоверчиво, приоткрыв дверь, я увидела на пороге мужчину в высокой серой папахе и тулупе с высоко поднятым воротником, так что видны были лишь одни глаза. Я сильно растерялась и не знала, что мне делать. Человек же сказал: «Разве ты не узнаешь меня? Впускай же скорей!» Это был Феликс, который бежал из Сибири. Долго я еще не могла придти в себя от удивления, так как он явился быстрее, чем я успела прочитать его письмо, и от радости нашей встречи.

Всю ночь мы проболтали сидя втроем (со Станиславом)[13]. Феликс много рассказывал о приключениях своего побега. Рассказал о том, что на пути из Сибири, когда он ехал в поезде, в его вагон вошел человек, который ехал в Сибирь, когда их, каторжников, везли туда в кандалах и арестантской одежде. Боясь быть опознанным, Феликс вынужден был лежать, повернувшись лицом к стене, в течение суток, пока тот не вышел.

В Вильно Феликса все хорошо знали, так как он провел там все ученические годы и в лице мало изменился. Необходимо было принять меры к тому, чтобы его не узнали. На утро было решено превратить его в брюнета (он был светлый шатен). Мой младший сын быстро сбегал в аптеку за черной краской, и мы принялись его гримировать. Но процедура не успела окончиться, как раздался резкий звонок. Этот звонок показался необычным, и мы решили вывести Феликса вместе с краской из комнат. Мой сын вывел его задним ходом из дома к реке.

Они своевременно удрали, так как в дом вошли жандармы, которые искали беглеца из Сибири — Феликса. Мы все сказали, что его здесь не могло быть. Я выразила им свое удивление и показала письмо, которое только что от него получила.

Таким образом, Феликс удачно удрал от жандармов. Пробыв в Вильно до конца дня, Феликс на ночь уехал из города.

Следующая наша встреча, которая была последней, произошла в феврале 1914 г. в X павильоне Варшавской цитадели. Он был измучен двухлетним пребыванием в тюрьме, но духом так же стоек, как всегда.

Наша встреча произвела на него большое впечатление, о чем он писал мне потом в письмах. Он, как всегда, расспрашивал про моих детей, которых очень любил, и интересовался, какие люди из них будут.

Вскоре его переправили в Орловский централ, и оттуда я получала от него только письма.

Я не могла предполагать, что больше никогда его не увижу. О смерти его, которая была для меня большой утратой, я узнала из газет.

До сегодняшнего дня я сохранила память о Феликсе, как об олицетворении всего лучшего, олицетворении справедливости, честности, гуманности, стойкости, веры в свое дело и любви к людям, которая руководила его жизнью и борьбой.

ЦГАОРСС г. Москвы. Ф. 3076. Оп. сдаточная. Д. 89.

---

[1] Эдмунд Иосифович Дзержинский.

[2] Елена Игнатьевна Дзержинская (урожд. Янушевская).

[3] Альдона, Ядвига, Станислав, Казимир. Всего было восемь детей (см. прим. № 4).

[4] Мальчиков было пять — Станислав, Казимир, Феликс, Игнатий и Владислав. Девочек трое — Альдона, Ядвига и Ванда.

[5] Казимира Янушевская — мать Елены Игнатьевны Дзержинской. После смерти Эдмунда Иосифовича фактически содержала всю семью.

[6] Альдона Эдмундовна ошибается. Ф. Э. Дзержинский только в 17-летнем возрасте, будучи гимназистом, вступил в нелегальный ученический кружок самообразования. В члены организации «Литовская социал-демократия» вступил осенью 1895 г., когда ему было уже 18 лет. Именно тогда он и устроил типографию на чердаке дома, о чем упоминает далее А. Э. Булгак.

[7] Имеется в виду ул. Поплавская, д. 26, где жила бабушка Феликса Эдмундовича — Казимира Янушевская.

[8] Антон Домашевич — один из основателей и руководителей литовской социал-демократии. Познакомил Феликса Эдмундовича с марксизмом и постоянно снабжал его социал-демократической литературой. Однако сам Домашевич стоял на националистических позициях. Вскоре Феликс Эдмундович разошелся с литовской социал-демократией по всем программным вопросам.

[9] Ф. Э. Дзержинский был арестован 17 июля 1897 г. в Ковно и в административном порядке выслан на три года в Вятскую губернию (сначала в Нолинск, а затем в село Кайгородское Слободского уезда). В последующем он арестовывался еще пять раз: 23 января 1900 г. в Варшаве, 17 июля 1905 г. на станции Дембе Вильке, 13 декабря 1906 г. в Варшаве, 3 апреля 1908 г. в Варшаве и 1 сентября 1912 г. в Варшаве.

Кроме первой ссылки, Феликс Эдмундович высылался в январе 1902 г. в Восточную Сибирь, в августе 1909 г.— в Енисейскую губ., в 1914—1916 гг.— в Мценск, заключен в Орловский централ, затем в Московскую тюрьму.

Трижды совершал побеги из ссылок: 15 сентября 1899 г. из с. Кайгородское, 12 июня 1902 г. из Верхоленска, в ноябре 1909 г. из с. Тасеево Енисейской губ.

[10] Здесь ошибка. В августе 1902 г. Феликс Эдмундович был уже в Швейцарии.

[11] Феликс Эдмундович уехал не в Краков, а в Швейцарию, где в это время лечилась от туберкулеза и Юлия Гольдман.

[12] Уменьшительное от имени Казимир.

[13] Старший брат Феликса Эдмундовича.

Панфиловский филиал Госархива Талды-Курганской области Казахской ССР наряду с традиционными формами предоставления ретроспективной информации заинтересованным учреждениям практикует выпуск устных журналов. Один из них— «Живая летопись уезда», посвященный 70-летию установления Советской власти в крае, был подготовлен совместно с районными организациями обществ «Знание», охраны памятников истории и культуры, районной библиотекой, преподавателями школ. Другой — «В боях отстояли Отчизну свою» прошел в школе им. Джамбула. Кроме того, с этим выпуском устного журнала, а также с фотодокументальной выставкой и подборками документов по ряду тем учебных планов ознакомились учителя школ района.

В. В. Швецова

Обзоры архивных документов

Документы ЦГАОР СССР о деятельности М. П. Томского

Л. Д. Шаповалова

Возвращение нашей истории имен многих соратников В. И. Ленина вызывает интерес к судьбе Михаила Павловича Томского, члена Центрального Комитета партии (1919—1934 гг.) и его Политбюро (1922—1930 гг.). Бессменный руководитель советских профсоюзов на протяжении всего послереволюционного десятилетия (1918—1929 гг., за исключением небольшого перерыва в 1921 г.) Томский не был формально исключен из партии и осужден, однако разделил трагическую участь большинства старой партийной гвардии. Узнав о начале следствия по делу «лидеров правого уклона» и понимая полное бессилие противостоять приближающейся политической расправе, 22 августа 1936 г. он застрелился на подмосковной даче в Болшеве. Ценой жизни заплатил он за то, чтобы избегнуть унижений и клеветнических обвинений его, старейшего члена партии (с 1904 г.), несломленного долгими годами царской тюрьмы и каторги, в измене делу всей своей жизни.

ЦГАОР СССР хранит документы, связанные с деятельностью Томского как профессионального революционера, руководителя ВЦСПС и деятеля международного профессионального движения.

Документы фонда Департамента полиции раскрывают активное участие Томского в революционном движении в 1907—1909 гг. После поражения революции 1905—1907 гг. в условиях политической реакции значительная часть интеллигенции отшатнулась от революционного движения. Настроения упадочничества и безверия характерны для атмосферы тех лет. Документы показывают, что революционная деятельность Томского продолжалась и в условиях преследований, террора. В октябре 1907 г. он вместе с кандидатом в депутаты III Государственной думы Н. Г. Полетаевым едет к В. И. Ленину в Куоккала, где обсуждается вопрос об использовании думской трибуны для социал-демократической агитации. В ноябре 1907 г. принимает участие в общегородской (в Териоках), а затем во Всероссийской конференции социал-демократической партии (в Гельсингфорсе), на которой вместе с В. И. Лениным представляет петербургскую партийную организацию[1]. После возвращения с конференции 10 ноября 1907 г. Томский был арестован на заседании Петербургского комитета партии и после четырехмесячного предварительного заключения в «Крестах» в мае 1908 г. приговорен к году крепости за принадлежность к РСДРП.

Наиболее полно освещена в материалах полицейских органов деятельность Томского в период московского подполья в 1909 г. После участия в совещании расширенной редакции газеты «Пролетарий» в Париже (июнь 1909 г.) ЦК партии направляет его в Москву в качестве своего уполномоченного для восстановления и укрепления работы партийной организации центральной промышленной области. К моменту приезда Томского в Москву партийная организация была разгромлена и испытала ряд провалов по районам. Перед Томским стояла задача восстановления партийной работы и организации нелегальной типографии. Уже к октябрю 1909 г. типография начала действовать, в ней было отпечатано 7 тыс. экземпляров прокламаций[2]. Одновременно Томский избирается членом исполкома московского комитета, входит в состав центрального областного бюро и окружного комитета партии; принимает участие в возобновлении выхода областного органа партии — газеты «Рабочее знамя», для которой пишет передовую статью[3]. В ней говорилось, что редакция газеты стоит на позиции ортодоксального революционного марксизма и видит своей задачей борьбу со всеми уклонами от этой линии.

Одним из пунктов разногласий в большевистском центре в этот период было отношение к школе пропагандистов, организованной А. М. Горьким на Капри. «Необходимо отметить,— говорилось в донесении московской охранки Департаменту полиции 7 сентября 1909 г.,— что за последнее время московская организация РСДРП стала в некотором отношении «в оппозицию» по отношению к Центральному Комитету партии, особенно же по вопросу о школе пропагандистов Горького. Ввиду этого Центральный Комитет стал усиленно направлять в Москву работников из Петербурга и других городов, дабы таким путем привести московскую организацию в подчинение Центральному Комитету. Из числа таких работ-

ников можно указать... «Михаила Томского», прибывшего из Петербурга (по наблюдению в Москве «Пегий»)... Кроме того, ту же задачу... должен был выполнять также и... Алексей Иванов Рыков, уполномоченный Центрального Комитета»[4]. 13 сентября 1909 г. Московский комитет принял решение, запрещавшее каприйским ученикам выступать от имени московской партийной организации[5].

Следует заметить, что в документах Департамента полиции за этот период имена М. П. Томского и А. И. Рыкова (также члена Московского комитета партии) часто встречаются вместе. В то время как Н. И. Бухарин и А. И. Рыков чаще работали в студенческой среде и среди интеллигенции, М. П. Томский все свои силы направлял на организацию кружков и партийных ячеек главным образом в рабочей среде. Об этом свидетельствует и сводка агентурных сведений по наблюдению за РСДРП московского жандармско-полицейского управления железных дорог за октябрь 1910 г., в которой говорилось об усилиях Томского наладить планомерную партийную работу в кружках рабочих-машинистов осенью 1909 г.[6].

Условия работы были крайне тяжелы. Не хватало людей. В октябре 1909 г. в результате арестов областное бюро партии было представлено только двумя членами — Кацапом и Томским[7]. Работа профессионального революционера проходила в обстановке постоянного полицейского надзора. Будучи хорошим конспиратором, Томский, как правило, у себя ничего не хранил, фактического материала, кроме агентурных сведений, на него не было. Ему часто удавалось уходить от преследования. В октябре—декабре 1909 г. он много разъезжает: в Петербург — для установления связей с депутатами Госдумы; на Урал — для постановки партийной работы в уральских организациях и для борьбы с отзовистским течением; в Одессу — для организации Южного областного бюро партии[8].

28 октября 1909 г., в связи с провалом в Москве тайной типографии, он привлекается к следствию в качестве обвиняемого и подлежит немедленному аресту. Однако охранке удалось его выследить и арестовать лишь 13 декабря в Петербурге[9]. Это был четвертый и последний арест Томского. Его перевезли в Москву, где он сидел под следствием по делу «33-х» около двух лет до ноября 1911 г. Вместе с ним были привлечены также Н. И. Бухарин, Ю. П. Фигатнер, М. Рыкунов, Н. Петрова и другие члены Московской организации (Н. И. Бухарину удалось уехать за границу).

Заграничная агентура в Париже сообщала в Департамент полиции, что «член Большевистского Центра Алексей Рыков ныне находится в Москве и что там же арестован выдающийся социал-демократ Михаил Томский, носящий организационную кличку «Щур»; рабочий по профессии, Томский весьма образован и развит; в июне с. г. был представителем на конференции Большевистского Центра в Париже, являясь представителем петербургских рабочих»[10]. «Нам дали 14 каторг, 13 поселений, 3 крепости. Ни одного не оправдали... Это был первый процесс, в котором не было ни одного оправданного»,— вспоминал впоследствии участник процесса Ю. П. Фигатнер[11]. Центральной фигурой на суде был Томский, которому прокурор посвятил основную часть своей обвинительной речи. После двухлетнего следствия Томский был приговорен еще к 5 годам каторги. Он был обречен на 7 лет пребывания в Бутырской каторжной тюрьме.

Документы Департамента полиции показывают, что в своей практической деятельности Томский последовательно проводил точку зрения большевиков в борьбе с отзовистами, ликвидаторами, троцкистами.

После февральской революции 1917 г. Томский вернулся из Киренской ссылки (Иркутская губерния) и с осени 1917 г. работал в Московском союзе металлистов редактором журнала «Московский металлист». Этот период его жизни между двумя революциями документирован мало. Имеются лишь оригиналы его статей для журнала «Профессиональный вестник», посвященные текущим политическим событиям и роли в них профсоюзов, выборам в Учредительное собрание, вопросам профессиональной практики[12].

Документы фонда ВЦСПС показывают с большой полнотой роль Томского как руководителя советских профсоюзов в 1918—1929 гг. Наиболее интересные документы, отражающие переломные моменты в истории профдвижения и в политической биографии Томского, отложились в описи дел коммунистической фракции ВЦСПС.

В конце 1919 г. большие споры вызвал вопрос о коллегиальности и единоначалии в построении органов управления. К IX съезду РКП(б) Томский опубликовал тезисы «Задачи профессиональных союзов», в которых отстаивал коллегиальность в управлении как общий принцип. 15 марта 1920 г. для их обсуждения было созвано заседание коммунистической фракции ВЦСПС, в котором участвовал В. И. Ленин. Фракция ВЦСПС и на этот раз поддержала тезисы Томского. Вопрос о единоначалии и коллегиальности Томский рассматривал с точки зрения практического участия профсоюзов в управлении производством, считая, что только принцип коллегиальности обеспечивает право рабочих участвовать в управлении. Из стенограммы фракции видно, что Томский был противником обеих крайностей в управлении, как единоначалия, так и подчинения коллегий профсоюзам, и отстаивал коллегиальность как общий принцип, не отрицая исключений из него[13]. Томский был практиком и не оттачивал формулировок, отдельные пункты его тезисов В. И. Ленин справедливо назвал «следом полной теоретической путаницы»[14].

Под руководством ВЦСПС за три года после революции профсоюзы прошли гигантское политическое и организационное развитие. «Правда,— писал Томский в начале 1920 г.,— развитие самого аппарата профсоюзов значительно отстает от их общего роста, правда, порой под влиянием тяжелого положения республики, вызвавшего отлив... лучших работников на фронт, временно ослабевает и как бы замирает внутрисоюзная жизнь»[15].

Именно эти негативные черты в жизни

союзов, обусловленные конкретными условиями, и послужили поводом для начала дискуссии о профсоюзах в конце 1920 г., когда партия столкнулась с серьезными внутриполитическими трудностями перехода от войны к миру. Томский уловил необходимость перехода от методов принуждения, навязанных войной, к рабочей демократии. На V Всероссийской конференции профсоюзов (ноябрь 1920 г.) он первым выступил против лозунга Троцкого «о перетряхивании» профсоюзов и против бюрократических методов работы объединенного ЦК профсоюза работников железнодорожного и водного транспорта (Цектрана), увидев в этом суть спора, и был поддержан В. И. Лениным на протяжении всей дискуссии. Протоколы и стенограммы заседаний коммунистической фракции ВЦСПС показывают, что Томский принимал участие в работе профкомиссии ЦК РКП(б) по выработке проекта резолюции к X съезду партии по вопросу о роли и задачах профсоюзов, выступал на дискуссионных собраниях с ее защитой, отстаивал «платформу 10-ти», подписанную В. И. Лениным, в ВЦСПС. На заседании коммунистической фракции ВЦСПС 28 января 1921 г., специально посвященном вопросу о роли союзов, основным докладчиком был Томский. Он защищал проект резолюции, подготовленный профкомиссией ЦК РКП(б). Несомненна его заслуга в том, что ВЦСПС голосовал за «платформу 10-ти», тем самым оказав влияние на позицию всего профдвижения и предотвратив раскол партии и профсоюзов[16].

После окончания гражданской войны и перехода к новой экономической политике изменялись и задачи профессиональных союзов. Выступление Томского на заседании II пленума ВЦСПС 17 февраля 1922 г. свидетельствует о его непосредственном участии в выработке нового курса профсоюзов в условиях нэпа. Его статьи и речи о нэпе и новых задачах союзной работы 1922—1923 гг. явились ценным практическим вкладом в профессиональную работу и литературу[17].

В выступлениях Томского, в документах профсоюзных съездов за 1924—1928 гг., отложившихся в фонде, неизменно отстаивается мысль о необходимости партийного руководства союзами, всемерном проведении нэпа, об участии профсоюзов в производстве, индустриализации страны, об удовлетворении экономических и культурных запросов рабочих масс. Материалы ВЦСПС и съездов профсоюзов показывают, что профсоюзы в 20-е годы оставались реальной политической силой, активно участвующей в государственной жизни. На VI—VIII съездах профсоюзов СССР с докладами и отчетами о деятельности выступали руководители высших государственных и хозяйственных органов: А. И. Рыков, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышев, В. В. Шмидт и другие. Однако уже тогда в общественной жизни страны появлялись симптомы бюрократизации, подавления самостоятельности общественных организаций.

Последовательно защищая и проводя руководящую роль партии по отношению к профсоюзам, Томский решительно осуждает непосредственное вмешательство в их дела. В тезисах к XIV съезду ВКП(б) он писал: «Рядом с мелочным вмешательством партийных инстанций в ежедневную работу профсоюзов имел место легкомысленный выбор руководящих профсоюзных работников, частая перемена их, нарушающая демократию профсоюзов. Кроме того, на практике оказалось, что большинство вопросов, касающихся условий труда, заработной платы, коллективных договоров и т. д., вносились на разрешение партийных инстанций, что нарушало нормальную методу профсоюзной работы и уменьшало авторитет профсоюзов среди широких масс». В связи с этим социал-демократическая пресса Запада писала, «что в России имеются серьезные профсоюзные деятели, которые, хотя они и коммунисты, и придерживаются своих убеждений ... все-таки понимают смысл и цель профсоюза и отстаивают правильные условия»[18].

Против тенденций бюрократического «дерганья» профсоюзов, командно-административного подхода к ним, отвергнутого партией еще в ходе дискуссии о профсоюзах, направлен также его доклад о задачах коммунистов в профдвижении, хранящийся в ЦГАОР СССР[19]. Томский предостерегал от поверхностного, упрощенного понимания руководящей роли партии по отношению к союзам: «Наиболее опасным моментом... в руководстве профсоюзами со стороны партии является выпячивание, афиширование, подчеркивание этого руководства. Работа партии в профсоюзах должна заключаться в том, чтобы меньше кричали о руководстве и больше проводили бы это руководство»[20].

Документы фонда ВЦСПС характеризуют самые разнообразные аспекты деятельности Томского как организатора и руководителя профдвижения. В июле 1920 г. при его активном участии был создан Международный Совет Профессиональных Союзов (Межсовпроф), генеральным секретарем которого он был избран. С февраля 1922 г. Томский — член Центрального Совета Профинтерна[21]. Как показывают документы Комиссии внешних сношений при ВЦСПС, в 1923—1924 гг. ВЦСПС проводит активную международную политику по сплочению мирового профдвижения и объединению с Амстердамским Интернационалом. Свое частичное воплощение лозунг единства профдвижения, провозглашенный Коминтерном и Профинтерном, получил в ноябре 1924 г., когда было решено создать центр сотрудничества профсоюзов СССР и Англии. Инициатором и руководителем Англо-Русского комитета единства мирового профдвижения был Томский.

Впервые в сентябре 1924 г. он выступал как представитель ВЦСПС перед рабочим классом Англии на конгрессе тред-юнионов в г. Гулле с приветствием и изложением позиции профсоюзов СССР. В речи Томского, хранящейся в материалах Комиссии внешних сношений, прозвучала мысль об объединении рабочих всего мира перед угрозой новой войны[22]. Выступление Томского на конгрессе было высоко оценено английской прессой. Газета «Дейли Ньюс» писала: «Речь Томского была настолько дипло-

матической, насколько это требовалось для данного случая. Его приятный голос с сочетанием плавности и сдержанности речи и временами легкий юмор, который не часто встречается в русских политических речах, произвели должный эффект...»[23]. Работа советской делегации на этом конгрессе имела важное значение для развития сотрудничества профсоюзов.

Доклады Томского на пленумах и президиумах ВЦСПС за 1925—1926 гг. об англо-советских встречах и конференциях, приветствия международному пролетариату и другие материалы свидетельствуют о начавшемся процессе сближения в мировом профдвижении[24]. После III конгресса Профинтерна (июль 1924 г.) через СССР прошла широкая волна иностранных рабочих делегаций, причем в них участвовали не только беспартийные, но и социал-демократы и даже христианские социалисты, а на торжества по случаю 10-летней годовщины Октября по приглашению ВЦСПС прибыли делегации из 43 стран. В архивных материалах имеются многочисленные сведения о пребывании в СССР второй рабочей делегации из Германии и стенограммы бесед с ней главы Советского правительства А. И. Рыкова и председателя ВЦСПС М. П. Томского[25].

В своих рекомендациях и советах коммунистам западных стран Томский был осторожен и не советовал слепо копировать сложившиеся в СССР формы взаимоотношений партии и союзов. «Годятся ли для них наши методы, можем ли мы их рекомендовать в голом виде для всех западноевропейских партий?» — спрашивал Томский на пленуме Исполкома Коминтерна 2 марта 1926 г. и отвечал: «Я бы этого не сказал... Переносить наши методы целиком на западноевропейскую почву, да еще усилив их на несколько десятков процентов, имея перед собой различные объективные условия, различную обстановку, другое отношение рабочих к партии, имея профсоюзы, в иной обстановке выросшие и развившиеся, имея иной удельный вес самой партии — это значит загубить самое хорошее дело»[26].

Гибкость тактики, осторожный и объективный подход к профессиональному движению других стран завоевали ему авторитет в международном профдвижении. Об этом говорят также оценки социал-демократической прессы Запада и статьи Томского о положении рабочего класса в зарубежных изданиях[27].

Деятельность Томского после ухода с поста председателя ВЦСПС освещена в документах ЦГАОР СССР значительно хуже. Имеются лишь сведения, связанные, главным образом, с его служебными перемещениями в 1929—1930 гг.

Позиция Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и М. П. Томского и их сопротивление сталинскому курсу в конце 20-х годов были расценены ноябрьским (1928 г.) Пленумом ЦК ВКП(б) как «правый уклон». В апреле 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) отстранило Томского от руководства ВЦСПС (удовлетворено его заявление), а в мае 1929 г., как свидетельствует анкета организационно-инструкторского отдела ВЦСПС, на II Пленуме ВЦСПС он был выведен из членов Президиума ВЦСПС[28]. Летом 1929 г. Томского освободили также от обязанностей члена СТО СССР и назначили членом Президиума ВСНХ СССР[29]. После ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б) и опубликования в газете «Правда» заявления «лидеров правого уклона» о снятии разногласий и признании своих ошибок Томский был назначен заместителем председателя ВСНХ СССР и членом Президиума Комитета по химизации при СНК СССР[30]. После «разгрома правого уклона» на XVI съезде ВКП(б) (1930 г.) он был выведен из состава Политбюро ЦК ВКП(б) и освобожден от работы в ВСНХ СССР[31]. Освещение дальнейшей деятельности Томского связано с документами других архивов.

Как видно из сказанного, ЦГАОР СССР располагает значительным комплексом материалов о жизни и деятельности Томского, позволяющим глубоко и неоднозначно исследовать его политическую биографию, вклад в профессиональное движение.

---

[1] ЦГАОР СССР. Ф. 102.ОО. 1907. Д. 5. Ч. 84. Л. 152; Д. 510. Л. 102 об.
[2] Там же. 1909. Д. 5. Ч. 34 пр. Л. 107.
[3] Там же. Л. 63—65.
[4] Там же. Л. 51.
[5] Там же. Л. 64—65.
[6] Там же. 1910. Д. 5. Ч. 104-Б. Л. 54 об.
[7] Там же. 1909. Д. 5. Ч. 34 пр. Л. 107.
[8] Там же. Л. 107, 118, 192, 210, 237.
[9] Там же. Л. 244.
[10] Там же. 1908. Д. 474. Л. 141 об.
[11] Шестой съезд профессиональных союзов СССР. Полн. стеногр. отчет. М., 1925. С. 432.
[12] ЦГАОР СССР. Ф. 5451. Оп. 2. Д. 352, 353.
[13] Там же. Оп. 42. Д. 3. Л. 163—164..
[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 270.
[15] Томский М. Избранные статьи и речи. М., 1928. С. 135.
[16] ЦГАОР СССР. Ф. 5451. Оп. 42. Д. 21. Л. 1—28; Д. 22. Л. 45.
[17] Там же. Оп. 5. Д. 40. Л. 48м, 49—69.
[18] Там же. Ф. 5663. Оп. 1. Д. 129. Л. 129—130.
[19] Это выступление 2 марта 1926 г. на Пленуме Исполкома Коминтерна опубликовано также отдельной брошюрой в 1926 г.
[20] Томский М. Задачи коммунистов в профессиональном движении. М., 1926. С. 27; ЦГАОР СССР. Ф. 5451. Оп. 13. Д. 129. Л. 487.
[21] ЦГАОР СССР. Оп. 6. Д. 40. Л. 33.
[22] Там же. Оп. 13. Д. 11. Л. 11—20.
[23] Вестник труда. 1925. № 1. С. 38.
[24] ЦГАОР СССР. Ф. 5451. Оп. 9. Д. 1. Л. 2—16; Д. 2. Л. 5—32; Оп. 10. Д. 64. Л. 5—34.
[25] Там же. Оп. 13. Д. 147.
[26] Томский М. Задачи коммунистов в профессиональном движении. С. 22; ЦГАОР СССР, Ф. 5451. Оп. 13. Д. 129. Л. 483.
[27] ЦГАОР СССР. Ф. 5451. Оп. 13. Д. 111. Л. 112—113.
[28] Там же. Оп. л/с. Д. 614. Л. 414 об.
[29] Там же. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 47. Л. 283 об.; Д. 49. Л. 136.
[30] Там же. Д. 51. Л. 180, 186.
[31] Там же. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 12. Л. 204 об.

Новые архивные источники по истории русской исторической науки (конец XIX — начало XX в.)

А. Н. Медушевский, кандидат исторических наук

Анализ историографии прошлого как части научной и общественной мысли своего времени является актуальной задачей советской исторической науки[1]. В нашу задачу входит рассмотрение документальных источников о русских историках конца XIX — начала XX в. В основу работы положены прежде всего личные фонды крупнейших представителей исторической науки того времени — Б. Н. Чичерина, П. Н. Милюкова, Г. В. Вернадского, в определенной последовательности отражающие развитие государственной (юридической) школы — центрального научного направления рассматриваемого периода[2]. Проанализируем эти материалы по следующим основным проблемам идейной эволюции государственной школы: общефилософские воззрения, представления о всемирной истории и месте России в ней, взгляды на развитие русского исторического процесса, а также вопросы историографии, источниковедения.

В области философии истории у ведущих теоретиков рассматриваемого направления определенно прослеживается эволюция от абстрактно-идеалистической философской системы Гегеля, получившей преимущественное распространение примерно с 40-х годов XIX в., в сторону неокантианства и связанного с ним позитивизма[3]. Если С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин и особенно Б. Н. Чичерин разделяли гегелевское учение о философии истории, то уже В. О. Ключевский и особенно П. Н. Милюков, Г. В. Вернадский явно склонялись к позитивизму. Это отчетливо прослеживается и в тех архивных материалах, которые отложились в личных фондах.

Документы Б. Н. Чичерина (ф. 1154) охватывают в основном расцвет и поздний период его научной и общественной деятельности, т. е. 60—80-е годы XIX в. Они показывают, однако, что в это время и позднее историк разделял основные положения Гегеля, хотя подходил к ним по-своему и стремился интерпретировать их применительно к русской истории. Об этом свидетельствуют рукописи и подготовительные материалы некоторых основных произведений Б. Н. Чичерина, в частности, его «Воспоминаний», материалы к опубликованным работам «Метафизика есть ли наука?», «Пространство и время», «О народном представительстве», рукописные заметки, например, о происхождении мифологии, где отчетливо прослеживается определенное влияние диалектического метода[4]. Как показывают источники, преимущественное внимание ученого было в этот период обращено на право, его теорию и историю[5]. В этом отношении представляют несомненный интерес рукописи Чичерина о государственном праве, в которых намечается структура изложения этого вопроса, ставшая общей для всех философско-правовых работ ученого, дается определение государства как «формы общежития или союза людей», выделяются другие общественные союзы, обосновываются демократические права и свободы[6]. В соответствии с этим политический идеал Чичерина — правовое государство или конституционная монархия — находит свое выражение в ряде его публичных выступлений позднего периода.

В историографии последующего периода отчетливо прослеживается переход к позитивизму, как в теории, так и в практике конкретных исследований. Особенно характерны в этом отношении материалы П. Н. Милюкова (ф. 579) по вопросам философии и общей концепции исторического процесса. Значительное число рукописей на эти темы приходится на начальный этап, и в частности, на студенческие годы, когда происходило формирование взглядов, получивших развитие в последующих трудах. Наиболее характерным сочинением такого рода является разбор второго издания «Критики чистого разума» И. Канта 1878 г., в котором на первое место выделяются вопросы логики и гносеологии, причем сделана попытка проследить историю этого вопроса, восходящую к Аристотелю. В этом отношении интересно обращение Милюкова к специальному разбору и конспектированию «Метафизики» Аристотеля и «Логики» Тренделенбурга[7]. Свое отношение к философии истории Милюков изложил позднее в лекциях в Софийском университете в 1897 г. «Обзор философско-исторических систем». Он исходил из того, что само понятие «философия истории» неудачно и является наследием метафизических представлений предшествующей эпохи. На основе этого, дается формальная классификация учений: «Мы познакомимся сперва с богословскими системами философии истории, затем с философскими и, наконец, с научными»[8]. При этом переход от богословской философии истории к метафизической и от метафизической к научной представлен как результат постепенного уяснения понятия о закономерности. Под научной системой знаний им понималась неокантианская социология и историография, ставящая своей целью поиск позитивного знания для установления закономерностей.

В данной связи характерно также обращение Г. В. Вернадского (ф. 1137) к сочинениям Канта, Зиммеля и Ницше[9]. Проблематика при

этом самая разнообразная: от индийской теологии, ведаизма и буддизма, магометанства до «Этики» Спинозы и работ по истории новой философии — прежде всего Риккерта, Виндельбанда и др.[10]. Конспектируя эту литературу, молодой историк выделяет мысль о том, что «задача теории познания — вопросы об отношении между бытием и мышлением: вопрос о реальности познания и вопрос о происхождении познания»[11].

Подход к изучению русской истории в рассматриваемой историографии отразил уже наметившиеся ранее основные интересы — история хозяйства и государственности, а в последующее время — история общественной мысли. Все эти темы раскрывались, исходя из некоторого общего взгляда на русский исторический процесс, который, будучи сформирован государственниками более раннего периода — Соловьевым, Кавелиным, Чичериным — был затем несколько модернизирован Ключевским и подвергся дальнейшим модификациям у Милюкова[12].

Он взял из этого подхода лишь общую линию, схему основных тенденций развития общественных отношений и государства, но подошел по-другому к объяснению основ этих процессов, характера их взаимного отношения, оценке их исторического значения.

Важной спецификой русского исторического процесса признавался географический фактор. Соловьев и Ключевский придавали ему большое значение. Представители государственной школы позднего периода Милюков и Вернадский, восприняв это положение, придавали ему несколько иной смысл, связав его более тесно с процессом закрепощения крестьян, развитием производственных и вообще социальных отношений на Руси. Географический фактор изучался Вернадским в связи с особенностями развития русского феодализма вширь. В рукописи, посвященной «движению русского племени к Востоку», подчеркивается, что «движение на Восток составляет существенную черту всей русской колонизации»: подобно тому, как англо-саксонская раса начинает свое историческое бытие с движения на Северо-Запад, на самой заре русской истории мы встречаемся с восточным направлением русского племени, причем этот первоначальный толчок явился определяющим для последующих передвижений, в том числе на Юг и на Запад[13]. Когда этот процесс дошел до логического завершения и привел к объединению западного и восточного путей колонизации, круг замкнулся, дальше идти было некуда. Пределы движения русских на восток были ограничены. Оставалась внутренняя колонизационная работа, предстояло заполнить готовые рамки[14].

Постоянная борьба леса со степью в русской истории определила ход формирования социальных отношений и государственности. В русле этой общей концепции предметом специального внимания ученого стало освоение Сибири, которому предполагалось посвятить специальное исследование. Об этом свидетельствуют многочисленные выписки из документов Сибирского приказа, фрагменты рукописи «Государевы служилые люди и промышленные люди в Сибири XVII в.», где сформулирован важный тезис о том, что «вся сибирская колонизация — промышленное предприятие, в котором цель — добыча драгоценных мехов, а орудие для этого — служилые люди»[15]. В «Лекциях по исторической этнографии» 1888 г. Милюкова со всей определенностью подчеркивается «значение географии для русской истории», первостепенное влияние ее как на «процессы историко-этнографические», так и на «процесс колонизации» страны, определившее движение славянского племени, его направление и способствовавшее, в конечном счете, «созданию народности»[16]. Для последующего периода истории России географический фактор анализируется в связи с вопросами войн, дипломатических и торговых отношений (см., например, записку «Антропологические и географические даты»)[17]. В представлениях государственников географический фактор был тесно связан с проблемой русского феодализма, его особенностями в сравнении с Западной Европой.

Специальное исследование вопроса о феодализме в Киевской Руси, навеянное, очевидно, работами Н. П. Павлова-Сильванского на ту же тему[18], привело Вернадского к выводу о возможности установить следующие два момента междукняжеских отношений: тесную связь всякого междукняжеского договора с поземельными отношениями, причем нельзя установить точной грани между государственным и частным характером землевладения; влияние западных политических понятий на русские. Эти два момента позволяют сблизить междукняжеские отношения в Киевской Руси с феодальными отношениями Запада. Но эти феодальные отношения, считал Вернадский, находились еще в неразвившемся, зачаточном состоянии: «В политическом отношении Киевская Русь находится еще только в процессе феодализации»[19]. При этом он исходил из определения феодализма П. Г. Виноградова, по которому этот строй общества характеризуется политической окраской территориальных отношений и территориальной окраской политических отношений: «В Киевской Руси феодализация быстро шла сверху, и это задерживало феодализацию снизу». По его мнению, выраженному наиболее четко в конспективных заметках, «в удельной Руси существовали зародыши феодального строя. Павлов-Сильванский, однако, идет слишком далеко, желая открыть на Руси феодализм. Его ошибка в том, что он принял зародыш и зачатки феодальных отношений за законченную картину феодального быта»[20]. Отталкиваясь от этой точки зрения, Вернадский подчеркивает условия не благоприятствующие феодализму, причем видит их в обширности земельных запасов и крайней редкости и бродячести населения. Отсюда, по его мнению, проистекает отсутствие на Руси развитой городской буржуазии, и собственно «политического феодализма», выражавшегося на Западе в ленной системе, основанной на связи землевладения с системой вассалитета и службой.

При изучении проблемы образования русского централизованного государства преиму-

щественное внимание обращалось именно на территориально-географический и внешнеполитический ее аспекты, привлекались соответствующие источники[21]. В связи с этим представляют интерес, например, ранние сочинения П. Н. Милюкова, посвященные вопросам «собирания земель» князьями, некоторым этапам образования русского централизованного государства. Это, в частности, «Отчет о занятиях по русской истории за второе полугодие 1884 г.», в котором раскрывается ход изучения отношений России с Литвой при Иване III и Василии III[22].

Уже в это время в центре внимания историка оказывается проблема формирования государственности, когда «во имя этнографического, религиозного и исторического единства Руси ведется борьба с иностранным государством, разорявшим это единство», причем прослеживается появление под впечатлением текущих фактов борьбы новой государственной теории и терминологии — «государь всея Руси» и «самодержец». Процесс образования централизованного государства непосредственно связывается при этом с оформлением и дифференциацией служилых функций различных сословий. Такой подход прослеживается, в частности, в одном из ранних сочинений С. А. Муромцева «Дружина и ее отношение к земщине до конца XII столетия»[23].

Вставал вопрос об отношении сословий и государства, причем одним из основных оказывался вопрос о крепостном праве. Ряд материалов фондов посвящен специально истории крепостного права, его возникновению и отмене. Так, Вернадский исходит из представления о постепенном, безуказном закрепощении, полагая, что все элементы прикрепления (задолженность, старина по переписи, вотчинная власть землевладельца) были налицо уже в XVI в., «но смута явилась тем толчком, который окончательно кристаллизировал эти элементы в крестьянскую крепость. Так, вода в спокойном состоянии может быть доведена до нуля. Но в этом случае при малейшем сотрясении она замерзнет»[24].

В результате возникает вывод о том, что «экономическое падение крестьянства, вызванное смутой, ведет к громадным последствиям в смысле развития крестьянской крепости»[25]. Освобождение крестьянства от крепостной зависимости рассматривается также в контексте теории раскрепощения сословий государством[26]. Характерно в этой связи обращение историка к документам специальных секретных комиссий по крестьянскому вопросу при Николае I, конспектированию этих источников — записок, проектов и постановлений[27]. Указанный подход характерен и для анализа Вернадским истории правящего класса — дворянства. По его мнению, раньше, чем успело сложиться нечто вроде феодализма, боярство было уже уничтожено Грозным, а остатки его были развеяны смутой. Отметим в этой связи полемику Вернадского с Н. А. Рожковым о причинах сельскохозяйственного кризиса в России XVI в.[28]. В последующее время, считает Вернадский, в течение XVII в. разгромленное крупно-землевладельческое боярство окончательно заменяется новым общественным слоем — служилым дворянством — землевладельцами средними и мелкими. Поместье при этом выступает как уже принципиально другой, специфический вид землевладения, обусловленного исключительно службой.

Этой теме посвящено наибольшее число рукописей, конспектов и заметок. «При Петре Великом,— считает Вернадский,— русское дворянство, с одной стороны, было закрепощено обязательной службой государству, с другой — приобщено к европейской культуре. В этом заключено зерно противоречия, развивавшегося затем в течение XVIII в».[29]. Исходя из этого, интерпретируются все конфликты между дворянством и государством в XVIII в., в частности идеи дворянских наказов в Екатерининскую Уложенную комиссию.

Полагая, что после закрепощения сословий Петром, примерно с середины XVIII в. начинается постепенный процесс их раскрепощения, причем с верхнего сословия — дворян, Вернадский ставит проблему о конфликте интересов дворян и монархии. Вопреки традиционным представлениям он считал, что конфликт этот был достаточно острым, поскольку Екатерина II ограничила привилегии правящего сословия, вызвав его оппозицию. Но в это время разразилась «социальная катастрофа» — пугачевщина, которая заставила смолкнуть недовольных и побудила их снова идти на службу Екатерине. Оппозиция последующего времени была уже не широкое вольтерьянское и рационалистическое дворянское движение, а узкая консервативная аристократическая оппозиция, таящаяся в масонских ложах с мистическими представлениями. Продолжение этой тематики находим в плане лекций по истории России 1762—1825 гг., причем здесь выделены определенные типы социально-политических течений эпохи — консервативное, либеральное, их оттенки и конкретные представители[30].

На основании этого подхода давалась интерпретация проблемы российского абсолютизма: «Общественное движение XVIIIв. происходило в рамках социальной монархии. В Европе было два типа такого движения — французское и английское. Во Франции процесс кончился союзом короны с горожанами против феодальной знати. В Англии — союз горожан и дворянства против короны. В России корона соединяется с дворянством, чтобы сообща держать в своих руках всю остальную массу населения, еще слабо дифференцированную. Благодаря тому, что буржуазия не являлась политической силой — социальное движение не окончилось политическим переворотом»[31]. Это, по мнению ученого, показал, в частности 1730 г., когда в ходе столкновения короны и дворянства корона сразу уступила социально-экономическим требованиям дворян, а дворяне, не подталкиваемые буржуазией, сразу отказались от политических требований.

Две темы — история хозяйства и государственности стали центральными для понимания Милюковым истории России и определили разработку его главной исследовательской темы реформ Петра I[32]. Так, в одном из выступ-

лений перед аудиторией говорилось о том, что он будет читать «материальную историю России, до сих пор мало разработанную»[33]. Рано наметился интерес к сводным и учетным документам, финансовой отчетности, делопроизводству соответствующих учреждений[34]. Проблемы источниковедения, как теоретического, так и прикладного, изучение комплексов документов и отдельных памятников получили значительное отражение в рассматриваемых фондах. Обратимся прежде всего к свидетельствам документов об общих взглядах Милюкова на историографию и источниковедение. Наука, считал он, должна вооружить нас средствами критики чужих теорий и материалом для построения собственной[35]. На базе этих принципов давалась оценка историографических и исторических источников. Известно, что одним из направлений для научной работы ученого явилась история общественной мысли и историографии, нашедшая выражение в ряде специальных трудов[36]. В фонде сохранились рукописи работ по историографии, в частности, заметки о русских историках XVIII — начала XIX в.[37].

В области конкретного источниковедения мы имеем в фондах богатый материал. Общий подход к источниковедению был крайне прагматическим. По терминологии Милюкова, «методология истории» представляет собой «те технологические приемы, с помощью которых исследователь-специалист установляет достоверность данных исторических фактов. По моему крайнему убеждению, приемы специальной исторической работы могут быть всего лучше усвоены на самой работе»[38]. Во всяком случае, исходя из такого понимания, предлагалась определенная схема систематизации источников в рамках курса, которую целесообразно рассмотреть подробнее.

Она нашла отражение в плане цикла лекций под названием «Юридические источники XV—XVIII вв.» 1890—1891 гг.[39], причем, что особенно информативно, получила выражение в определенной систематизации видов источников, носящей впрочем довольно формальный характер. Все источники выделены в основные группы: правовые акты, записки современников, историческая литература. В свою очередь, они делятся на более мелкие.

К первой группе актов права относятся: 1) акты публичного права: документы центрального и областного управления (записные книги прокуроров, а также источники воеводского управления и самоуправления); документы, относящиеся к судоустройству и судопроизводству (судебники и процессуальные акты); документы, относящиеся к финансам (писцовые книги, книги сошного письма, документы по обложению, раскладке и взиманию податей, документы финансовой отчетности); документы, относящиеся к государственной службе (десятни и списки служилых людей, разрядные книги, родословные); документы, относящиеся к дипломатическим сношениям (записные книги и статейные списки); 2) акты частного права: вытекающие из договоров и обязательств, личных и вещных; вытекающие из наследственного и семейного права; вытекающие из имущественного права; 3) кодификация (указные книги и Уложение).

Во вторую группу вошли записки иностранцев (Герберштейна, Флетчера, записки Смутного времени, Олеария и Крижанича), записки русских людей (Смутного времени и Котошихина).

К третьей группе отнесены сочинения Курбского, сказания Смутного времени, исторические сборники и «опыты прагматической истории».

По истории XVIII в. источники также разделены на три большие группы, но уже не по видовому, а по хронологическому принципу: источники петровской эпохи, середины XVIII в. и эпохи Екатерины II. В первую вошли мемуары о стрелецких бунтах и литература путешествий за границу; переписка Петра и История Свейской войны; законодательные акты; донесения иностранных послов. Кроме того, выделены мемуары иностранцев (Страленберга, Гордона, Плейера, Фокеродта), русские мемуары (кн. Куракин), современная историческая литература. Ко второй группе отнесены: кодификация и законодательство; донесения иностранных послов; мемуары иностранцев; русские мемуары; современная история и литература. В третью группу включены: законодательные акты, наказы 1767 г.; переписка Екатерины и ее Записки; донесения иностранных послов; мемуары иностранцев (Костера, Рюльер); русские мумуары; современная историческая литература.

Таким образом, важной научной заслугой государственной школы несомненно является создание общей социологической концепции русского исторического процесса, которая не утратила своего значения до настоящего времени и вполне переводится на язык современных научных понятий. В этой связи особое значение приобретает анализ новых данных источников, раскрывающих процесс выработки ключевых понятий — феодализм, географический фактор, борьба леса со степью, колонизация окраин, формирование сословий и государства, закрепощение сословий государством, наконец, объяснение изменений сословного строя с течением времени и реформ государственного управления.

---

[1] Дмитриев С. С. Личные архивные фонды. Виды и значение их исторических источников // Вопросы архивоведения. 1965. № 3; Шмидт С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Труды МГИАИ. М., 1965. Т. 22.

[2] ЦГАОР СССР. Ф. 1154 (Б. Н. Чичерин); Ф. 579 (П. Н. Милюков); Ф. 1137 (Г. В. Вернадский).

[3] Медушевский А. Н. Гегель и русский либерализм (государственная школа) // Общественно-политическая мысль в Европе в конце XVIII — начале XX в. М., 1987. С. 44—49.

[4] ЦГАОР СССР. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 51.

[5] Чичерин Б. Н. Собственность и государство. М., 1882; Он же. Курс государственной науки. М., 1896; Он же. Конституционный вопрос в России: рукопись 1878 г. СПб., 1906; Гегель и философия в России. 30-е годы XIX в.— 20-е годы XX в. М., 1974.
[6] ЦГАОР СССР. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.
[7] Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3375. Л. 1—11; Д. 3370—3371.
[8] Там же. Д. 3405. Л. 6—7.
[9] Там же. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 30. Л. 9, 18—19.
[10] Там же. Д. 18. Л. 1—3; Д. 29. Л. 3—31, 33—67.
[11] Там же. Д. 29. Л. 3.
[12] Милюков П. Н. Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич) // Русская мысль. 1886. Кн. 6.
[13] ЦГАОР СССР. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 36. Л. 1—4.
[14] Там же. Д. 36. Л. 26.
[15] Там же. Д. 46. Л. 5.
[16] Там же. Ф. 579. Д. 3386. Л. 1.
[17] Там же. Д. 3457.
[18] Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. М., 1923.
[19] ЦГАОР СССР. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 32. Л. 55—57.
[20] Там же. Д. 63. Л. 117 об.
[21] Там же. Ф. 579. Д. 3520, 3523.
[22] Там же. Д. 3383. Л. 1—2.
[23] Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 3. Л. 24.
[24] Там же. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 44. Л. 27.
[25] Там же. Л. 49; Д. 3362, 3534, 3525; Д. 3364. Л. 1—7.
[26] Вернадский Г. В. Очерк истории права русского государства XVIII—XIX вв. (Период империи). Прага. 1924.
[27] ЦГАОР СССР. Ф. 1137. Д. 61. Л. 2—17.
[28] Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899; ЦГАОР СССР. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 63. Л. 118; Д. 43. Л. 24.
[29] Там же. Д. 55. Л. 1.
[30] Там же. Д. 68. Л. 17—20.
[31] Там же. Д. 63. Л. 115.
[32] Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.
[33] ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3534. Л. 1.
[34] Там же. Д. 3358. Л. 1—8; Д. 3360. Л 1—18; Д. 3361. Л. 1—4; Д. 3363, 3366, 3382. Л. 1—12; Д. 3468. Л. 1—17; Д. 3519, 3522. Л. 1—2; Д. 3524. Л. 1—13; Д. 3534; 3549.
[35] Там же. Д. 3512. Л. 1—1 об.
[36] Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909; Он же. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913.
[37] ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3384, 3390, 3392, 3394, 3396, 3404, 3491, 3495. Л. 1—1 об.; Д. 3496. Л. 1; Д. 3497. Л. 1, Д. 3498, 3521, 3531.
[38] Там же. Д. 3405.
[39] Там же. Д. 3379, 3381, 3395. Л. 2; Д. 3456, 3466—3467, 3534, 3548, 3549, 3551.

Юбилей архива

13 ноября 1938 г. постановлением Сахалинского облисполкома был образован Госархив Сахалинской области.

Еще в дореволюционную пору сложилось уникальное собрание документов об истории освоения острова, сосредоточенных в губернском архиве. Однако события первой четверти XX века — русско-японская война и как ее следствие потеря Южного Сахалина, затянувшаяся гражданская война и иностранная военная интервенция, аннексия Северного Сахалина — губительно отразились на сохранности архивных документов.

С первых месяцев установления Советской власти была начата работа по спасению архивов. Сахалинский ревком на одном из заседаний рассмотрел вопрос о бывшем губернском архиве и вынес решение: до образования архивного бюро ведение архива передать отделу учительского персонала. В 1928 г. создается окружная архивная комиссия, которой выделяются средства для упорядочения архива сахалинской каторги. Тогда же всем учреждениям было предложено сдать архивные документы в секретариат окружного ревкома, а в районах — секретарям райисполкомов. В 1930-х годах часть ценнейшего дореволюционного архива была утрачена, а оставшиеся документы переданы в архив облисполкома. На базе этого архива и был создан в г. Александровске-Сахалинском Госархив Сахалинской области.

В годы Великой Отечественной войны особо ценные материалы были эвакуированы за пределы острова и сейчас они хранятся в ЦГА РСФСР Дальнего Востока. В 1947 г. центр области был перенесен в г. Южно-Сахалинск, куда перевозится и областной архив. В 1950-х годах для него выделяется дополнительное хранилище, что стимулирует поступление документов, в том числе научно-технической документации и материалов на пленочных носителях. В 1976 г. архив получает новое здание на 400 тыс. ед. хр., что обусловило приток документов с Курильских островов, из райгоргосархивов. В хранилищах архива поддерживается благоприятный микроклимат, налаживается работа лаборатории реставрации и микрофильмирования документов, читальный зал привлекает все большее количество исследователей, чему способствует пропаганда архивных документов.

В настоящее время в архиве хранится более 200 тыс. дел на бумажной основе, 6,5 тыс. ед. хр. фотодокументов, 3,5 тыс.— кинодокументов. Страховой фонд насчитывает почти 1,5 млн. кадров. Они отражают богатую событиями историю острова.

Г. И. Дударец,
заслуженный работник культуры РСФСР

Работа ЦГА г. Москвы по инициативному информированию

Центральные государственные архивы г. Москвы значительно расширили информирование заинтересованных учреждений о документах, которые могут быть использованы для решения актуальных народнохозяйственных задач. Это явилось следствием более широкой их пропаганды.

Об архивных документах рассказывается на встречах с представителями партийных и советских органов, с руководящими работниками отраслей народного хозяйства, производственных объединений и др.

Так, в Главном управлении сельского хозяйства исполкома Мособлсовета при участии Архивного управления Мосгорисполкома, ЦГА г. Москвы и Центрального государственного архива Московской области проведено рабочее совещание по вопросам использования документной информации для разработки системы ведения сельского хозяйства. Аналогичные встречи архивистов со специалистами состоялись в Министерстве заготовок РСФСР, госплемсовхозе «Петровское», на экскурсиях в ЦГА г. Москвы. В результате заинтересованные учреждения направили запросы об изготовлении копий документов.

Для Московской областной конторы пчеловодства скопированы материалы о создании пчеловодных обществ. Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева после получения перечня документов о вредителях сельскохозяйственных культур направила своего сотрудника для работы в архивах. Специалисты Московской ветеринарной академии им. К. И. Скрябина и Московской сельскохозяйственной академии ознакомились с обзорами фондов Московского общества сельского хозяйства, Московского сельскохозяйственного института и Московской земледельческой школы.

Опыт организации выявления и пропаганды документов по истории сельского хозяйства обсужден на заседании ЗНМС архивных учреждений Центрального района РСФСР.

Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» придал особую актуальность разработке тем по истории архитектуры и градостроительства. ЦГА г. Москвы подготовлены информации о памятниках архитектуры Москвы и Подмосковья, начиная с середины XVIII в. и до наших дней, а также по истории реконструкции Москвы, ее планировки и застройки, строительстве административных и общественных зданий и направлены в такие организации, как Научно-исследовательский и проектный институт Генерального плана реконструкции г. Москвы, Управление лесопаркового хозяйства Мосгорисполкома, Управление благоустройства г. Москвы и др. Перечень «Архитектурные памятники Москвы за 1849—1927 гг.» разослан в 12 организаций: Главное архитектурно-планировочное управление г. Москвы (ГлавАПУ), в соответствующие НИИ, в музеи. Поступили запросы от МГК КПСС — о выявлении документов по строительству Сухаревой башни, от нескольких райкомов КПСС — по истории улиц.

Госкомитет по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР заказал краткий тематический обзор материалов. Постоянными посетителями читального зала ЦГА г. Москвы являются представители ЦНИИ теории и истории архитектуры, ВООПИК, архитектурно-планировочных мастерских Моспроекта и др. Выявлен большой комплекс документов по истории городского хозяйства Москвы. Для установления деловых контактов на стадии планирования этой работы Архивным управлением Мосгорисполкома была направлена типовая инициативная информация в 36 главных управлений и управлений Мосгорисполкома и другие заинтересованные учреждения. В письме содержалась просьба сообщить, какие проблемы, решаемые отраслью, требуют использования ретроспективной информации, изучения архивных документов. К сожалению, ответов поступило немного. Среди них — запросы управлений лесопаркового и коммунального хозяйства Мосгорисполкома, а также высотных домов и гостиниц, включенные в план работы архивов на двенадцатую пятилетку.

Назовем тематику еще некоторых информаций: «Из истории деятельности организаций народного контроля г. Москвы. 1931—1934 гг.» (для городского комитета народного контроля), «Из истории развития здравоохранения в Москве в 1918—1977 гг.» (для Главного управления здравоохранения Мосгорисполкома), «О борьбе с пьянством и алкоголизмом» (для Московского городского отделения общества борьбы за трезвость); «Об истории подготовки рабочих кадров» (для Главного управления профтехобразования г. Москвы и Музея профессионально-технического образования РСФСР); «Цветоводство и оранжерейно-питомническое хозяйство дореволюционной Москвы», «Памятни-

ки садово-паркового искусства прошлого на территории Москвы» (для Управления лесопаркового хозяйства Мосгорисполкома).

Отделение земледелия и химизации сельского хозяйства ВАСХНИЛ сделало заявку на подготовку материалов об урожайности зерновых культур, структуре посевных площадей, о развитии животноводства в Московской области (дореволюционный период). Управление лесопаркового хозяйства запросило документы по созданию парков в подмосковных усадьбах Кусково, Кузьминки, Царицыно, а также в Сокольниках и др.

Отдельные информации использованы при подготовке к сессиям Моссовета, на выставках.

Интенсификация информационной работы по народнохозяйственной тематике усиливает приток в читальный зал архивов г. Москвы исследователей, выполняющих служебные задания. Учет тем, которые их интересуют, позволяет более целенаправленно планировать работу по инициативному информированию.

Больше значения архивные учреждения должны придавать расширению популяризации ретроспективной информации, что будет способствовать, в свою очередь, привлечению внимания к ней заинтересованных организаций и научной общественности. С этой целью предполагается подготовка подборки документов ЦГИА г. Москвы для отраслевых журналов по теме: «История животноводства и растениеводства на территории губерний Нечерноземья, ЦЧО, средней полосы России за дореволюционные годы».

Архивным управлением разработаны анкета (опросный лист) для учреждений, в которые направляется архивная информация, и отзыв на информацию о документах. Анкета содержит вопросы, которые помогают изучить потребности в архивной информации и более целенаправленно планировать работу (название учреждения, организации, предприятия; каким решением вышестоящего органа созданы; если была реорганизация — когда, на основании каких документов; юбилейные даты; важнейшие вопросы, над которыми будет работать учреждение, необходимость ретроспективной информации для их решения; имеются ли депутаты Верховного Совета СССР, РСФСР, Герои Социалистического Труда, работники, имеющие другие звания и т. д.; есть ли держатели личных архивов; как использована ретроспективная информация ЦГА г. Москвы; пожелания по улучшению информационной работы).

Опыт работы архивных учреждений г. Москвы показывает, что использование архивных документов в народнохозяйственных целях можно активизировать путем установления стабильных деловых связей с планирующими, хозяйственными, научно-исследовательскими учреждениями и организациями, изучения их интересов при помощи анкетирования, расширения личных контактов, проведения рабочих совещаний. При этом серьезное внимание необходимо обращать на совершенствование формы информационных документов. Сейчас все большее значение приобретают информационные письма, в которых не только констатируется наличие в архиве документов по определенному вопросу, но и дается необходимый анализ их с целью возможного использования.

Информационное письмо о документах по истории развития архивного дела в дореволюционной России подготовил ЦГИА г. Москвы. В нем перечислены основные комплексы документов, содержащих сведения по теме, к каждому из них составлены подробные аннотации, характеризующие материалы, и поисковые данные; выделены наиболее интересные. Среди них дела об учреждении в Москве губернского архива «старых дел», губернских архивных комиссий и исторических архивов, записка В. Г. Короленко (он был членом Нижегородской губернской архивной комиссии), в которой обращается внимание на соблюдение осторожности при разборе дел; их «отсев», по его мнению, можно признать возможным лишь после составления описей, «когда будет ясно, что подлинный материал за данный период исчерпан».

В протоколах особого совещания Московского археологического общества отражены вопросы о необходимости создания общего управления архивным делом в России, о подготовке кадров, о выработке единых для всех ведомств правил хранения и уничтожения дел. Отметим и такие документы, как «Проект инструкции о видах документов, оставляемых на хранение», данные об архивах ряда ведомств, материалы о семейных дворянских архивах, имеющие исторический интерес. Уделено внимание организации использования архивных документов. Здесь можно назвать «Правила пользования документами, хранящимися в архиве Московской городской управы для лиц, не из числа служащих по московскому городскому общественному управлению» (1909 г.), заявление гласного Московской городской думы А. Д. Алферова с предложением о создании фотографического архива и устройстве выставки фотографических снимков г. Москвы (1911 г.).

В фондах Московского университета, Канцелярии московского генерал-губернатора, Канцелярии попечителя московского учебного округа хранятся материалы о выдающихся русских архивистах Н. В. Калачове и Д. Я. Самоквасове; упоминаются П. М. Строев и Г. Н. Севастьянов. Отражена деятельность председателя Московского археологического общества П. С. Уваровой и секретаря общества М. В. Довнар-Запольского.

Учет использования документов организован следующим образом. В отделах использования фиксируются информационная работа, исполнение тематических запросов, популяризация документов через средства массовой информации, на встречах с общественностью и т. п.; в читальных залах — число исследователей и в первую очередь работающих по служебным заданиям, тематика исследований, отзывы и предложения по совершенствованию информационной работы, заказы на копирование документов; в отделах обеспечения сохранности — выдача дел во временное пользование и т. д. Учет ведется на карточках, предложенных «Основными правилами работы государственных архивов СССР». В конце года все учетные сведения сосредоточиваются в отделе использования с выделением народнохозяйственной тематики отдельной рубрикой.

Внедряются новые формы оперативной информации — экспресс-информация и сигнальная информация. Так, в соответствии с решением Мосгорисполкома о реализации второго этапа реконструкции пешеходной улицы Арбат оперативно направляются ответы на запросы о документной информации по истории отдельных объектов, например, дома № 53, где сейчас располагается Музей-квартира А. С. Пушкина. Партком производственного объединения «ЗИЛ» проинформирован о наличии в ЦГАОР г. Москвы документов о добровольном отказе рабочих от платы за выпуск бракованных изделий (1929 г.). В ГлавАПУ передана краткая информация об использовании архивных документов при реставрации таких зданий города, как гостиница «Метрополь», жилой дом XVIII—XIX вв. (ул. Семашко, 4), дом Хрящева (пл. Прямикова, 6), дом Бобринских (ул. Качалова, 12), архитектурных ансамблей — Крутицкого подворья и др.

Для совершенствования работы по инициативному информированию есть определенные резервы. Это — дальнейшая разработка информационно-поисковой системы (позволит в максимально короткие сроки обеспечивать выдачу необходимых сведений по народнохозяйственной тематике); систематическое изучение потребностей в ретроспективной информации; активизация использования ретроспективной информации; организация более широкого использования научно-технической документации для воплощения нереализованных научно-технических идей, проектов и рацпредложений; расширение публикации в периодической печати архивных материалов, в том числе, кинофотодокументов, большое количество которых в последнее время передано на госхранение; конференции исследователей, работающих в читальном зале госархивов; выставки документов в архивах, музеях, учреждениях; учет организации и эффективности использования ретроспективной информации, его анализ, который может оказать большую помощь в дальнейшем развитии работы.

Э. Л. КАШКИНА,
начальник отдела АУ Мосгорисполкома

Организация практики студентов в ЦГИА СССР

В Центральном государственном историческом архиве СССР проводится производственная практика студентов Московского государственного историко-архивного института и студентов других вузов, программой которых такая практика предусмотрена. Так, в последние годы на практике были студенты Днепропетровского, Калининградского, Кишиневского, Кемеровского и Ленинградского государственных университетов, Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Организуются практические занятия, носящие ознакомительный характер, для студентов Московского, Горьковского, Киевского, Ужгородского, Черновицкого госуниверситетов и других вузов, изучающих музейное дело. Такая практика сводится к одной-двум ознакомительным лекциям и экскурсии по архиву; никаких специфических сложностей и проблем она не вызывает и вряд ли может считаться в полной мере практикой. Главным критерием, определяющим архивную практику студентов, для которых архивное дело не является специализацией, следует, по нашему мнению, считать овладение практическими навыками работы с документами, научно-справочным аппаратом архива и участие (хотя бы самое скромное) в выполнении архивных работ. Эти признаки роднят их архивную практику с производственной практикой студентов МГИАИ. Отличают же ее продолжительность (у студентов МГИАИ она занимает значительно больше времени) и организация работы, обеспечивающая закрепление навыков выполнения всех основных видов архивных работ, а для студентов исторических факультетов — только обеспечивающих их будущую работу в архивах в качестве исследователей. Это, прежде всего, навыки создания и совершенствования НСА как универсального «ключа» к поиску архивных документов. Отсюда и сходство и отличие в организации различных типов практики. При этом необходимо иметь в виду, что теоретическая подготовка студентов в вузах весьма различна, не говоря уже о том, что архивоведение занимает совершенно разное место в учебных программах МГИАИ и, например, ЛГУ; не во всех университетах курс архивоведения вообще читается, а там, где он предусмотрен программой, объем курса и уровень преподавания также не одинаковы.

С учетом всех этих обстоятельств ЦГИА СССР и подходит к организации практики студентов, исходя из следующих принципов.

Выполнению практических работ предшествуют лекции: для студентов МГИАИ они посвящены истории архива, составу и содержанию его материалов, структуре и основным направлениям деятельности, особенностям, отличающим ЦГИА СССР от других центральных государственных архивов. Студенты прочих вузов знакомятся с основными понятиями архивоведения (ГАФ СССР, архивный фонд и т. д.). Даются основные понятия о принципах построения системы НСА в историческом архиве и о методике поиска документов по архивным справочникам. Такого рода занятия (лекционного типа) дополняются, как правило, работой с печатными справочниками, используемыми в повседневной

работе историков и архивистов (адрес-календари, списки населенных мест, памятные книжки губерний, списки фабрик и заводов и т. д.) с целью выработки у студентов навыков пользования справочниками по истории дореволюционной России, оптимального сочетания применения этих справочников с архивным поиском. Опыт показывает, что теоретическая подготовка студентов университетов в области архивоведения и отчасти источниковедения, как правило, совершенно недостаточна, плохо увязана с конкретными задачами и процедурами исследовательской работы. Главным же недостатком теоретической подготовки студентов МГИАИ можно считать определенную оторванность архивоведческой и источниковедческой информации от проблематики и живой практики исторической науки.

Все практические занятия, предусмотренные программой вузов, организуются в ЦГИА СССР не как учебные упражнения — студенты участвуют в выполнении плановых заданий. Перед началом практики их внимание акцентируется на целях работы и том вкладе, который они внесут в общий конечный ее результат. Только так, с нашей точки зрения, студенты могут приобрести и закрепить практические навыки, необходимые как профессионалу-архивисту, так и исследователю, работающему в архиве. В связи с этим нельзя обойти и экономический аспект участия студентов в выполнении плановых работ, таких, как подготовка справочника по истории высших и центральных учреждений России XIX — начала XX в., Хроники рабочего движения в России, усовершенствование описей, каталогизация, составление тематических перечней документов и т. д. Немалые трудозатраты архива на руководство практикой студентов (они составляют в среднем около 0,3 % бюджета рабочего времени) в большой мере компенсируются вкладом студентов в выполнение плановых заданий.

Необходимость практического освоения студентами всех основных направлений деятельности архива (особенно это относится к программе производственной практики студентов МГИАИ) приходит в известное противоречие с тем, что и в силу недостаточной их подготовленности и определенной цикличности, объемности, комплексности архивных работ практика неизбежно может охватить лишь определенную их часть. Так, например, если в идеале археографическая практика студентов МГИАИ должна была бы предусмотреть выявление, отбор, археографическую обработку, комментирование, то в действительности провести полное выявление по целому сборнику студенты не успевают, а произвести окончательный отбор, археографическую обработку, разметку комментариев они просто не могут. Придя на практику на определенном этапе работы над сборником, они делают то, что на данном этапе необходимо и что они могут сделать. Это — сверка копий, их шифровка, проверка документов на опубликованность и т. п. Такое же противоречие наблюдается и на других этапах практики, хотя, может быть, и не столь ярко, как при археографической. Выход из этого противоречия видится один: сочетать выполнение конкретных заданий с глубоким ознакомлением с работой архива в целом, разъяснением смысла и места каждой конкретной операции в общем процессе, показом не только результатов, но и хода выполнения других, более сложных работ квалифицированными сотрудниками. Именно так стремятся поставить дело в ЦГИА СССР.

Если программа архивной практики студентов университетов, как правило, или вовсе не разработана или разрабатывается совместно с архивом, то программа производственной практики студентов МГИАИ подготовлена в институте, причем в настоящее время она уже изрядно устарела. Это касается как формулировок наименований конкретных направлений работы, так и примерных сроков отдельных этапов практики. Негативной тенденцией приходится признать происходящее в последние годы сокращение ее сроков. Нам представляется, что производственная практика будущих архивистов должна быть рассчитана не менее чем на 4,5—5 месяцев. При этом не менее трех недель необходимо отвести на работу по созданию НСА, не менее трех недель — использованию документов, не менее двух недель — обеспечению сохранности и государственному учету документов ГАФ СССР, до 4 недель — на научно-исследовательскую, методическую и археографическую работу. Архивная же практика студентов университетов должна длиться от четырех до восьми недель и непременно предусматривать участие в создании и совершенствовании НСА, использовании, публикации документов, в научных исследованиях. При этом в ходе производственной практики студентов МГИАИ и архиву и институту целесообразно не только выявлять склонности и интересы будущих архивистов, но и совместно формулировать темы, которые вызваны к жизни актуальными потребностями и опытом архива и могут быть рекомендованы в качестве дипломных работ. От такой постановки дела выигрывает и учебный процесс и интересы архива.

Таким образом, работа по проведению производственной практики студентов МГИАИ и архивной практики студентов университетов и других вузов в ЦГИА СССР стала одним из важных направлений деятельности архива. Однако, по нашему мнению, постановка этой работы требует дальнейшего улучшения. Поэтому считаем целесообразным поделиться накопленным опытом, чтобы положить этим начало серьезному диалогу с другими архивными учреждениями и вузами по такому важному вопросу, как подготовка квалифицированных кадров для архивной отрасли.

Д. И. РАСКИН,
заведующий отделом архива,
кандидат исторических наук

Иркутский райгосархив: вопросы комплектования

Райгоргосархивы — самое массовое звено учреждений государственной архивной службы страны. И основная по объему доля Государственного архивного фонда — интеллектуальной и духовной житницы нашей многонациональной культуры — проходит именно через районные и городские государственные архивы. В то же время методические разработки, которые поступают в райгоргосархивы из организационных и научно-теоретических центров, зачастую несут на себе печать надуманности, искусственных построений, ничего общего не имеющих с действительными потребностями практической работы. Тем не менее они подлежат внедрению как руководящая и нормативная документация, что не облегчает, а затрудняет работу. Недостаточное внимание работе райгоргосархивов уделяет, по нашему мнению, журнал «Советские архивы». Чтобы ликвидировать такое положение давно пора повернуться лицом к жизни. Объектом научного анализа и организационных усилий должна стать реально существующая ситуация. Нужно смело и открыто обсуждать имеющиеся недостатки, искать конструктивные пути их преодоления.

Данная статья — попытка обратить внимание руководящих органов отрасли на те методы, которые применяются зачастую райгосархивами. Они обусловлены многолетней запущенностью в комплектовании, которая в основном порождает необходимость переработки документальных фондов, уже хранящихся в архивах. При этом приходится не совершенствовать их состав, а по существу переформировывать заново. Нельзя сказать, что проблемы, о которых пойдет речь, типичное явление, но и частными они тоже не являются. Эти проблемы стали хроническими и вместе с тем очень острыми. Они препятствуют нормальному функционированию архивов.

Преодолеть эти недостатки, накапливавшиеся и передававшиеся как эстафетная палочка одним заведующим другому в течение многих лет, за два — три года, как этого требует архивный отдел облисполкома, в нынешних условиях невозможно, разве что сделать это за счет качества работы, что в настоящее время — время перестройки, недопустимо.

Итак, что это за проблемы и трудности? Остановлюсь на некоторых из них.

Заведовать Иркутским райгосархивом я начал в 1984 г. К этому времени из 46 учреждений, организаций, предприятий и хозяйств, сдающих документы на госхранение, 16 не упорядочивали их с момента образования. Еще 10 делали это в последний раз лет 15—20 назад. В остальных документы постоянного хранения были поставлены на госучет по 1976—1980 гг.: в основном это райисполком и его отделы, сельские и поселковые Советы народных депутатов. Именно с этой группой учреждений и работали прежние заведующие райгосархивом.

Сразу же в учреждениях, комплектующих райгосархив, пришлось столкнуться не только с отсутствием индивидуальных номенклатур дел, но и самого понятия о них; сотрудники с удивлением узнали, что их «бумаги» положено сдавать в архив; не было точного представления о количественном и качественном составе документов, откладывающихся в делопроизводстве. Непосредственное упорядочение документов в таких учреждениях начинается с их обнаружения. Этот вид работы существует объективно и требует немалых затрат времени. Дело в том, что сами сотрудники зачастую не знают, да и не хотят знать, где находятся документы многолетней давности. Они, как правило, ссылаются на то, что раньше здесь не работали и куда исчезли документы — не знают. Приходится вести поиск в шкафах, сундуках, в том числе и заброшенных, стоящих в укромных углах, чуланах и прихожих.

Нередко по ходу этой работы сталкиваешься с сильным сопротивлением тех сотрудников, кому поручен розыск документов. Очевидно, что личное присутствие заведующего райгосархивом при этом необходимо, так как в противном случае вольно или невольно будет сделано все возможное, чтобы эти документы не пришлось обрабатывать. Обследуются и «личные архивы» сотрудников. Справедливо не доверяя порядкам в своем учреждении, люди откладывают нужные для работы материалы прошлых лет в рабочий стол. Для того, чтобы изъять их, приходится уговаривать, убеждать, а нередко идти на конфликт с ними, аппелируя к руководству. «Личные архивы» имеются даже в тех учреждениях, где выделены помещения под архивохранилища. Однако часто это — неотапливаемые чуланы или полусараи. Порядка в содержании документов в таких хранилищах нет. Формально такое архивохранилище может быть закреплено за кем-то, но поскольку эта нагрузка не оплачивается, то отношение к исполнению дополнительных обязанностей соответствующее.

По ходу работы выбираются прежде всего документы постоянного хранения. Это как бы предварительная экспертиза их ценности. Следует отметить, что очень важно выявить все документы именно до их обработки, так как в противном случае придется потом (что бывало уже не раз) переформировывать подшитые дела, перенумеровывать в них листы, перешифровывать, пересоставлять и перепечатывать описи. После сосредоточения отобранного материала в месте его обработки начинается формирование дел постоянного хранения. Это самый ответственный этап работы, определяющий качество будущего фонда учреждения. И вот тут-то встречаются, пожалуй, самые большие трудности. Нередко в одно дело формируются разнородные по содержанию и хронологии документы. И напротив, документы, которые должны составить одно дело, приходится выбирать из разных папок. Вот на этом этапе работы и осуществляется окончательная экспертиза отобранных к обработке документов. В силу указанных выше причин около половины дел, а нередко и большую их часть приходится просматривать полистно. По ходу документы группируются следующим образом: документы постоянного и временного хра-

нения, находящиеся в делопроизводстве, и документы, которые подлежат выделению к уничтожению, поскольку сроки их хранения истекли. Возможно, возникнет вопрос: какое отношение к экспертизе ценности имеют документы, находящиеся в делопроизводстве, и, тем более, документы текущего года, которые еще не сформированы в дела? Очень часто такие документы постоянного хранения находятся в одной папке с аналогичными документами за прошлые годы. Это имеет свой смысл. Специалистам удобно ввиду очень малого листового объема документов, откладывающихся за год, не заводить много папок, а иметь одну за несколько лет. Например, главный ветврач колхоза или совхоза может накапливать в одном деле годовые отчеты за 6—8 лет, каждый из которых состоит из 6—8 листов; некоторые годовые статотчеты составляются на 1—3 листах и т. д. Также поступают в профкоме, группе народного контроля, товарищеском суде (если они документируют свою деятельность). Поэтому приходится отделять документы, подлежащие обработке, от документов 2—3 последних лет. Все это требует личного участия заведующего райархивом, так как по ходу работы возникают конкретные вопросы, которые невозможно заранее предвидеть и, следовательно, подготовить к их решению членов экспертных комиссий на семинаре, предваряющем, как правило, упорядочение документов. Следует отметить и такой момент. Как правило, ввиду перегруженности главных специалистов основной текущей работой весной, летом и осенью, они в это время приведением документов в порядок не занимаются. Примерно то же происходит во время подготовки проведения выборов в Советы народных депутатов в исполкомах. Учитывая то, что заведующим райгоргосархивами часто приходится преодолевать психологические и организационные барьеры, неплохо было бы под эгидой архивных отделов организовать социально-психологические тренинги или практикумы с использованием сюжетно-ролевых игр, моделирования острых ситуаций. Надо учить работать с людьми, во всяком случае это способствовало бы (если проводить занятия не формально) росту эффективности работы архивов по комплектованию ГАФ СССР и помогало бы закреплению кадров. Может быть, стоило бы применять следующий прием: куратор-инспектор архивного отдела приезжает в командировку и показывает новому заведующему райгоргосархивом, как нужно правильно организовать обработку документов от начала и до конца, со всеми ее нюансами. Это, кстати, способствовало бы росту профессионального уровня самого куратора.

Редактирование заголовков — наиболее сложный вид работы, поскольку в типовых перечнях далеко не всегда можно найти близкий по содержанию заголовок, который следует принять за образец при оформлении того или иного дела. А документы самого дела, будучи порой собранными из россыпи, не дают ясного представления о первоначальном их предназначении. Например, встречается аналитический обзор работы данного учреждения, но не ясно, был ли это годовой текстовой отчет или же это информационное письмо, направленное в вышестоящую организацию, а может быть анализ составлялся для служебного пользования. Реквизиты, по которым можно было бы определить вид данного документа, очень часто отсутствуют. Если такие документы не брать на хранение, то обрабатывать в учреждениях будет почти нечего. Поскольку за ранние годы документы сохранились лишь частично, то естественно, что в годовых разделах описи качественный состав дел не одинаков, заголовки не унифицированы. Отсюда трудности с систематизацией дел. Вообще необходимо при отборе документов на госхранение руководствоваться не только сроками хранения, установленными типовыми перечнями (нередко устаревшими и несовершенными), но и учитывать такие моменты, как реальное содержание, информативность документов, степень их полноты за несколько лет (особенно за ранние годы), значимость самого учреждения, поглощаемость документов, возможное их наличие в вышестоящей организации или в инспектуре госстатистики, причем лучших экземпляров. Одним словом нужно в полной мере добиваться осуществления комплексного индивидуального подхода к материалам каждого учреждения.

После упорядочения дел составляются и печатаются опись, историческая справка. В этих видах работ также необходимо участие заведующего райгосархивом. Ведь опись — это конечный результат всей работы, по которому оценивается ее качество. Если предыдущая экспертиза ценности документов была проведена плохо, как правило, при проведении последующей экспертизы обнаруживаются документы постоянного хранения, которые должны были войти в предыдущую опись. Но прежде, чем составить опись-дополнение к ранее утвержденным описям, нужно выяснить, не являются ли обнаруженные документы копиями тех, которые внесены в опись. Хорошо, если экземпляр предыдущей описи находится в райгосархиве, то установить это не составляет труда. Вообще одна из главных причин неполноты комплекса документов, поступающих на госхранение, это плохо организованные обработка дел и розыск недостающих. Бывают и еще более неприятные ситуации, когда на ЭПК представляются и утверждаются описи на несуществующие дела. Причина этого кроется в личной недобросовестности работников, осуществляющих упорядочение дел и контрольные функции.

Если учреждение упорядочивает свои дела впервые, то гораздо больше усилий и времени требует составление исторической справки, чем описи. Главная трудность в нахождении документального подтверждения дат образования, реорганизации, переименований и ликвидации учреждения, его подчиненности. В каждом случае приходится проводить поисковую работу, опрашивать сотрудников учреждений, сопоставлять их сведения с данными документов.

Как видно из сказанного выше, организация подготовки дел к их передаче на государственное хранение представляется довольно сложной. Она, как правило, занимает 2—3 и более месяцев. За квартал удается упорядочить документы в одном учреждении, поскольку заведующий райгосархивом помимо этой работы осу-

ществляет усовершенствование описей дел фондов, находящихся на госхранении, исполняет различные запросы, передает документы в облгосархив, ведет учетную документацию, заботится об улучшении условий хранения документов, выполняет общественные поручения, представляет информационные и отчетные документы в архивный отдел, которые запрашиваются вышестоящими архивными органами. Разумеется, все это не укладывается в типовые нормы времени на основные виды работ. По нашему мнению, эти нормы на уровне райгоргосархивов совершенно излишни. Здесь необходимо исходить из реальной обстановки, учитывая творческие способности работника, отношение его к своим обязанностям. Никто лучше его самого не может проанализировать работу, критически ее оценить, искать и находить резервы и пути повышения ее эффективности. Конечно, нужно воспитывать людей, и ничем иным, как делом. Прежде всего надо умело подбирать кадры. В этом плане неплохо было бы архивным отделам разработать и на практике применять систему тестов, выявляющих у кандидатов на должность заведующих райгосархивами степень наличия необходимых качеств, знаний. И хотя это не панацея от неудач в кадровой политике, но в комплексе с другими хорошо продуманными действиями она даст свои результаты.

После упорядочения документов в учреждениях появляются объективные предпосылки для ритмичной работы в дальнейшем, становится возможным добиваться регулярной подготовки документов к передаче на госхранение, причем личное участие заведующего райгосархивом в последующих обработках дел сводится к минимальному контролю. Повышается практическая отдача от проведения методических занятий с ответственными за делопроизводство и ведомственные архивы и членами экспертных комиссий. Словом, совершенствование делопроизводства и архивного дела в ведомствах должно идти через упорядочение документов. Существующая же практика организации работы совершенно этого не учитывает. Так, паспортные данные требуется представлять в любом случае, в том числе и тогда, когда невозможно даже указать приблизительные сведения о наличии документов до их обработки. Примером такого же рода является и требование ежеквартально проводить комплексные и тематические проверки делопроизводства и состояния ведомственных архивов, которые зачастую превращаются в чистую формальность, если документы в учреждении не упорядочены. Эти промежуточные меры в большинстве случаев только осложняют дело. Нужно непосредственно браться за наведение порядка и в первую очередь за подготовку документов к передаче на госхранение. Но до сих пор все указания исходят сверху. И коль скоро приходится предпринимать какие-то действия для их выполнения, которые в конечном итоге не достигают своей цели, давать приблизительные данные — все это ведет к подрыву авторитета госархивов в учреждениях — источниках комплектования.

Приблизительные данные приводят к ошибкам в планировании работы. Необходимо напомнить, что планирование не должно идти от достигнутого. Оно должно основываться на реальной оценке ситуации в отрасли, исходить из потребностей и перспектив ее развития, определять стратегические направления работы и общие ориентиры на этом пути, а не регламентировать промежуточные показатели, как это делается сейчас. Есть еще некоторые моменты, искусственно осложняющие и затрудняющие работу. Это прежде всего установка на то, что архивисты обязаны добиваться улучшения делопроизводства в курируемых учреждениях. Практически это выражается в том, что из года в год в ведомствах должно создаваться больше индивидуальных номенклатур дел, положений об архивах, об ЭК, больше проводиться семинаров по делопроизводству. Поскольку руководство учреждений, их сотрудники, а также вышестоящие органы не относятся серьезно к этой работе, то приходится самим заведующим райгосархивами организовывать разработку этих документов, хотя, по нашему мнению, этим должны заниматься сами учреждения. Они же должны заботиться об упорядочении документов по личному составу. За немногим исключением эти документы не имеют научной и культурно-исторической ценности и поэтому не должны входить в состав ГАФ СССР. Пусть ими занимаются сами учреждения от начала до конца, они же должны нести ответственность за исполнение запросов социально-правового характера. Соответствующим органам следует строже спрашивать за качество этой важнейшей работы. Тогда и сохранность этих документов будет обеспечена. Таким образом, сейчас заинтересованность архивистов в упорядочении делопроизводства можно рассматривать как несвойственную им функцию, не имеющую прямого отношения к архивному делу. Конечно, образцово поставленное делопроизводство должно обеспечить хорошие предпосылки для комплектования ГАФ СССР полноценными документными комплексами. Но ведь это уже не наша, хотя и смежная сфера деятельности. Задача архивистов — отобрать и сохранить наиболее характерное, значительное из того, что возникает в деятельности учреждений на современном этапе. Мы не можем улучшать и сам процесс создания и делопроизводственного обращения документов. В основе процесса, в самом содержании документов, заложены социальные тенденции, определяющие состояние делопроизводства. Но поскольку сейчас бытует противоположный подход, то это приводит к пустой трате времени, сильнейшим организационным перекосам в работе, создает ощущение ее бессмысленности.

Следует отметить, что проводимая нами работа по упорядочению документов в ведомствах 1-й и 2-й групп (о чем говорилось выше), не позволяет планомерно проводить аналогичную работу в учреждениях 3-й группы (в основном это сельские и поселковые Советы, райисполком и большая часть его отделов). В тех сельсоветах, где сменились работники, ответственные за архивы, проводились семинары по вопросам делопроизводства и архивного дела. Но практическая отдача от таких семинаров может быть только в том случае, если за ними сразу следует упорядочение документов. Без немедленного подкрепления практическими

действиями, организованными и проведенными под контролем райгосархива, самостоятельного эффекта семинары иметь не будут.

Возвращаясь к анализу итогов работы с учреждениями, сдающими документы в райгосархив, следует отметить, что концентрация сил на ликвидации многолетней задолжности в обработке документов учреждений списка № 1 привела к постепенному возникновению перекоса в другой его части. Теперь те учреждения, где отставание в основном преодолено, вышли вперед по сравнению с учреждениями 3-й группы. Теперь нужно вести работу с этими учреждениями. За это время могут отстать нынешние лидеры. И все-таки перспективы работы обнадеживают. За три года удалось добиться перемен к лучшему: упорядочены документы комитета народного контроля, нарсуда, прокуратуры, санитарно-эпидемиологической станции, колхоза «Знамя Ленина», совхоза «Кайский», главного архитектора. Ликвидировано 20—30-летнее отставание в обработке документов в районо, инспектуре госстатистики, отделах культуры и социального обеспечения. В деле упорядочения документов в районе большое содействие оказывает группа облгосархива, содержащаяся за счет специальных средств.

Таковы промежуточные итоги и ближайшие перспективы в ликвидации многолетнего отставания в комплектовании райгосархива. Следует отметить, что и по другим направлениям работы — усовершенствованию описей, использованию документов, передаче их в облгосархив, ведению учета — приходится также иметь дело со значительными трудностями. На их преодоление уйдет еще немало времени.

Как было сказано, темпы продвижения вперед сдерживаются не только объективными и субъективными трудностями, вытекающими из содержания самой работы, но и тем административным подходом к реальным проблемам, который продолжает оставаться в основе взаимоотношений между учреждениями государственной архивной службы страны. До недавнего времени было принято по возможности вообще не замечать наиболее сложные проблемы, не изжит этот порок и сейчас. Положение усугубляется и ориентированием архивистов районного звена на решение непрофильных отрасли задач.

А. И. ПОПОВ,
заведующий райгосархивом

Организация соцсоревнования ведомственных архивных служб г. Тольятти

В списке № 1 учреждений — источников комплектования филиала Госархива Куйбышевской области в г. Тольятти 69 организаций и предприятий, в том числе 9 производственных объединений союзного значения. Для них на 1987 г. были разработаны условия социалистического соревнования с твердой шкалой оценок в баллах (см. образец). При этом источники комплектования распределили по трем группам: 1-я — имеющие штатных работников архивов и многотиражные газеты; 2-я — имеющие штатных работников архивов, 3-я — не вошедшие в 1-ю и 2-ю группы. Это обусловлено тем, что в условиях соцсоревнования предусматривалась оценка в баллах не только одинаковых видов работ (упорядочение документов, передача на госхранение и т. д.), но и публикация статей или информаций на историческую или архивную темы в многотиражной или городской газете.

Что дала новая система?

Во-первых, удалось реализовать главные принципы соцсоревнования — гласность и сравнимость результатов. В филиале заполнялся «экран» хода соцсоревнования, куда в течение года вносились сведения о начислении или вычете баллов из первоначального базового уровня — 50 баллов. А к совещанию представителей ведомств по итогам года были подведены итоги соцсоревнования.

Во-вторых, повышение объективности итоговой оценки выявило неожиданный для многих, в том числе и для работников филиала факт, что некоторые организации, традиционно числящиеся в передовиках, не смогли набрать «победную» сумму баллов и уступили первые места.

И, наконец, третий, «внутренний» результат использования новой системы — это выявление ее собственных недостатков. Так, в условиях соцсоревнования на 1987 г. предусматривалось исключение из участия в нем учреждений, организаций и предприятий, допустивших утрату документов, подлежащих передаче на госхранение. Практика подведения итогов соцсоревнования показала, что здесь должен быть применен дифференцированный подход, учитывающий причины и время утраты документов. Можно привести такой пример. Заведующая архивом Волжской ГЭС имени В. И. Ленина, зачисленная на эту должность недавно, провела большую работу по сбору и передаче в филиал ранее упорядоченных документов. Как следствие многолетней задолженности была выявлена утрата нескольких дел. В результате архив ГЭС не смог участвовать в соревновании, а его заведующая тем самым была незаслуженно наказана. В то же время ПО «Жигулевский комбинат стройматериалов», где в течение года не велось никакой работы, остался в числе участников соревнования.

Каков же конечный результат первого года работы по новой системе? Прежде всего, повысилась исполнительская дисциплина, работники

Направление деятельности архива	Оценка в баллах по группам		
	1-я	2-я	3-я
Упорядочение документов:			
Своевременное представление учетных документов	+5	+5	+5
Представление учетных документов с опозданием:			
за каждый месяц	—1	—1	—1
Задолженность по упорядочению на конец года	исключение из соревнования		
Передача документов на госхранение:			
Своевременная передача	+5	+5	+5
Передача с опозданием (за каждый месяц)	—1	—1	—1
Задолженность по передаче на конец года	исключение из соревнования		
Обеспечение сохранности документов в ведомственном архиве:			
Наличие специального помещения под архив:			
в зависимости от степени заруженности	от +1 до +3	от +1 до +3	от +1 до +3
Техническое оснащение архива (стеллажи, огнетушители, сигнализация и др.)	от +1 до +2	от +1 до +2	от +1 до +2
Утрата документов, передаваемых на госхранение в текущем году	от —1 до — 10	от —1 до —10	от — 1 до —10
Наличие организационно-распорядительных документов по архиву:			
Приказ (решение, распоряжение) о назначении экспертной комиссии	+1	+1	+1
Положение об экспертной комиссии	+1	+1	+1
Положение об архиве	+1	+1	+1
Наличие номенклатуры дел:			
Типовой (примерной)	—	—	+2
Индивидуальной (не согласованной)	—	—	+3
Индивидуальной (согласованной)	—	—	+4
Участие в разработке номенклатуры	+3	+3	—
Номенклатура не внедрена	—4	—4	—4
Номенклатура отсутствует	—5	—5	—5
Публикация статей, подборок документов в многотиражной или городской газете:			
каждая публикация	+5	—	—
отсутствие публикаций в течение года	—5	—	—

архивных служб ведомств стали более ответственно относиться к соблюдению установленных сроков упорядочения и передачи документов на госхранение. Степень подготовленности документов к передаче в филиал составила по итогам 1987 г. 94,2 %. Удалось уйти от традиции работать с определенным кругом «надежных» ведомств, позволяя остальным увеличивать многолетнюю задолженность. В итоге число задолжников сократилось до нескольких единиц. У филиала фактически не стало проблем с выполнением годового и квартального планов комплектования. Причем 1987 г. оказался сложнее предыдущих по показателю утверждения описей ЭПК, так как из-за переезда архива ПО «Волжский автомобильный завод» в новое помещение упорядочение его документов не проводилось, а ведь ВАЗ ежегодно представляет описи на 350—400 дел постоянного хранения. Тем не менее план по утверждению описей филиалом был перевыполнен благодаря включению в работу ряда ранее бездействующих ведомственных

архивов. И определенную роль в этом сыграла новая система соцсоревнования.

Можно привести и другой пример. Архив одного из крупных производственных объединений представил на ЭПК очередной годовой раздел описи с опозданием на месяц (по условиям соревнования своевременным считается представление описей в течение месяца, определенного графиком), и с него был снят один балл. Не желая терять лидирующее положение, заведующая опубликовала в многотиражной газете статью о местах хранения документов по личному составу, тем самым сумма баллов увеличилась на 5. Налицо стимулирующая роль новой системы. Резерв же ее действенности видится в обязательном информировании руководства ведомств, архивы которых оказались по итогам соцсоревнования как в числе лидеров, так и отстающих.

С учетом достоинств и недостатков системы условия соцсоревнования на 1988 г. несколько изменены. Так, исключение из соревнования предусмотрено не за недостатки, имевшие место несколько лет назад, а за безынициативность в текущем году. Добавлен пункт, позволяющий поощрить тот или иной ведомственный архив за существенные достижения по сравнению с состоянием дел на начало года.

Бланк условий соцсоревнования вместе с выпиской из графиков упорядочения документов и передачи их в филиал направлен во все учреждения.

Система, применяемая филиалом, по нашему мнению, позволяет более объективно оценить работу ведомственных архивов. Естественно, это не исключает возможности и необходимости ее совершенствования.

В. И. ИВАЩЕНКО,
директор филиала

В г. Кокчетаве с 1973 г. работает объединенный архив облсовпрофа. В нем хранятся документы 23 учреждений — источников комплектования, подлежащие впоследствии передаче в облгосархив. Ежегодно совместно с облгосархивом составляется план работы объединенного архива, утверждаемый руководством облсовпрофа.

Для работы с документами в подведомственной сети облсовпроф вместе с облгосархивом разработали на основе типовой конкретную инструкцию по ведению делопроизводства в системе профсоюзов. В объединенном архиве создан методический уголок, где сосредоточены справочная литература и пособия для работников делопроизводственных служб.

Постановлением президиума облсовпрофа в 1985 г. образована комиссия по контролю за делопроизводством (в ее состав входит представитель облгосархива). Члены комиссии принимают участие в проверках состояния делопроизводства и проведении общественных смотров.

Заведующий архивом совместно с управляющим делами облсовпрофа в начале каждого года проверяют состояние делопроизводства и архивного дела в отраслевых профсоюзах с повторным выходом в те же учреждения в конце года. Итоги проверок обобщаются и анализируются, руководителям учреждений направляются соответствующие справки.

Используется и такая форма работы, как совещания и семинары, где рассматриваются вопросы улучшения постановки работы с документами, обеспечения их сохранности и создания к ним научно-справочного аппарата.

Проводятся общественные смотры сохранности документов и состояния делопроизводства, организуются консультации по оформлению служебной документации.

Передача документов в облгосархив осуществляется в соответствии с графиком, утвержденным облсовпрофом. Во всех организациях для отбора документов созданы экспертные комиссии. С 1987 г. ведется работа по составлению тематических карточек на постановления облсовпрофа, которые вместе с документами поступят на хранение в облгосархив.

Согласно «Перечню документов со сроками хранения, образованных в деятельности профсоюзных органов и подведомственных им организаций» (М., 1982) были пересмотрены номенклатуры дел облсовпрофа и подведомственной сети, разработаны и согласованы номенклатуры дел всех учреждений. В 1987 г. объединенный архив совместно с управлением делами облсовпрофа начал работу по сбору и приему документов личного происхождения.

При планировании работы объединенного архива облсовпрофа поддерживается постоянная связь с Госархивом Кокчетавской области. Заведующая объединенным архивом является членом коллегии и членом ЭПК архивного отдела облисполкома.

Л. Н. Кутмелева,
директор облгосархива

В Алма-Ате на совместном заседании ученого совета Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова АН Казахской ССР и научного совета Главархива республики обсужден вопрос о роли документальных источников в изучении актуальных проблем истории Казахстана в условиях перестройки.

Принятое решение предусматривает координацию перспективных планов научно-исследовательской и научно-издательской работы, совместную подготовку документальных публикаций, научных перечней и описей, каталогизацию документов по научной тематике института, разработку перспективной программы издания исторических источников. В решении отмечена также необходимость принятия мер по пополнению госархивов документами по истории народов Казахстана, созданию Центрального государственного исторического архива КазССР и архива-музея личных фондов. Уделено внимание проблеме участия историков в работе по снятию ограничений доступа к архивным документам.

Р. О. Накупова

Поиски и находки в архивах

К 170-летию выхода в свет «Истории государства Российского»

О работе Н. М. Карамзина с документами Московского архива Коллегии иностранных дел

В Архиве внешней политики России (АВПР) Историко-дипломатического управления МИД СССР в фонде «Административные дела» хранится дело «О допущении разных лиц к чтению и составлению выписок из дел Московского архива. 1801—1819 гг.». В нем — отдельная папка — «Карамзин Николай, статский советник. 1803—1819 гг.», где в подлинниках и копиях отложилась переписка Н. Н. Бантыш-Каменского и А. Ф. Малиновского — директоров Московского архива Коллегии иностранных дел (МАКИД), попечителя Московского университета М. Н. Муравьева с канцлером А. Р. Воронцовым и управляющим Министерства иностранных дел России К. В. Нессельроде о работе историографа в МАКИД, реестры «рукописям и печатным книгам», «подлинным делам», которые были отправлены из «Московской государственной коллегии иностранных дел архива» Н. М. Карамзину; здесь же автограф Н. М. Карамзина — письмо К. В. Нессельроде от 1 марта 1819 г.[1].

Как известно, историографу в начале работы над «Историей...» не разрешалось брать рукописи и архивные материалы на дом. Затем 24 марта 1816 г. директору МАКИД А. Ф. Малиновскому сообщалось о разрешении Александра I «перевесть в Санкт-Петербург все исторические документы коими он (Карамзин.—**С. Т.**) заимствовался из Московской государственной коллегии иностранных дел архива». 24 мая 1816 г. А. Ф. Малиновский объявил об этом историографу и одновременно известил К. В. Нессельроде об отправлении документов Н. М. Карамзину в Петербург, приложив реестры «отпущенным из Архива... подлинным делам, рукописям и печатным книгам; это все, по извлечении из того материала для описываемой им теперь эпохи, он должен возвратить Архиву в целости»[2].

Реестры документов 1816 г. свидетельствуют об огромной источниковедческой работе, проделанной Н. М. Карамзиным. В них на 13 листах упомянуты рукописи: «Новгородский летописец по 1717 г.», «Летописец Великия России», «Разряды с 1493 по 1611 г.» и другие источники; печатные книги XVI—XVIII вв. на латинском, французском, немецком и английском языках; «подлинные дела» — «книги английских, греческих, датских, польских, крымских и других посольств».

Письмо Карамзина от 1 марта 1819 г.— ответ на послание к нему К. В. Нессельроде от 28 февраля того же года, в котором последний писал: «Полагая, что из рукописных книг, заимствованных вами в 1816 г. из Московской государственной коллегии иностранных дел архива, сделаны уже вами нужные для российской истории извлечения, обращаюсь к вам, государь мой, с покорнейшею просьбой возвратить книги помянутому архиву, ежели не имеете в них более надобности...»[3].

Н. М. Карамзин отвечал: «...рукописи и книги, взятые мною из Московского архива Коллегии иностранных дел, будут целы и немедленно возвращены, как скоро не буду иметь в них нужды: думаю в течение сего же или начале 1820 г.[4].

С. Л. ТУРИЛОВА

---

[1] АВПР. Ф. Административные дела. III—20. 1801 г. Д. 1. Л. 9—30 об.
[2] Там же. Л. 21, 23.
[3] Там же. Л. 29.
[4] Там же. Л. 30.

«Покушение» на Красную площадь

Красная площадь. Ее строгая торжественная архитектура знакома до мельчайших подробностей. Кажется, что знаешь о ней все, но иногда в государственных архивах обнаруживаются документы, открывающие новые страницы в ее биографии.

Храм Василия Блаженного, Лобное место, здания ГУМа и Исторического музея, Мавзолей В. И. Ленина и священные могилы у Кремлевской стены — так привычно вспоминаются ее ориентиры. И трудно представить, что тишину площади могли когда-то, и не один раз, нарушить взрывы, превратить находящиеся там бесценные памятники зодчества в бесформенные груды кирпича.

В советское время предложения изменить облик Красной площади впервые появились уже в начале 1920-х годов. Идеи были самые разные. Но по своему размаху особенно выделялись «новаторские» взгляды К. Зелинского, который, как говорится, не оставлял камня на камне от площади: «До каких же пор мы должны беречь кирпичные кости Ивана Грозного? Двести, триста или пятьсот лет простоят эти стены?» — спрашивал он. Далее, в своем стремлении «преображать», чтобы добиться простора и выхода площади на Москву-реку, он предлагал разобрать и перенести храм Василия Блаженного и здание Исторического музея[1].

В июне 1931 г. решением Пленума ЦК ВКП(б) была подготовлена программа преобразования Москвы. В 1934 г. архитекторы А. А. и В. А. Веснины, П. П. Голосов, И. А. Фомин и другие участвуют в объявленном правительством конкурсе на проект высотного здания Наркомата тяжелой промышленности, которое предполагалось возвести во всю длину Красной площади — после сноса ГУМа. Решая задачу перепланировки, зодчие без сожаления мысленно освобождали ее от старинных построек. Пожалуй, исключение составляла только Кремлевская стена, но, думается, была бы команда, то не устояла бы и она.

Но этого было мало. Площадь хотели лишить не только лица, но и имени. В том же 1934 г. инженером А. И. Шумилиным составляется проект оформления центральной части Москвы, по которому площадь переименовывалась в Проспект Мавзолея: «С уничтожением Иверских ворот, а также со сломкой зданий между Москворецкой набережной и Кремлевской стеной Красная площадь перестает быть площадью и превращается в сплошной проспект. Поскольку на площади находится Мавзолей, этот проспект может быть назван «Проспект Мавзолея Ленина», или просто «Проспект Мавзолея»[2].

Следующим крупным событием в судьбе площади могло бы стать принятое СНК СССР и ЦК ВКП(б) в июле 1935 г. постановление о Генеральном плане реконструкции Москвы, официально предполагавшее расширение площади вдвое. Тогда же брусчатое покрытие хотели заменить большими квадратами красного гранита, видимо, чтобы она еще более соответствовала своему названию.

Прошло десять лет. Окончилась Великая Отечественная война. Страна начинала жить мирной, созидательной жизнью. Казалось, площадь навсегда миновали «великие реформы». Но 18 июня 1947 г. в кабинете председателя Комитета по делам архитектуры Г. А. Симонова собрались ведущие советские архитекторы и скульпторы: Б. М. Иофан, С. Д. Меркуров, А. Г. Мордвинов, В. И. Мухина, Б. Р. Рубаненко, Д. Н. Чечулин, А. В. Щусев и др.

Слушался вопрос о сооружении памятника Победы на Красной площади. В Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР сохранилась стенограмма этого совещания. Бросается в глаза, что в ходе обмена мнениями никто из выступавших не вспомнил о том, что архитектура Красной площади, складывавшаяся веками, заповедна. Выполнялась только волевая установка сверху: построить памятник, а за счет чего — неважно.

Ниже приводятся выдержки из этой стенограммы[3].

Публикацию подготовил **А. Л. Ястребов.**

---

[1] О памятнике Ленину. Л., 1924. С. 107—108,
[2] ЦГАОР СССР. Ф. 5451. Оп. 18. Д. 557. Л. 27.
[3] Опущены части стенограммы, содержащие профессиональные моменты обсуждения проектов преобразования Красной площади.

Стенограмма совещания о сооружении памятника Победы на Красной площади.

18 июня 1947 г.
г. Москва

т. Симонов. По поручению Правительства нам предложено обсудить вопрос о постановке памятника Победы на Красной площади.

Характер памятника — скульптура, других уточнений не было.

т. Щусев. Обсудив этот вопрос, мы пришли к такому заключению. ГУМ мешает Красной площади. Это такое неприятное пятно, которое мешало площади и до революции. Избавиться от ГУМа предлагали сотни раз за эти 30 лет, но все эти способы очень дорогие, очень сложные, ГУМ нужно передвигать, а передвигать его некуда, у него большие подвалы, надо за ним ломать целый ряд зданий, все это упиралось в сотни миллионов. Если сделать трибуны, то это будет замечательно, они закроют ГУМ. В середине будет стоять памятник, вы получите для публики возможность обозревать парад и избавитесь от ГУМа, который мешает. Вы можете здесь сделать великолепную стену и загнуть ее на

бока, а ГУМ за этой стеной пусть работает, ГУМ закроется шубой, ажурной шубой, а впереди будет стоять памятник, вы ничего не ломаете, ничего не трогаете, избавляетесь от ГУМа и украшаете Красную площадь. Это великолепно можно сделать, очень современно и интересно, с трибунами по типу римского форума. Предложение о постановке [памятника] перед Историческим музеем — это можно сделать, если переделывать фасад Исторического музея. Тут можно хорошо переделать, оштукатурить белым камнем, он не закончен, этот фасад, его хотели облицевать изразцами. Вот два таких решения возможны.

т. Иофан. Исторический музей,— его можно передвинуть, не трогая музея Ленина[1].

т. Мордвинов. Если пойти на ликвидацию первой части ГУМа — это может получиться интересно, если пойти на ликвидацию Исторического музея и поставить здесь монумент, то это будет интересная вещь, но я думаю, что, может быть, нужно было бы поставить памятник в центре площади, поскольку тут идея такая, что здесь скульптурная группа из одной-двух фигур — это сравнительно небольшое сооружение. Около исторического музея ставить памятник нельзя, движущиеся колонны будут его закрывать. На Лобном месте его ставить также нельзя. Здесь очень насыщено старыми сооружениями — тут памятник Минину и Пожарскому и остается только одно место — в центре. Предложения т. Иофана о снесении Исторического музея, то здесь нужно ставить уже не скульптурную группу, здесь нужен сильный архитектурно-скульптурный элемент, который дал бы границу между Манежем и Красной площадью. Предложение Щусева тоже интересно.

т. Меркуров. Я думаю, что таким образом можно без программы минимум и максимум прямо сейчас приступить к работе. Каким образом это сделать? У нас есть Мавзолей, сзади Мавзолея стоит башня Кремля — Сенатская. Мы можем исходить из двух центральных осей и на основе этого создать целый комплекс. Башню эту использовать для постамента, сделать радикальное переустройство и поставить фигуру В. И. Ленина[2].

т. Симонов. Такая композиция может убить Спасские ворота.

т. Меркуров. Ну и пусть убьет.

т. Мухина. Мне кажется, что последнее предложение неприемлемо. Площадь и так кособока, а эту стену перегружать еще, мне кажется, не следует, и гигантская скульптура Сталина, мне кажется, здесь будет не хороша.

т. Щусев. Лучше тогда Мавзолей развить.

т. Рубаненко. Мавзолей менять не будут, этот вариант надо оставить.

т. Иофан. В правительственной комиссии сказали, что должна быть такая аллегорическая скульптура, очевидно, типа Парижской скульптуры.

т. Мордвинов. Или одна, или две фигуры, символизирующие Победу. Наподобие того, как было сделано у Мухиной.

т. Меркуров. Мы можем сделать контрпредложение, а Победу без фигуры т. Сталина я не могу себе представить. Вы помните, когда в ноябре появилась его фигура — одинокая, сильная, большая.

т. Чечулин. Здесь было выдвинуто предложение т. Меркуровым — трибуны идут как Пергамский алтарь, за Мавзолеем — скульптура Сталина, олицетворяющая Победу, и ряд трибун по концам — группа военных и с другой стороны — гражданский труд во время войны. Это может быть можно и здорово сделать, но от Кремля тогда ничего не останется. Я могу показать, есть проект, уже сделанный, он хорошо решен. Относительно ГУМа — вопрос рано или поздно надо ставить, это временное явление.

т. Щусев. Здание музея можно разрушить, а ГУМ можно частично реконструировать.

т. Чечулин. Если бы здесь вопрос по-настоящему ставили, то мы бы открыли городу прекрасную площадь. Может быть, принять предложение А. Г. Мордвинова. Памятник поставить, а потом передвинуть.

т. Симонов. Таким образом, у нас есть четыре предложения. Я предлагаю поехать, посмотреть в натуре, а потом решить окончательно.

ЦГАНХ СССР. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 222а. Л. 17—21.

---

[1] 20 июня 1947 г. к. т. н. Э. М. Генделем было подготовлено заключение по этому вопросу. Стоимость передвижки здания по его расчетам обошлась бы в 9 млн. руб., а на выполнение работ потребовалось бы 12 месяцев.

[2] Очевидно, в тексте допущена опечатка, так как далее речь идет только о скульптуре И. В. Сталина.

* * *

Памятник так и не появился на свет, как не были реализованы и все предыдущие проекты. Отказ от его строительства и перепланировки Красной площади вызывался необходимостью направления всех средств и ресурсов прежде всего на восстановление пострадавших в военное время промышленных объектов, городов и населенных пунктов страны. Несомненно, свою роль сыграл и тот факт, что Красная площадь на все времена остается архитектурным ансамблем с мировым именем, символом нашей страны.

Спросим себя, стоит ли ворошить дела давно минувших дней? Наверное, стоит. История у нас одна: для умерших, живущих и для тех, кто еще не родился. Пусть уроки прошлого учат нас быть мудрее.

Архивная служба Югославии

Миряна Даич, директор Архива Сербии (СФРЮ)

Архивная служба Югославии начала организовываться в 1944—1954 гг. после освобождения страны. Основы хранения архивных материалов были заложены решением Национального комитета освобождения об охране культурных памятников и предметов старины от 20 января 1950 г.

Важным этапом в этом отношении следует считать принятие Закона об архивах от 23 января 1950 г. и соответствующих республиканских законов, утвержденных в этот период. Именно эти акты установили архивную сеть, которая существует и сегодня.

До первой мировой войны на территории нынешней СФРЮ было немного архивных учреждений: Земельный архив королевства Хорватии, Словении и Далмации в Загребе (1870 г.), Архив древних актов Царско-королевского наместничества в Задаре (1883 г.) и Государственный архив в Белграде (1889 г.). После 1918 г. хотя и было создано централизованное государство, единая архивная служба на его территории не развивалась. Было основано три государственных архива: в Скопле, Новом Саде и Мариборе.

Теперь на территории Югославии 86 государственных архивов. Кроме Архива Югославии, архивных отделений Министерства иностранных дел, Министерства внутренних дел, Военно-исторического архива, архивного отделения Президиума ЦК СКЮ и Мемориального центра «Маршал Тито», в которых хранятся документы союзного значения, организованы архивы с целью хранения документов республик и автономных областей. Республиканские архивы и архивы автономных областей ответственны за развитие и улучшение архивной деятельности на своих территориях. В республиках и автономных областях созданы городские, районные и межрайонные архивы.

Развитие архивов и архивной службы в Югославии проходило в чрезвычайно сложных и трудных условиях, когда после второй мировой войны страна находилась в руинах, терпела нищету и голод. В новом государстве развивалось сознание ценности и значения архивных материалов, необходимости создания архивной службы на всей его территории.

Архивное дело в Югославии отставало в сравнении с другими странами. Надо было как можно скорее решать крупные теоретические и практические проблемы архивной службы. При этом использовался опыт других стран, в частности СССР.

Однако в последнее десятилетие в архивном деле произошли заметные перемены. Были проведены крупные мероприятия: разработаны единые критерии защиты архивного материала в процессе его создания, согласованы с особенностями законодательных актов республик и автономных областей и на уровне федерации, достигнута договоренность о создании единой архивной информационной системы и т. д.

Поскольку в СФРЮ нет дирекции или управления, которые объединяли бы работу архивов на всей территории страны, их функцию выполнял союз

архивных работников Югославии, основанный в 1953 г. Союз является общественной организацией, это важная форма объединения архивных работников страны. Он заботится об улучшении архивного дела в целом, предлагает меры по развитию архивистики, координирует работу архивной службы, издает журнал «Архивист» и другие публикации: «Словарь архивной терминологии», «Справочник по архивистике», многотомное издание «Архивные фонды и коллекции в архивах Югославии» (в 9 томах) и др. Союз организует совещания, на которых рассматриваются важные проблемы (составление научно-информационных средств, обсуждение вопросов публикации источников, создание единой информационной системы и др.). Свою деятельность союз осуществляет опираясь на многочисленные постоянные и временные комиссии, советы и редакции. Так, совет по научно-исследовательской работе организует и координирует работу в области архивистики и улучшения деятельности архивов СФРЮ, вырабатывает предложения по отдельным специальным проблемам, готовит проекты документов и решения совещаний и съездов союза и т. д.

Сразу же после своего основания союз стал членом Международного совета архивов (МСА). Ему часто доверяется организация совещаний МСА (круглые столы, заседания исполнительных органов МСА и др.). Его представители состоят членами отдельных исполнительных органов, руководят работой секций.

В целях более эффективного решения многочисленных проблем архивной службы союз проявил инициативу по формированию рабочих органов в Архиве Югославии, республиканских архивах и архивах автономных областей с тем, чтобы передать им ряд функций, которые ранее выполнял союз. В 1985 г. был основан совет по координации деятельности архивов Югославии, в состав которого входят директора республиканских архивов и архивов автономных областей, Архива Югославии и представитель союза архивных работников. После создания совета ему, вернее его комиссиям или архивам, поручены разработка и решение многих специфических проблем, особенно в области модернизации архивной службы и координации международного сотрудничества на двусторонней основе.

Большое значение для архивов Югославии имеет взаимосвязь с архивами многих стран мира.

Во время войны архивные материалы разделяли судьбу своей страны. Так, в годы второй мировой войны оккупанты сжигали, вывозили архивные фонды. Сразу после войны, наряду с организацией архивов, ставилась задача их воссоздания, была выработана программа исследования и микрофильмирования важных источников из прошлого народов и национальностей Югославии в иностранных архивах. В настоящее время эта задача осуществляется в рамках программы культурного, научного и технического сотрудничества, которую правительство СФРЮ подписывает на три года с правительствами многих стран. На основе программы сотрудничества СФРЮ и СССР, свыше 15 лет развиваются деловые контакты между архивами СФРЮ и СССР. Конкретные формы координации сотрудничества и осуществления программы доверены с югославской стороны Архиву Сербии, с советской — Главархиву СССР.

Сотрудничество осуществляется в соответствии с протоколом совместной рабочей группы экспертов архивов обеих стран, рассчитанным на три года. В нем предусмотрены также основные формы: обмен специалистами и специальной литературой, исследование, отбор и микрофильмирование документов, относящихся к истории народов СФРЮ и СССР, советско-югославским отношениям, в целях пополнения источниковой базы исторической науки, обмен статьями по архивному делу, выявление и обмен документами и т. д.

Значительные результаты достигнуты в области обмена опытом архивистики, микрофильмами, специальной литературой, подготовки совместных публикаций академиями наук. За последние 15 лет в рамках взаимного обмена в Советском Союзе побывало 35 югославских специалистов (500 дней), Югославию посетило 27 советских исследователей (250 дней). Хотя деловые контакты между архивами СФРЮ и СССР постепенно расширяются, следует отметить, что возникают и некоторые вопросы, особенно когда речь идет об эквивалентном обмене микрофильмами. Необходимо уделять больше внимания использованию документов, содержащих сведения о политических, культурных и экономических связях между нашими странами, о совместной борьбе славянских народов против турецкого ига, а также советского и югославских народов против немецких захватчиков в период второй мировой войны, показывать эти документы на совместно организуемых выставках, освещать их в совместно издаваемых публикациях.

Наряду с несомненными успехами, достигнутыми в относительно короткий период существования официальной архивной службы в Югославии, у архивных учреждений и служб страны есть и многочисленные проблемы — прежде всего в хранении документов. Исключение составляет Македония, в которой построены новые здания для большинства архивов. В других республиках и автономных областях эта проблема решается довольно медленно. Чаще всего под архивы перестраиваются старые здания. Число работников не соответствует количеству архивного материала и вновь создаваемых документов, над которыми архивы должны осуществлять контроль и обязаны по истечении определенного времени принимать на хранение. Квалификационный уровень кадров во многих архивах не соответствует потребностям, подготовка и повышение уровня кадров для различных работ в архивах решаются по разному (например, в Сербии уже 30 лет функционируют шестимесячные курсы для начинающих архивных работников, в Словении архивисты с высшим образованием совершенствуют свои знания в педагогической академии, со средним образованием, как и в других республиках,— в школах целенаправленной подготовки; в Хорватии и Словении организована специальная подготовка архивных работников с высшим образованием). Несмотря на некоторые различия форм финансирования подготовки кадров в республиках, почти для всех архивов характерно, что средства, выделяемые на эти цели, уменьшаются из года в год.

Наряду с указанными проблемами архивной службы, ее сопровождают и другие, не менее значительные трудности: техническое оснащение во многих архивах не соответствует стандартам, нелегко приобретаются необходимые материалы и аппараты, с помощью которых осуществляются консервация и реставрация поврежденных документов и фотоматериалов; сокращены закупки литературы из зарубежных стран и т. д.

Оценив состояние архивной службы как неудовлетворительное, не закрывая глаза на трудности, мешающие изучению современных тенденций в мировой науке и обеспечению более быстрого и эффективного развития национальной теории и практики, архивные работники Югославии на своем десятом съезде (состоявшемся в конце 1984 г.), утвердили пятилетнюю программу развития архивной службы. В программе особо выделяется задача усиления работы по защите культурных памятников и архивных материалов, строительство новых архивных зданий и приобретение соответствующего современного оборудования. В ней предусмотрены и мероприятия по модернизации архивной службы, в частности информационного обслуживания, опирающегося на использование электроники, автоматизацию обработки материалов с помощью компьютера.

В настоящее время эта программа успешно выполняется. Проводятся научные совещания, на которых архивные работники обмениваются теоре-

тическим и практическим опытом внедрения новой техники и автоматизации. Уже создан общеюгославский совет для архивной информационной деятельности. С целью интеграции информационной деятельности в общегосударственную систему предстоит заключение Договора о единой системе научно-технической информации в СФРЮ.

Мы уверены, что архивные работники справятся с поставленными задачами и что к концу текущей пятилетки архивное дело в Югославии достигнет новых рубежей, которые предоставят нам возможность повышать уровень научной работы и дальнейшей модернизации архивной службы.

Советские архивисты в США

В соответствии с соглашением о сотрудничестве между Главархивом СССР и Американским советом познавательных обществ в США находилась советская делегация в составе специалистов Главархива СССР, ВНИИДАД и республиканской лаборатории по микрофильмированию и реставрации документов Главархива Грузинской ССР во главе с начальником отдела обеспечения сохранности документов ГАФ СССР Главархива СССР О. Н. Тягуновым. Цель командировки — участие в советско-американском симпозиуме по вопросам обеспечения сохранности архивных документов, ознакомление с опытом работы американских архивных учреждений в этой области, а также участие в ежегодной национальной конференции по проблемам обеспечения сохранности документов.

На национальной конференции и симпозиуме сделано несколько докладов, посвященных обеспечению сохранности архивных документов, как специалистами США, так и СССР.

Делегация ознакомилась с постановкой обеспечения сохранности документов в США.

В Национальном архиве действует программа обеспечения сохранности документов, включающая в себя ряд отдельных программ. В Библиотеке Конгресса также осуществляется аналогичная программа. Большое внимание уделяется сохранности ветхих книг, кинолент. Ежегодно 11—12 тыс. книг заменяются микрофильмами. Основное внимание в программе обеспечения сохранности документов и книг направлено на массовое их обескисливание. Для этой цели проведены изыскания по выработке газового метода обескисливания книг, строится фабрика.

В исследовательской деятельности Национального архива США в настоящее время большие усилия направлены на изучение и выработку практических рекомендаций по влиянию на сохранность материалов внешней среды (газов, пыли, света), изучение микросреды в коробках, контейнерах, при ламинировании документов. Предварительные выводы говорят о том, что продолжительность сохранности документов на бумажных и пленочных носителях во многом зависит от учета факторов влияния внешней среды.

Исследуются проблемы химически чистых материалов, из которых изготавливаются коробки, упаковки, конверты и т. д. Стандартизуются картон, бумага для этих целей, исключающие химически активные вещества. Предпочтение отдается бумаге без применения красителей.

Исследования показывают отрицательное влияние герметичного хранения фотодокументов, а также контакта с эмульсией и стеклянной основой фотодокумента упаковочной бумаги (влияние кислотности). В фотохранили-

ще Национального архива, где находится более 7 млн. ед. хр., на многих старых фотонегативах на стекле наблюдаются отслаивание эмульсионного слоя и каталитические реакции в самих стеклах. Принимаются экстренные меры по спасению фотодокументов путем их промывки в дистиллированной воде, а также пересъемки на новую основу с предварительным отделением эмульсионного слоя.

К числу важных исследовательских разработок следует отнести метод диспетчерского управления оптической цифровой системой хранения изображений. По контракту с НАСА и другими организациями была разработана уникальная оптико-электронная установка считывания текста или изображения фотографии, миниатюры, картины и т. п. для контроля за состоянием качества текста или основы. Лаборатория, оснащенная этим устройством, наблюдает в Национальном архиве за хранением документов.

Путем цифровой обработки изображений (т. е. отдельных участков или фиксированных точек) документов, рисунков, фотографий и т. п. и последующего их сравнения (первого изображения и повторного через 4—5 лет) и анализа даются характеристики возможных потерь качества документа (выцветание изображения, ухудшение основы и т. п., когда визуально в начальной стадии изменение определить невозможно). Точность анализа велика, так как на экране виден участок документа (отдельная точка или часть буквы). Эта установка не используется для создания страховых копий или реставрации фото- и других документов и записи этой информации.

Все работы, выполняемые в лаборатории обеспечения сохранности документов Национального архива США, нормированы.

В лабораториях Библиотеки Конгресса и Национального архива проводится значительный комплекс работ по реставрации и консервации документов на бумажной основе.

Прозрачная реставрационная бумага для двухстороннего покрытия документов и ламинация их также практически мало применяются из-за опасения разрушения ламинированных документов. Вместо этого в самых широких масштабах в лабораториях, которые посещала делегация СССР, применяется инкапсуляция (запаивание в пленочной конверт) документов и даже листов книг. В этих лабораториях не практикуются сложные реставрационные работы, связанные с расщеплением основы поврежденных листов документов и последующим их закреплением, вскрытие склеившихся и сцементированных листов с помощью камер токов высокой частоты — ТВЧ. Американскими архивистами широко применяется ремонт разрывов и ветхих мест на документах узкими полосками японской длинноволокнистой шелковки с термоподслоем.

В ходе реставрации документов применяются известные в СССР методы чистки документов от грязи, пятен и т. п. на специальных вакуумных столах.

Широко используется в лабораториях Национального архива, Библиотеки Конгресса, в Колумбийском университете увлажнение документов ультразвуковыми увлажнителями воздуха.

В лабораториях американскими архивистами практически не применяются известные в СССР методы дезинфекции и дезинсекции документов парами формалина, газом и токами высокой частоты. В США службой экологии запрещено применение газовых камер дезинфекции документов с выбросом газов в атмосферу (окись этилена является канцерогеном).

Работу по дезинфекции документов от биоповреждений американские архивисты не считают рентабельной и вместо этого направляют максимальные усилия на обеспечение оптимальных условий хранения документов (особенно по температуре и влажности воздуха), которые не дают развиваться плесени и другим биоповреждениям. Для локальных случаев дезинфекции документов американские архивисты применяют тимол. В Колумбийском

университете, в частности, исследуется возможность борьбы с биоповреждениями и насекомыми методом вымораживания.

Большое внимание в деятельности американских архивистов уделяется нейтрализации кислоты в документах на бумажной основе и упаковках. В Библиотеке Конгресса США планируется обработать газовым методом обескисливания более 1 млн. книг и журналов; в Национальном архиве США и 11 его филиалах — более 45 млн. листов. В настоящее время эта работа ведется двумя методами: промывкой в ваннах с ионизированной водой и солями магния, а также для слабых текстов путем пульверизации листов книг или документов в вытяжном шкафу с применением нейтрализующих веществ в растворе хлороформа.

Библиотекой Конгресса США для документов и книг, которые будут храниться вечно в оригиналах, разработан массовый метод нейтрализации кислоты в газовой камере.

Архивистами США в лабораториях Библиотеки Конгресса, Национального архива и Колумбийского университета проводится микрофильмирование документов, книг, карт и т. д. на 35 мм неперфорированную черно-белую галогенидосеребряную пленку. Кратность уменьшения 24 (в одном кадре умещается лист газеты). Вся технология микрофильмирования (съемочные камеры, копировальные и проявочные машины, читальные аппараты) американского производства. Для съемки сброшюрованных дел толщиной 10—15 см применяется рамка с прижимным стеклом. Микрофиширование американскими архивистами применяется только для крупных карт. Этот метод не считается рентабельным в отношении массовой съемки документов.

Лабораторией Национального архива осуществляется комплекс мер по сохранности документальных фильмовых материалов путем перевода на новую основу (в том числе и перевода с нитроосновы). Старые киноленты на нитратной пленке переводятся на лавсановые пленки, оригиналы после этого уничтожаются.

Подготовка к копированию старых кинолент и их копирование (с большой усадкой пленки) осуществляются силами лаборатории архива, а химико-фотографическая обработка всех пленочных материалов (в том числе и микрофильмов) — в коммерческой лаборатории по заказам.

На новую основу (магнитную ленту) ведется перезапись всех звуковых документов: грампластинок шоринофонной записи и старых магнитных записей. На новые видеоленты шириной 6 мм производится перезапись видеофонограмм, полученных от телекомпаний и других учреждений.

Подготовку кадров для лабораторий реставрации документов широкого профиля осуществляет Колумбийский университет в Нью-Йорке.

В Национальном архиве США сотрудники, которые реализуют программу обеспечения сохранности документов, проходят обязательную подготовку, как лекционную, так и практическую. Подготовку проходят и руководящие работники. Два раза в год подобная программа подготовки осуществляется для всех вновь поступающих сотрудников.

Итоги симпозиума показали, что есть вопросы, которые требуют дальнейшего обсуждения и проработки, являются кое в чем спорными или не до конца изученными (например, отказ американских архивистов от дезинфекции документов газом и ТВЧ, инкапсуляция и герметичное хранение документов, их ламинация, точка зрения на влияние упаковки на техническое состояние документов, в частности на фотодокументы на стекле и т. п.). Однако по большинству вопросов работы в области обеспечения сохранности документов наши позиции совпадают.

Профессиональные встречи архивистов двух стран являются интересными и полезными мероприятиями для обеих сторон и способствуют лучшему взаимопониманию народов СССР и США.

Критика и библиография

Литовцы — участники Октябрьской революции и гражданской войны.
Вильнюс, 1987. Кн. 2. 292 с. Тираж 6000*.

После выхода в свет в 1976 г. первой книги сборника биографий, общественность выразила пожелание продолжить поиск. Рецензируемая вторая книга сборника опирается на богатую источниковую базу — документы более 30 государственных, партийных, ведомственных архивов (в их числе ЦГАОР СССР, ЦГАОРСС Ленинграда, ЦГАСА, ЦГАВМФ СССР, Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Литвы, ЦГА Литовской ССР), личных архивов ветеранов партии, музеев, а также воспоминания, сборники документов, материалы периодической печати. Авторы биографий сотрудники ЦГА Литовской ССР, ЦГА Литовской ССР в г. Каунасе, Института истории партии при ЦК Компартии Литвы, краеведы.

Вторая книга, как и первая, снабжена предисловием. В исторической его части дана общая характеристика участия уроженцев Литвы в Октябрьской революции и гражданской войне. В археографической части указывается, в частности, что при подготовке обеих книг сборника выявлено более 1 тыс. фамилий участников событий рассматриваемого периода. Цель авторов состояла в том, чтобы рассказать о неизвестных или малоизвестных борцах за Советскую власть. Принцип подачи материалов в биографических очерках: наибольшее место в них занимают периоды Октябрьской революции и гражданской войны, остальные этапы освещены кратко. Объем и характер очерков прямо зависят от количества выявленных материалов.

Более подробные сведения об использованных документах, хранилищах, где они выявлены, содержит библиографический указатель основных источников и литературы. Во второй книге он оказывает большую помощь читателю, так как дается к каждой биографии, а не к группам источников, как в первой книге. Издание иллюстрировано фотографиями революционеров, фотокопиями документов. Если в первой книге сборника опубликовано 75 очерков, то во второй — 120.

Обращаясь к содержанию сборника, напомним, что в 1917 г. в губерниях России проживало много выходцев из Литвы, покинувших ее в разное время и по разным причинам, например, из-за поисков работы, учебы, ссылки за участие в революционном движении. Около 300 тыс. литовцев бежали от немецкой оккупации в годы первой мировой войны. Более 60 тыс. литовцев мобилизованы в царскую армию[1]. Под влиянием большевистской агитации литовцы в Петрограде, Москве и других городах вступали в РСДРП(б). Накануне Октября литовские большевистские секции РСДРП(б) действовали в 12 крупнейших городах России и объединяли около 2 тыс. человек[2]. Наиболее крупным был Литовский район Петроградской организации РСДРП(б), насчитывавший летом 1917 г. 345 членов. Его печатным органом стала первая литовская коммунистическая газета «Tiesa» («Правда»), которая издается и поныне как орган ЦК Компартии Литвы.

Вторую книгу сборника открывают документальные биографические очерки о видных деятелях Литвы и международного коммунистического движения, основателях и руководителях Компартии Литвы В. Капсукасе и З. Ангаретисе, приехавших в Петроград после Февральской революции (Капсукас — из эмиграции, Ангаретис — из сибирской ссылки) и возглавлявших литовские большевистские организации в борьбе против оппортунистов и буржуазных националистов. На историческом заседании ЦК РСДРП(б) 10 октября 1917 г. было утверждено Временное Центральное бюро литовских секций РСДРП(б) в составе В. Капсукаса, З. Ангаретиса и Ю. Думши. Они активно участвовали в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, а затем и строительстве первого социалистического государства, защите его от контрреволюции. Когда после Ноябрьской революции в Германии и аннулирования Брестского мирного договора развернулась социалистическая революция в Литве, председателем Временного революционного рабоче-крестьянского правительства стал В. Капсукас, одним из его членов — З. Ангаретис. В феврале 1919 г. В. Капсукас возглавил СНК Литовско-Белорусской ССР.

Помещены биографии и других активных участников Октября. Среди них — моряк с крейсера «Аврора» А. Годляускас, участники штурма Зимнего П. Ильчюкас, П. Кирстукас, А. Киселюс, красногвардейцы А. Бракнис, А. Майнялис, З. Пянкайтис, К. Шахов-Ланковский и др. Красногвардеец Э. Юргайтис был среди тех, кому посчастливилось охранять кабинет В. И. Ленина в Смольном. Большевик М. Козловский в дни Октября возглавил следственную комиссию ВРК по борьбе с саботажниками, после переезда Советского правительства в Москву он — сначала член, а затем председатель Малого Совнаркома. В борьбе за Советскую власть в различных городах России участвовало немало уроженцев Литвы: например, в Москве — П. Балтрушайтис, А. Балтрушис и др.; в Туле — В. Каджюлис, в Нижнем Новгороде — В. Бригманас, Ю. Озарскис, в Калуге — К. Даргявичюс.

Много выходцев из Литвы служило в армии. Второй съезд литовских солдат в России в январе 1918 г. осудил деятельность буржуазно-националистического руководства Союза литовских воинов и призвал к борьбе за переход власти

в руки рабочих и крестьян во всей России, в том числе и в Литве. Когда начала создаваться Красная Армия, большинство солдат из литовских батальонов вступило в ее ряды. Одним из таких формирований был 5-й Виленский полк, созданный в Москве осенью 1918 г. Он стал ядром Красной Армии Литовской ССР. Биографии воинов этого полка читатель найдет в сборнике.

Как показывают документы, в годы гражданской войны не было фронта, где бы ни сражались с контрреволюционерами и интервентами красноармейцы-литовцы. В сборнике приведены биографии погибших в этих боях. Широко известны имена выдающихся советских военачальников В. Путны, И. Уборевича, Ю. Блажевича, о которых говорится в первой книге. Во второй — приводятся биографии таких командиров, как И. Гражис — начальник штаба 52-й стрелковой дивизии, сражавшейся против Врангеля, П. Борявичюс — командир кавалерийской дивизии, комбриг В. Линкус, командир полка А. Юшкявичюс. Среди награжденных за храбрость в борьбе за Советскую власть первым боевым орденом Советской республики — орденом Красного Знамени были 50 литовцев, биографии ряда из них помещены во второй книге.

Многие из литовцев, очерки о которых помещены в сборнике, видели, слышали В. И. Ленина, встречались с ним по революционной работе еще в предоктябрьский период, выполняли его поручения, а большевик доктор К. Римша с начала 1923 г. дежурил возле больного Владимира Ильича до последнего его вздоха.

По-разному сложилась судьба революционеров-литовцев. Многие после подавления Советской власти в Литве силами контрреволюции и интервентов остались в России на партийной, государственной, хозяйственной, военной работе. Часть из них подверглись необоснованным репрессиям в период культа личности, позднее были реабилитированы[3]. Те из революционеров, которые вернулись в буржуазную Литву, включились в борьбу организаций Компартии Литвы за восстановление Советской власти, сражались за нее, не щадя жизни, в годы Великой Отечественной войны, а затем вместе с новыми поколениями участвовали в социалистическом строительстве. Среди них были не только литовцы, но и поляки, белорусы, евреи. Всех их объединяла преданность идеям социализма.

Выход в свет рассматриваемого издания — важный вклад в дело восстановления исторической правды, ликвидации обезлички в истории Литвы, а, значит, и в истории нашей многонациональной Родины. Литовская печать публикует все новые материалы и воспоминания ветеранов. Поиск продолжается и потому, что в конце ряда очерков о жизни революционеров написано: «Дальнейшая судьба неизвестна».

Желательно, на наш взгляд, чтобы при издании таких сборников к ним прилагались перевод предисловия и аннотация на русском языке.

Ю. В. АНДРЮШАЙТИТЕ,
кандидат исторических наук

---

* Lietuviai — Spalio revoluicijos ir pilietinio karo dalyviai. V., 1987. Кп. 2. 293 p.

[1] История Литовской ССР (с древнейших времен до наших дней). Вильнюс, 1978. С. 286.

[2] Вайткявичюс Б. Под знаменем пролетарского интернационализма // Коммунист. Вильнюс, 1987. № 3. С. 58.

[3] Шармайтис Р. Дело Зигмаса Ангаретиса // Коммунист. Вильнюс, 1988. № 5, 6.

Фельзер А. Б., Миссерман М. А. **Делопроизводство.** Справочное пособие. 2-е изд. перераб. и доп. Киев, Вища школа, 1987. 320 с. Тираж 100 000.

Вторым изданием вышло пособие по делопроизводству А. Б. Фельзера и М. А. Миссермана. Это пособие актуально: проблема повышения эффективности управленческой деятельности — одна из важнейших, поставленная XXVII съездом КПСС, ее решение тесно связано с задачей совершенствования делопроизводства во всей системе управления.

Пособие переработано с учетом новых требований к функционированию аппарата управления и делопроизводственной службе, на основании использования современных нормативных и методических документов и литературы, учета опыта внедрения Единой государственной системы делопроизводства (ЕГСД). Оно значительно дополнено. Появились разделы, раскрывающие состав и назначение организационно-распорядительной документации, разделы о правилах машинописного оформления документов и его реквизитов, о делопроизводстве по предложениям, заявлениям и жалобам граждан, об оформлении кадровых документов, организации и технике работы секретаря, организации и внедрении государственных стандартов и ЕГСД, а также унифицированной системы организационно-распорядительной документации (УСОРД).

Значительно расширен состав приложений. Они пополнены формами документов, входящих в УСОРД, образцами бланков и трафаретных текстов, примерным перечнем употребляемых в управленческой деятельности видов и разновидностей документов. Наглядность этих и других прилагаемых документов имеет особое значение и для практического работника службы делопроизводства и для студентов.

Пособие охватывает весь комплекс вопросов, связанных с созданием, оформлением документов, обеспечивающих организационно-распорядительную деятельность учреждений, предприятий и организаций, с обработкой документов на пути движения к исполнению, контролем за исполнением документов, их систематизацией, формированием в дела, подготовкой к последующему хранению и использованию.

Необходимым условием совершенствования делопроизводства являются рациональная организация труда делопроизводственного персонала и оснащение его современными техническими

ми средствами, механизация делопроизводственных процессов. Этим вопросам посвящены специальные разделы пособия.

В развитие содержащихся в пособии сведений о механизации делопроизводства необходимо отметить, что в настоящее время определились два основных направления автоматизации и механизации труда в аппарате управления: первое реализуется путем внедрения электронно-вычислительных машин и построения на их основе автоматизированных систем управления, второе — посредством применения средств организационно-административной техники.

Поэтому проблема применения технических средств требует внимания на всех стадиях движения и обработки документов. Она включает такие вопросы, как автоматизация трудоемких делопроизводственных операций, изучение эксплуатационных возможностей средств оргтехники, информация об их наличии и условиях приобретения, т. е. иными словами, перед аппаратом управления должна быть поставлена проблема поиска одного из резервов производительности труда. В связи с этим требует более детального рассмотрения техника контрольных операций в условиях функционирования подсистемы автоматизированного контроля исполнения документов (АКИД) (с. 132—133).

Практическое значение рассматриваемого пособия заключается в том, что написанное на основе изучения опыта работы с документами в органах управления, организациях и учреждениях, оно содержит положения и рекомендации для аппарата управления любого уровня. Особого внимания заслуживает описание рационального документооборота, ибо направление движения документов является определяющим фактором повышения эффективности деятельности каждого учреждения.

Исходя из принципов рациональной циркуляции документопотоков, авторы пособия рекомендуют организацию такого движения документов, которая обеспечила бы направление основного объема документов непосредственно исполнителям, увеличила бы их ответственность за решение подавляющей части документов. Обращается внимание на учет документов, методику определения объема документооборота, назначение количественной оценки документов как важнейшего компонента расчета штатной численности делопроизводственного персонала, как условие проектирования мероприятий по совершенствованию делопроизводства.

Здесь однако следует заметить, что необоснованной, ведущей к созданию излишней документации и волоките в работе с документами представляется рекомендация заводить помимо регистрационных и контрольных карточек на каждый поступающий документ специальный информационный лист (с. 99).

Вопросы классификации документной информации являются наименее разработанными в литературе. В пособии им уделено определенное внимание. Дается общая классификация управленческих документов, при этом справедливо отмечается, что важнейшим основанием их классификации является содержание зафиксированной информации. Целесообразным является рассмотрение методики составления классификатора документов, определение его роли в повышении оперативности работы аппарата управления. Нельзя однако согласиться с выделением такого основания классификации, как «гласность» (с. 11). Можно ли в этой связи говорить о документах «для служебного пользования», если речь идет о классификации управленческой документации? Ведь вся она — для служебного пользования. Гласность — не основание классификации, а общий принцип общественной жизни, который безусловно должен быть распространен и на документную информацию. Само понятие и гриф «для служебного пользования», на наш взгляд являются совершенно излишними.

Очевидно, жанр рецензируемой работы, определенный как справочное пособие, не дал возможности авторам раскрыть способы ограничения процесса документообразования, глубже показать влияние работы с документами на процесс управления, ее социальную роль в борьбе с волокитой и безответственностью. Последнее наглядно было бы продемонстрировать на примере делопроизводства по предложениям, заявлениям и жалобам граждан.

Основное достоинство работы А. Б. Фельзера и М. А. Миссермана заключается прежде всего в том, что она представляет несомненный практический интерес для работников службы делопроизводства, которые могут получить всю сумму сведений по рациональной обработке документной информации.

М. П. ИЛЮШЕНКО,
кандидат исторических наук

Аннотации

Постановления сессий ЦИК Киргизии. Сборник документов (1927—1938 гг.). Фрунзе, Кыргызстан, 1986. 328 с. Тираж 1000*.

Издание органически связано с вышедшим ранее сборником документов «Резолюции и постановления съездов Советов Киргизии (1925—1937 гг.)» (Фрунзе, 1973).

Введение в оборот законодательных актов высших органов власти Киргизской АССР и ССР имеет большое научное значение для истории республики. Сессии ЦИК так же, как и съезды Советов, будучи основной, высшей формой организации Советской власти осуществляли законодательные функции, принимали решения по важнейшим вопросам народнохозяйственной и культурной жизни, административно-территориального деления и т. д.

В сборнике публикуются 45 (из 79 принятых за период существования Киргизской АССР) постановлений 12 сессий ЦИК Киргизской АССР 1—4 созывов. В него не вошли постановления первых сессий каждого нового созыва, где избирался Президиум ЦИК, формировался СНК; решения по постановлениям Президиума ЦИК, принятым в период между сессиями; акты временного (оперативного) действия и о назначении членов правительства; постановления сессий, утверждавшие рабочие материалы к предстоящему съезду Советов. Сборник открывают постановления II сессии первого созыва ЦИК Киргизской ССР (10—13 ноября 1927 г.), в том числе «По отчетному докладу правительства «Итоги и достижения 10 лет Советской власти», «По докладу о земельно-водной реформе» и др. Завершается сборник публикацией постановления VII сессии ЦИК четвертого созыва (28 февраля 1938 г.) об утверждении Положения о выборах в Верховный Совет Киргизской ССР и самого Положения.

Опубликованные документы — это постановления о проведении земельно-водной реформы, пятилетних планах развития народного хозяйства, ходе выполнения годовых планов, планов развития отдельных отраслей народного хозяйства, по вопросам народного образования, работы Советов и их исполкомов, о годовых бюджетах, об изменениях в административно-территориальном делении, о выборах в Верховные Советы СССР и Киргизской ССР и др.

Необходимо подчеркнуть, что постановления сессий ЦИК Киргизской ССР в те годы из-за слабости полиграфической базы не всегда публиковались. Имеются только 5 официальных публикаций (13 постановлений), которые стали уже библиографической редкостью. Поэтому большинство постановлений (32) публикуются впервые, из них 17 — по подлинникам, 8 — по заверенным копиям, 7 — по копиям. Подготовка их к изданию, выбор оптимальных вариантов текстов для публикации потребовали от составителей и редактора большой и трудоемкой работы по выявлению, источниковедческому и текстологическому анализу.

Таким образом, публикация материалов сессий ЦИК значительно расширила доступ исследователей к этим ценным источникам.

Научно-справочный аппарат издания состоит из предисловия, примечаний текстовых и по содержанию, списка сокращенных слов и перечня опубликованных документов. Необходимо отметить высокий уровень предисловия, в котором даются описание всех материалов сессий, порядка работы сессий и выработки постановлений, источниковедческий анализ публикуемых документов, оговариваются принципы отбора текстов и методика их публикации, перечисляются постановления, которые не публикуются в сборнике (к сожалению, причины не объясняются). Имеются краткие исторические справки о каждой сессии ЦИК, в том числе и о тех сессиях, материалы которых не публикуются, т. е. круг обсуждаемых и решаемых вопросов всех сессий в сборнике обозначен.

Думается, что издания законодательных актов органов Советской власти должны быть во всех республиках, особенно за первые годы Советской власти.

В то же время отметим недостаточную информационную насыщенность сборника, что значительно понижает его научную значимость. Любой сборник документов, независимо от объема издания, должен облегчать поиск новых документов, вводить в научный оборот максимальное их количество. В издании просто необходимы были указания на место хранения всех документов сессий ЦИК: стенограмм и протоколов заседаний, отчетов и докладов, по которым принимались постановления, законопроектов и поправок к ним и т. д. И уж если не представлялось возможным публиковать постановления всех состоявшихся в тот хронологический период сессий, следовало бы тем более сообщить в исторических справках их поисковые данные. В этом случае сборник стал бы одновременно справочником к соответствующим фондам.

Большим недостатком сборника (вероятно, это не вина авторов) является отсутствие подписей и вообще фамилий (их нет ни в документах, ни в комментариях). Это ситуация, которая называется «обезличивание истории».

Полагаем, что в условиях развивающейся гласности и демократии будущие архивные издания восстановят память о людях, которые «делали историю».

В заключение добавим, что актуальное значение имело бы полное издание не только постановлений сессий ЦИК, но и всех материалов сессий и прежде всего стенограмм, являющихся ценнейшим источником как по истории Советской Киргизии в целом, так и развития советской демократии и самоуправления в период построения основ социализма в Киргизии.

В. В. ДЕХТЯРЕНКО

---

* Составители: З. К. Курманов (отв. составитель), С. И. Бегалиев. Под редакцией В. Д. Самсонова.

Байжанов С. Б. **Архив свидетельствует.** Алма-Ата, «Казахстан», 1988. 240 с. Тираж 1000*.

До выхода в свет рецензируемой книги такая специфическая отрасль знания, каким является архивоведение, в республике была представлена в основном рядом статей, имеющих справочный характер или затрагивающих локальные вопросы использования архивных фондов в научно-исследовательской и идеологической работе. Рассматриваемое издание — первая в казахской историографии работа, в которой в научно-популярной форме показано место архивов в духовной жизни общества, рассказано об истории становления и укрепления архивного дела в Казахстане, определены задачи его дальнейшего совершенствования. Работу отличает комплексный подход к объекту исследования.

В первой части книги «Архив — достояние народа» даны исторический экскурс в прошлое, оценка нынешнего состояния архивного дела в республике. Автор как бы беседует с читателем о месте и значении архивов в изучении проблем развития общества, становлении архивного дела в дореволюционной России и на его национальных окраинах, об особенностях и трудностях формирования архивной системы в Советском Казахстане.

Во второй части «О чем свидетельствуют архивные сокровища» на основе многочисленных интересных документов из фондов ЦГА Казахской ССР и ряда областных архивов республики автор знакомит читателя с важнейшими событиями общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни дореволюционного Казахстана, излагает некоторые узловые проблемы и отдельные яркие эпизоды истории республики в советскую эпоху.

В таких разделах рукописи, как «Материалы о восстании Исатая Тайманова», «Коллекция выставки», «Казахская степь и полиция», «Чока и спор о девушке», «Первый казахский врач», «Каркараинское восстание», «Михаил Фрунзе в гимназии», автор, широко введя в ткань повествования малоизвестные интереснейшие факты истории, рассказывает о национально-освободительных восстаниях казахского народа в XIX и начале XX в., о борьбе казахского ученого-энциклопедиста Ч. Валиханова за равноправие казахских женщин, о попытках отца великого поэта Абая — Кунанбая Ускембаева — открыть в 40-х годах XIX в. русско-казахскую школу в степной глубинке, об учебе будущего профессионального революционера, видного государственного и военного деятеля М. В. Фрунзе в Верненской (ныне г. Алма-Ата) семинарии, о культурной жизни дореволюционного Казахстана.

Значительный интерес вызывают разделы «Как был ликвидирован атаман Дутов», «Автографы Куляш» (народной артистки СССР Куляш Байсеитовой), «Письма Горького, Джамбула, Беимбета...», «Ромен Роллан о казахской музыке», «От домбры к опере», в которых на документальной основе излагается история осуществления операции советских чекистов по уничтожению атамана Дутова, о становлении и развитии национальной по форме и социалистической по содержанию культуры возрожденного социалистической революцией казахского народа.

В книге много внимания уделено значению создания, хранения и использования в архивах республики личных фондов выдающихся государственных деятелей, виднейших представителей науки, культуры, литературы и искусства. Важность такой работы показана на примере формирования в ЦГА Казахской ССР личных фондов академика К. И. Сатпаева, писателя С. Муканова, воина-панфиловца и писателя Б. Момышулы и др.

В целом книга имеет большое научно-познавательное, практическое значение, ее выход в свет был приурочен к 70-летию ленинского декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». К сожалению, книга издана малым тиражом и уже сейчас является библиографической редкостью. Желательно было бы перевести ее на русский язык с тем, чтобы с нею могли ознакомиться архивисты всей страны.

К. Н. НУРПЕИСОВ,
доктор исторических наук,
профессор

---

* На казахском языке.

Архивный отдел Павловского райисполкома Алтайского края организует широкое использование документов. Ретроспективная информация стала служить импульсом для изучения опыта прошлого и принятия решений сегодня. Так, в процессе подготовки пленума районного комитета партии, в повестке дня которого стоял кадровый вопрос, понадобились архивные материалы для того, чтобы проанализировать состав кадров за две предыдущие пятилетки.

Работники РАПО привлекали документы при подготовке доклада на собрании передовиков сельского хозяйства района, а также при написании истории развития сельского хозяйства в районе.

Развиваются связи архива со школами района, особенно сейчас, когда школа находится на пути перестройки. Преподаватели истории, познакомившись с обзором документальных памятников, стали изучать архивные материалы. Увеличилось количество заявок на экскурсии в архив. В свою очередь архивисты получают приглашения на пионерские сборы и классные часы.

Совместно с районным отделением ВООПИК издан буклет «Их имена носят улицы Павловска», вызвавший большой интерес у учителей, культпросветработников, общественности.

Документы служат отправной точкой для поисковой работы. Так, в школы района были направлены списки бывших красных партизан. Члены клуба «Подвиг» Сахарозаводской средней школы встретились с дочерью И. А. Воронина, бывшего командира партизанского отряда времен гражданской войны. На деньги, заработанные учащимися, установлен памятник на его могиле, одна из улиц рабочего поселка названа именем И. А. Воронина.

В планах архивного отдела — развитие инициативного информирования, интенсификация использования архивных документов с учетом современных требований.

З. М. Мастеркова

В коллегии Главархива СССР

Коллегия Главархива СССР рассмотрела вопрос об усилении мер противопожарной безопасности на объектах Главархива СССР в г. Москве.

Отмечалось, что до настоящего времени в архивных учреждениях центрального подчинения в г. Москве имеют место серьезные недостатки в обеспечении пожарной безопасности. Это связано с тем, что руководители учреждений и органы пожарной охраны ослабили требовательность к обеспечению пожарной безопасности, не ведут решительную борьбу с нарушителями производственной, технологической и трудовой дисциплины.

Большинство ЦГА СССР не оборудованы автоматической системой пожаротушения, монтаж ее в ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР, ЦГАДА затягивается, а в ЦГАКФД СССР, где она уже смонтирована, бездействует. Во многих архивохранилищах стеллажи и шкафы для хранения документов перегружены материалами, в помещениях не поддерживаются заданные параметры температуры и влажности воздуха, что приводит к сильному пересушиванию документов (ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР, ЦГВИА СССР и др.) или переувлажнению, что особенно опасно для кинодокументов на нитрооснове.

Органы государственного пожарного надзора недостаточно используют предоставленные им права в поддержании должного уровня пожарной безопасности, нередко проявляют формализм и беспринципность в отношении рабочих и служащих, допускающих курение в недозволенных местах, пользование бытовыми электронагревательными приборами в рабочих комнатах и т. п.

В принятом коллегией решении предусмотрены конкретные мероприятия, направленные на устранение отмеченных недостатков и усиление противопожарной безопасности.

* * *

С января 1989 г. начинает издаваться новый всесоюзный общественно-политический, научно-популярный иллюстрированный журнал «Родина» (издательство «Правда»).

В нем планируется публиковать художественные и публицистические произведения, статьи, основанные на архивных документах, воспоминания, документальные публикации, письма читателей.

Для организации постоянного участия работников архивных учреждений в подготовке материалов журнала «Родина» в Главархиве СССР создана специальная группа.

Учреждениям ГАС СССР центрального подчинения для подготовки материалов публикаций предложено в этих же целях выделить специальных лиц (общественных корреспондентов).

* * *

Коллегия Главархива СССР рассмотрела вопрос о совершенствовании работы по обеспечению сохранности кинофотодокументов в госархивах СССР.

Отмечалось, что в госархивах страны сосредоточено около 500 тыс. ед. хр. кино- и 6 млн. ед. хр. фотодокументов.

Главархивом СССР разработаны и осуществляются комплексные программы по внедрению отраслевых стандартов на технические требования к правилам госхранения оригиналов и страховых копий кинофотодокументов; по ускорению их копирования на негорючую пленку; по техническому оснащению госархивов и другие.

Помощь государственным архивам по организации и методическому обеспечению работы по копированию кинофотодокументов на триацетатную пленку оказывает НИЦТД СССР. Им были разработаны технологические регламенты по проведению указанной работы.

Вместе с тем в обеспечении сохранности кинофотодокументов имеются недостатки.

Во всех республиканских ЦГАКФФД, кроме Белорусской ССР, не соблюдается требуемый температурно-влажностный режим хранения документов на пленочных носителях.

Объемы и качество реставрационно-профилактической обработки кинофотодокументов не обеспечивают полную их сохранность. Государственные архивы не успевают обрабатывать кинодокументы, пораженные плесенью и с другими дефектами. Не применяется фунгицидная обработка кинодокументов с использованием ництедина и других препаратов.

Перевод фотодокументов на триацетатную пленку осуществляется крайне медленными темпами в большинстве ЦГА союзных республик.

Во многих ЦГАКФФД союзных республик недостаточными темпами и с плохим техническим качеством осуществляется работа по созданию страхового фонда на особо ценные кино- и фотодокументы.

ЦГАКФФД союзных республик и ЦГАКФД СССР не полностью обеспечивают условия хранения оригиналов кинофотодокументов на

нитрооснове, после их перевода на триацетатную пленку.

Принято решение, в котором намечены конкретные мероприятия, направленные на дальнейшее совершенствование организации работ по обеспечению сохранности кинофотодокументов и ускорению их перевода на триацетатную пленку.

* * *

Коллегия Главархива СССР рассмотрела итоги XI Международного конгресса архивов и одобрила деятельность на нем советской делегации[1].

В принятом решении коллегия определила конкретные мероприятия, вытекающие из итогов работы конгресса.

* * *

Коллегия рассмотрела и одобрила меры, направленные на дальнейшее сокращение документооборота в системе Главархива СССР.

---

[1] О XI Международном конгрессе см. с. 11—17.

Конференции, совещания, семинары

В Ленинградском отделении института истории СССР АН СССР состоялось первое научно-практическое совещание по изучению и изданию писцовых описаний и переписных книг конца XV — начала XVIII в., организованное научным советом по исторической демографии и исторической географии, научным советом АН СССР по историографии и источниковедению, Институтом истории СССР АН СССР и Ленинградским отделением Института истории СССР. В работе совещания приняли участие представители научных учреждений Вологды, Казани, Ленинграда, Москвы, Новгорода, Одессы, Петрозаводска, Пскова, Тамбова и Ярославля — всего 30 человек.

Открыл совещание директор ЛОИИ член-корреспондент АН СССР В. А. Шишкин. Работа заседаний проходила под председательством Я. Е. Водарского (Институт истории СССР АН СССР) и А. Г. Манькова (ЛОИИ).

Были сделаны сообщения об использовании писцовых книг в исторических исследованиях, о значении источниковедческого анализа писцовых и переписных книг. Отмечалось, что до сих пор должным образом не разработана классификация писцового материала. В этом направлении предприняты лишь первые шаги по систематизации писцовых книг валового описания 20-х годов XVII в. Еще много неясностей в терминологии, не раскрыт полностью смысл отдельных терминов и понятий писцового делопроизводства. Много внимания участники совещания уделили анализу содержания писцовых и переписных книг, вопросам изучения их полноты и достоверности на основе привлечения максимально полного круга сохранившихся источников, таких, как разновременные государственные описания, отказные книги, частновладельческие и монастырские описания, десятни, приходо-расходные книги приказов, актовый материал, карты. Решение этого вопроса требует конкретного, индивидуального подхода к каждой из книг. Углубленный источниковедческий анализ позволяет не только исследовать, но иногда реконструировать данные писцовых книг, как это сделано, например, с итоговыми сведениями книги Заонежских погостов 20—30-х годов XVII в.

Одной из задач сегодняшнего дня стала задача перевода информации писцовых книг на машинный носитель, создания банка данных, с помощью которых облегчается первичная статистическая обработка материала, его классификация, описание, публикация и т. д.

Значительное внимание было уделено практическому использованию материалов писцовых книг по Русскому Северу. Статистические данные за несколько столетий позволяют дать обоснованные рекомендации по развитию населенных пунктов края. Широкие возможности открывает использование писцовых книг в генеалогических изысканиях, касающихся не только представителей господствующих классов, но и крестьянства.

Подчеркивалось, что работа по изданию писцовых книг предпринимается в различных регионах нашей страны, однако накопленный опыт не обобщен, поэтому на совещании предпринята попытка выработать единые правила их публикации: представлен проект «Рекомендаций к изданию писцовых книг и других кадастров XVI—XVII вв.» (автор Е. И. Колычева).

Дискуссию вызвал вопрос о передаче текста источников. Подавляющее большинство ученых высказались за публикацию текстов в полном объеме, без купюр (особенно книг XVI в.). Однако в отдельных случаях (если это книги более поздние) возможно применение табличного способа передачи текстов.

Кроме основных вопросов изучения и публикации писцовых книг, участники совещания отметили назревшую необходимость составления полных, точных, удовлетворяющих современным требованиям описей.

Для решения вопросов публикации писцовых и переписных книг созданы рабочая комиссия и редакционный совет при Институте истории СССР. В состав совета вошли видные ученые: В. И. Буганов, Я. Е. Водарский, А. А. Преображенский; председателем избран А. Н. Сахаров; ученый секретарь совета Е. И. Колычева.

Е. П. Маматова, кандидат исторических наук,
С. С. Ермолаев

В г. Красногорске состоялось совместное заседание научно-технических советов ЦГАКФД СССР и ЦГАЗ СССР с участием руководителей и специалистов центральных государственных архивов кинофотофонодокументов союзных республик, г. Москвы и Ленинграда, ВНИИДАД, НИЦТД СССР, МГИАИ, а также представителей Госфильмофонда СССР, Союза кинематографистов СССР, журнала «Советское фото».

Участники совещания обсудили ряд проблем, касающихся комплектования, обеспечения сохранности и активизации использования кинофотофонодокументов.

В своих выступлениях они подчеркнули тяжелое положение с оборудованием: выходят из строя установки для копирования кинодокументов, которые отечественная промышленность не выпускает, не приобретается оборудование для работы с фото- и фонодокументами, нет магнитной пленки. По-прежнему трудно комплектовать архивы материалами газет и журналов, поскольку они переходят на полный хозрасчет. Не хватает специалистов для кинофотофоноархивов, инженерно-технических работников. Необходимо разработать вторую редакцию Основных правил работы государственных архивов кинофотофонодокументов.

Прозвучало пожелание, чтобы ЦГАКФД СССР и ЦГАЗ СССР более целенаправленно выполняли роль научно-методических центров по работе с документами соответствующего профиля. Особое внимание было уделено обмену передовым опытом работы путем публикации материалов в журнале «Советские архивы», проведения семинаров и стажировок специалистов различных направлений в Москве, Красногорске и других архивах. Были высказаны предложения об улучшении подготовки в МГИАИ будущих работников кинофотофоноархивов, об организации курсов повышения квалификации сотрудников на базе НИЦТД СССР.

Очень активно прошло обсуждение второй редакции проекта Основных правил работы ведомственных архивов.

В заключительный день совещания состоялась встреча его участников с ответственными сотрудниками и специалистами Главархива СССР, в которой приняли участие руководители Главархива СССР Е. М. Кожевников и А. В. Елпатьевский. В ходе встречи были подведены итоги совещания, решено такие совещания сделать традиционными. По предложению участников встречи следующее совещание предполагается посвятить обеспечению сохранности аудиовизуальных документов.

В. Ф. Рунге

Совещание-семинар заведующих райгоргосархивами зоны Урала

В сентябре 1988 г. в Свердловске прошло совещание, посвященное перестройке работы райгоргосархивов, в котором приняли участие представители Главархива РСФСР и архивных учреждений Удмуртской АССР, Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Тюменской и Челябинской областей.

С основным докладом выступил заместитель начальника Главархива РСФСР В. А. Тюнеев. Он отметил, что руководствуясь стратегией ускорения, реализуя мероприятия Главархива РСФСР по выполнению решений XXVII съезда КПСС, государственные архивы республики стали более критически оценивать свою деятельность, активнее выявлять имеющиеся резервы, участвовать в реализации целевых комплексных программ, перспективных планов развития архивного дела. Вместе с тем анализ итогов работы в свете решений XIX Всесоюзной партийной конференции, июльского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС, показывает, что перестройка в архивных учреждениях ведется в ряде регионов республики с недостаточной настойчивостью и последовательностью. Некоторые архивные учреждения не принимают мер к укреплению плановой и исполнительской дисциплины. Не преодолен еще «словесный» стиль руководства. В. А. Тюнеев подчеркнул, что уровень работы архивов можно повысить за счет большей ее организованности, усиления научно-методической и практической помощи организациям — источникам комплектования, установления более тесных связей с исполкомами Советов народных депутатов и общественностью. Успехи в архивном деле выше там, где заведующие райгоргосархивами самоотверженным трудом показывают значимость своей работы, важность архивных документов для решения идеологических, хозяйственных и других задач, состоят в активе партийных, профсоюзных организаций города или района, аппарата райгорисполкомов. Особо надо учитывать в своей работе указание XIX Всесоюзной партийной конференции о передаче местным Советам права решать важнейшие вопросы государственной, хозяйственной и социально-культурной жизни. Поэтому проявление инициативы в постановке перед местными Советами актуальных вопросов развития архивного дела, внесение на их рассмотрение аргументированных предложений по решению этих вопросов — должны стать прямой обязанностью каждого работника райгоргосархива. Основные направления в борьбе за повышение качества работы, сказал докладчик, Главархив РСФСР видит в укреплении правовой и нормативно-методической основы деятельности государственных и ведомственных архивов, внедрении результатов научных разработок и достижений передового опыта, совершенствовании квалификации работников де-

лопроизводственных и архивных служб, возрастании ответственности за порученное дело. С целью укрепления правового положения и методической базы райгоргосархивов разработаны и подготовлены положение о них и правила их работы (оба документа находятся в печати).

С докладами на совещании выступили начальники отделов Главархива РСФСР Г. Г. Бакалинская и Л. И. Сесина.

Г. Г. Бакалинская отметила, что перестройка работы райгоргосархивов по осуществлению межотраслевого руководства архивным делом во многом зависит от улучшения состояния делопроизводства и работы ведомственных архивов в организациях — источниках комплектования. Главное место здесь должна занять оптимизация состава источников комплектования каждого архива, что даст возможность повысить качественный уровень комплектования райгоргосархивов и планирования их деятельности в целом. В докладе были приведены конкретные примеры правильной организации работы, рассказано о совместных с советскими органами и общественностью мероприятиях в деле усиления ответственности за обеспечение ведомственного хранения документов. Особо подчеркнуто значение контроля за исполнением решений по архивному делу. Так, архивисты Тюменской области постоянно контролируют выполнение таких решений, освещают ход работы в информационном бюллетене, издающемся архивным отделом облисполкома; все райгоргосархивы зоны строго следят за выполнением графиков передачи документов на госхранение; многие заведующие райгоргосархивами выступают с отчетами в трудовых коллективах.

Л. И. Сесина основное внимание сосредоточила на обеспечении сохранности документов, подчеркнув, что основой обеспечения перестройки на всех направлениях работы райгоргосархивов должно стать укрепление их материально-технической базы. На примерах деятельности архивных учреждений зоны Урала и других регионов страны она показала пути и методы решения этой проблемы, выделив как важнейший фактор деловые контакты с местными партийными и советскими органами. Докладчик обратила внимание на важность реализации программ обеспечения сохранности документов, предусматривающих совершенствование организации труда архивистов. Особо было подчеркнуто значение проверки наличия и состояния дел, проанализированы ошибки, наиболее часто допускаемые в этой работе, даны рекомендации по их устранению. В частности, рекомендовано использовать практику опечатывания коробок с делами, прошедшими проверку, как это делается в госархивах с постоянным составом документов; проводить проверку наличия в более сжатые сроки (в течение 2 лет вместо 5); больше внимания уделять реорганизации розыска необнаруженных дел; начинать проверку с выверки учетных документов; документировать ход проверки наличия, что облегчит составление итоговых форм и паспорта архива.

Далее докладчик остановилась на оформлении описей и как положительный пример привела опыт свердловских архивистов, которые принимают к обсуждению на ЭПК описи только с полным комплексом научно-справочного аппарата, отметила полезность проведения конкурсов описей, представляемых организациями — источниками комплектования госархивов. Кроме того, она указала на необходимость выполнения мероприятий, включенных в комплексную программу развития НСА государственных архивов РСФСР, увязки их с комплексной целевой экспертизой ценности документов, находящихся в государственных хранилищах, перестройки комплектования на основе усовершенствования списков учреждений, являющихся и не являющихся источниками пополнения ГАФ СССР.

На совещании-семинаре были заслушаны сообщения, обобщающие опыт работы по всем направлениям.

Значению научно-методического руководства и оказанию практической помощи райгоргосархивам и архивам организаций — источников их комплектования посвятили свои сообщения директор Госархива Свердловской области С. В. Кулагина, заведующая Кировоградским горгосархивом Свердловской области А. С. Коледаева, заведующая архивным отделом Макушинского райисполкома Курганской области Г. П. Щербакова. Они подчеркнули, что в целях повышения качественного уровня работы государственных и ведомственных архивов для них разрабатываются методические пособия, тематика которых связана с конкретными задачами, поставленными на пятилетие, на год. В настоящее время основное внимание уделяется оптимизации состава документов, принимаемых на госхранение, совершенствованию делопроизводства и деятельности ведомственных архивов путем организации общественных смотров, социалистического соревнования ведомственных архивов, отчетов заведующих райгоргосархивами в трудовых коллективах, проведения семинаров с работниками делопроизводственных и архивных служб. Непосредственно на вопросах оптимизации состава документов остановились Т. Н. Воробьева, заместитель заведующего архивным отделом Свердловского облисполкома и ряд участников совещания из других областей.

Заведующая архивным отделом Половинского райисполкома Курганской области Ф. П. Шумаева рассказала о практике планирования работы, обратив внимание на подготовительную работу при составлении плана на пятилетку: проведение анализа состояния дел в архиве, подсчет объема и видов работ, расчет бюджета времени на каждый из них.

Л. А. Шаталова (архивный отдел Челябинской области) говорила об особом значении учета материально-технической базы райгоргосархивов, что позволяет знать общие и частные проблемы, которые необходимо решить каждому из них для обеспечения лучшей сохранности документов. Немаловажную роль сыграли в улучшении сохранности документов обследование райгоргосархивов органами пожарного надзора и, конечно, постоянная помощь в решении всех вопросов со стороны облисполкома.

Одной из составляющих в комплексе мер

по обеспечению сохранности документов является их государственный учет, проверка наличия и состояния. На тщательность проведения этих работ обратила внимание участников совещания заместитель заведующего архивным отделом Челябинского облисполкома Е. А. Моисеенко. Особо она остановилась на значении подведения итогов этой работы, которая организуется в области по единому пятилетнему плану. В течение года проверку проводят 6—7 архивов, что дает возможность архивному отделу оказать им более действенную методическую и практическую помощь.

В сообщениях заведующего архивным отделом Свердловского облисполкома А. И. Громышева, заведующих райгоргосархивами Л. М. Бурдиной, Л. В. Лесовиченко, С. Н. Нартымова, Н. С. Фертиковой речь шла о всестороннем использовании документной информации. Они ведут инициативное информирование партийных, советских, хозяйственных органов и других организаций о составе и содержании документов по различным проблемам. Предоставляют сведения по истории революционного движения, борьбы за установление власти Советов, образования населенных пунктов, организаций, социально-культурного строительства. Документы райгоргосархивов используются работниками райкомов и райисполкомов, РАПО, колхозов, совхозов при подготовке сессий Советов народных депутатов, составлении перспективных и текущих планов развития народного хозяйства и т. п. В архивах работают представители организаций народного хозяйства, предприятий, учреждений науки, культуры, периодических изданий, краеведы. Однако есть еще архивы, ограничивающие свою деятельность только исполнением запросов социально-правового характера. Конечно, нельзя забывать о таком важном участке работы, но тем не менее и остальные формы использования должны занять достойное место в деятельности райгоргосархивов. Для этого, по мнению архивистов, необходимо в каждой области иметь целевую программу по использованию документов, отражающую тематику мероприятий, формы их проведения, определяющую круг источников, привлекаемых для их осуществления. Для успешного выполнения таких программ необходимо привлекать материалы, хранящиеся не только в районных и городских, но и областных архивах и их филиалах. В этом суть перестройки работы по всестороннему использованию документов.

О значении социалистического соревнования в перестройке работы архивных учреждений говорил заведующий архивным отделом Тюменского облисполкома Н. Т. Вокуев. В частности, он сказал, что для подготовки материалов по подведению итогов соревнования создана областная комиссия из работников архивного отдела и облгосархива. Итоги подводятся по полугодиям. По ним принимается совместное постановление коллегии архивного отдела и президиума обкома профсоюза госучреждений, которое рассылается во все госархивы. Для поощрения победителей используются разные формы: вручение Красного знамени, почетных грамот, награждение знаком «Отличник архивного дела», занесение работников архивных учреждений в Книгу почета.

* * *

В архивном отделе облисполкома представитель журнала «Советские архивы» А. М. Козочкина встретилась с руководящими сотрудниками и специалистами. Были обсуждены вопросы публикации на страницах журнала материалов, обобщающих опыт работы архивных учреждений области и, в частности, по оптимизации состава и использованию документов ГАФ СССР.

Новые поступления в ЦГАСА

В 1987—1988 гг. в ЦГАСА передано на хранение безвозмездно от граждан и общественных организаций 10 тыс. документов личного происхождения. Они составили 17 личных фондов участников вооруженной защиты Советского государства и 2 объединенных фонда.

В личных фондах генерала армии А. А. Лучинского (рожд. 1900 г.), генерал-полковника Н. С. Фомина (1895—1987 гг.), генерал-лейтенантов Г. И. Анисимова (1897—1974 гг.), А. В. Благодатова (1893—1987 гг.), Н. С. Демина (рожд. 1910 г.), полковников Г. С. Иссерсона (1897—1976 гг.), М. В. Бронникова (рожд. 1903 г.), А. В. Скороходова (рожд. 1907 г.) и других имеются многочисленные творческие материалы: воспоминания о Великой Отечественной войне и видных советских военачальниках (М. Н. Тухачевском, И. П. Уборевиче, Д. М. Карбышеве, Р. Я. Малиновском и др.), анализ действий частей Советской Армии в определенных операциях, научные исследования, касающиеся вопросов организации инженерной службы, артиллерийского обеспечения, партийно-политической работы в период боевых действий, материалы военно-теоретического характера.

В личном фонде первого начальника ГУВУЗа В. П. Муратова (1869—1934 гг.), помимо очерков и статей, посвященных исследованиям первой мировой войны, имеются служебные докладные записки по организации подготовки красных командиров, о методах преподавания в военных академиях, работе военного кабинета Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ).

В личном фонде генерал-полковника Н. С. Фомина хранятся схемы и графики артиллерийского наступления, подписанные командующим Степным фронтом И. С. Коневым (1943 г.), а также указания, докладные записки с замечаниями командующего 2-м Украинским фронтом Р. Я. Малиновского (1944 г.).

В связи с политикой национального примирения в Афганистане представляет интерес доклад командующего войсками Ферганской области И. Я. Врачева о мирных переговорах с курбаши Муэтдин-Беком в 1922 г. (личный фонд И. Я. Врачева).

Письма, поступившие в составе личных архивов, носят как служебный характер, так и личный. Например, в фонде полковника Г. С. Иссерсона имеются письма видных советских военачальников: маршала Советского Союза А. М. Василевского, генерал-полковника Л. М. Сандалова, генерал-полковника Н. А. Ломова и др. В фонде В. П. Муратова — письмо А. А. Брусилова.

Многочисленны изобразительные документы, поступившие в ЦГАСА. Это фотографии видных военных деятелей в фондах генерал-полковника И. А. Кузовкова (рожд. 1903 г.) (командующих фронтами, армиями в Великую Отечественную войну), генерал-лейтенанта Г. П. Софронова (1893—1973) (военачальников гражданской войны и межвоенного периода).

Наряду с личными фондами архивом приняты отдельные личные документы и фотографии комкора И. К. Грязнова (1897—1940), комдива А. М. Вольпе (1885—1940), армейского комиссара 2 ранга А. Л. Шифреса (1898—1938), необоснованно репрессированных в конце 30-х годов, фотографии первого командира и военкома Московской пролетарской стрелковой дивизии Г. Д. Михайловского (умер в 1932 г.), биографические документы начальника артиллерии 154-й стрелковой дивизии полковника Я. Д. Рудзита, погибшего в 1942 г. под Сталинградом, начальника связи Кремля в 1937—1947 гг. полковника П. И. Платонова (1894—1948).

Документы указанных лиц включены в объединенный фонд, который постоянно пополняется в процессе комплектования.

Впервые в практике ЦГАСА источниками комплектования документами личного происхождения стали общественные организации. Отдельные описи объединенного фонда образовали документы, переданные советами ветеранов войны 4-го бомбардировочного авиакорпуса авиации дальнего действия и 270-й стрелковой Демидовской дивизии, а также членами секции связи Военно-научного общества при ЦДСА им. М. В. Фрунзе.

Ценность этих документов состоит в том, что в своей совокупности они дают более полное представление об участии личного состава определенной воинской части в Великой Отечественной войне, раскрывают вопросы организации и действий войск в период 1918—1945 гг. и являются дополнительной источниковой базой в изучении истории Вооруженных Сил СССР.

Е. Г. Лихарева

Награждения

Президиум Верховного Совета Казахской ССР за заслуги в области советской культуры и многолетнюю плодотворную работу присвоил почетное звание заслуженного работника культуры Казахской ССР **Айтмухамбетовой Менслу Мурзагалиевне** — заведующей архивным отделом Уральского облисполкома, **Байчикову Николаю Ивановичу** — директору Государственного архива Целиноградской области, **Кужамуратову Казбулату Шайхоновичу** — начальнику отдела Главархива КазССР.

Почетной грамотой Верховного Совета Казахской ССР награждены **Афанасьева Пелагея Петровна** — хранитель фондов Рузаевского филиала Государственного архива Кокчетавской области, **Сайкина Фаина Александровна** — директор Государственного архива Восточно-Казахстанской области.

Рукописи, депонированные в ОЦНТИ по документоведению и архивному делу (ВНИИДАД)

Цаленко М. Ш., Чумаченко Э. Г. Новые материалы о В. О. Ключевском (Опыт применения ЭВМ).— М., 1988.— 27 с.— Рукопись представлена ученым советом ВНИИДАД. Деп. в ОЦНТИ по документоведению и архивному делу 16.05.88, № 052.

Рассматриваются возможности поиска ретроспективной документной информации посредством автоматизированной информационно-поисковой системы. Исследуются новые материалы о В. О. Ключевском, выявленные в процессе эксплуатации Автоматизированной системы научно-технической информации по документам ГАФ СССР, по информационному массиву ЦГАДА в качестве источника о жизни и творчестве выдающегося историка. Письма В. О. Ключевского С. А. Белокурову, Д. В. Цветаеву и др. содержат богатый фактический материал о деятельности В. О. Ключевского в Обществе истории и древностей российских, Архиве Министерства юстиции, об изучении им источников, о подготовке к изданию курса русской истории, об отношении историка к современным ему внутриполитическим событиям. Работа включает четыре письма В. О. Ключевского конца XIX — начала XX в.

Привалов В. Ф., Любомирова О. И., Щербакова И. А. Микроклимат помещений и условия хранения документов в архивохранилищах ЦГАОР СССР. Оценка состояния и рекомендации.— М., 1987.— 15 с.— Рукопись представлена ученым советом ВНИИДАД. Деп. в ОЦНТИ по документоведению и архивному делу 15.06.88, № 053.

Исследуются климатические условия хранения документов на бумажных носителях в ЦГАОР СССР. Анализируются результаты проведенной в архиве экспериментальной работы, в ходе которой изучались климатические особенности района расположения архива, помещений архивохранилищ и закономерности изменения влажности документов с помощью специальных датчиков и электронного тераомметра дистанционным методом, основанным на измерении электрического сопротивления бумаги. Рекомендована система мер по нормализации температурно-влажностного режима хранения, упорядочению использования документов, организации контрольно-климатической работы и санитарно-гигиенического режима.

Шор Т. К. Павел Александрович Висковатов (1842—1905). Архивно-библиографический справочник.— Тарту, 1988.— 43 с.— Рукопись представлена ученым советом ЦГИА ЭССР. Деп. в ОЦНТИ по документоведению и архивному делу 23.06.88, № 054.

Предлагаемая работа — опыт архивно-библиографического справочника, посвященного историку литературы профессору Тартуского университета П. А. Висковатову (1842—1905). Справочник состоит из краткой биографической справки, перечней архивных документов, библиографии работ П. А. Висковатова (1868—1987) и библиографии работ о П. А. Висковатове (1892—1987). В научно-справочную часть входят оглавление, именной указатель, список сокращений. Для выявления неопубликованных документов о жизни и деятельности П. А. Висковатова были обследованы архивы и рукописные отделы музеев и библиотек Москвы, Ленинграда и Тарту. Документы группируются под названиями архивохранилищ в порядке номеров фондов, по алфавиту или по важности содержания (например, личный фонд) в том виде, как они приведены в научно-справочном аппарате того или иного учреждения. Охарактеризованы 151 ед. хр. неопубликованных материалов, в библиографию работ Висковатова входят 140 ед. описания, библиография о нем насчитывает 29 наименований.

Справочник является наиболее полным сводом данных о жизни и деятельности П. А. Висковатова и может быть использован при составлении его научной биографии. Кроме того, в него вошли материалы о лицах, жизнь и деятельность которых были предметом его исследований, встречавшихся с ним, например, о Э. И. Губере, Ф. М. Достоевском, В. А. Жуковском, М. Ю. Лермонтове, А. Н. Майкове, А. Н. Пыпине, В. Соллогубе.

Содержание материалов, опубликованных в журнале «Советские архивы» в 1988 г.

Выполняя решения XXVII съезда КПСС

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

ОБЗОРЫ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

ОБМЕН ОПЫТОМ

Наши консультации

ПОИСКИ И НАХОДКИ В АРХИВАХ

Аннотации

ИНФОРМАЦИЯ И ХРОНИКА

* * *

Les materiaux publiés dans la revue "Les archives sovietiques" en 1988

En réalisant les résolutions du XXVII-ème Congrès du P. C. U. S.

ARTICLES ET COMMUNICATIONS

PUBLICATIONS DES DOCUMENTS

REVUE DES DOCUMENTS D'ARCHIVES

ECHANGE D'EXPERIENCE

Nos consultations

RECHERCHES ET TROUVAILLES AUX ARCHIVES

LES ARCHIVES A L'ETRANGER

* * *

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

Annotations

INFORMATION ET CHRONIQUE

* * *

SOMMAIRE

Наш адрес: 119817, ГСП, Москва, Г-435, Б. Пироговская, 17, тел. 245-09-01, 245-81-58

Рукописи представляются в двух экземплярах

Технический редактор А. Н. Илюхин

Сдано в набор 12.09.88. Подписано в печать 27.10.88. А10124. Формат 70×100 1/16. Печать офсетная. 9,3 усл. печ. л. 11,5 уч.-изд. л. Тираж 11 150. Заказ 2447. Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром»
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
142300, г. Чехов Московской обл.

Scan- nau; Processing, ocr - waleriy; 2015

ВНИИДАД
подготовил к изданию

Научно-справочное пособие «Картографические документы в государственных архивах»

Пособие рассчитано на работников государственных и ведомственных архивов, хранящих картографические документы. В нем рассмотрены вопросы учета, организации хранения, описания в архивных справочниках, а также основные направления современного использования картографических документов. Дана характеристика видовых свойств карты как графического источника. В пособии помещены приложения, содержащие справочные данные, необходимые архивисту в практической работе с картографическими документами.

Методические рекомендации «Создание и ведение системы каталогов государственных архивов СССР»

Рекомендации освещают вопросы, связанные с выбором рационального состава системы каталогов для государственных архивов и их филиалов, установлением взаимосвязи каталогов между собой и с другими архивными справочниками, определением путей каталогизации и приемов описания. Даны этапы дифференцированного подхода при каталогизации фондов разных категорий.

В рекомендациях рассматривается весь комплекс работ, обеспечивающих функционирование каталога как информационно-поисковой системы, в том числе: научно-методическое обеспечение работы, индексирование, систематизация карточек, их расстановка, составление отсылочного аппарата, разделителей, оформление каталожных ящиков. Особое внимание уделено усовершенствованию каталогов и ведению учетных форм работы по каталогизации и использованию каталогов.

К рекомендациям даны приложения, иллюстрирующие и дополняющие отдельные разделы.

Перечень типовых документов, образующихся в деятельности госкомитетов, министерств и других учреждений, организаций, предприятий с указанием сроков хранения

В перечне указаны наиболее массовые виды документов, образующихся в процессе документирования управленческой, а также научно-технической и производственной деятельности. Перечень является основополагающим нормативно-методическим пособием и может быть использован при подготовке ведомственных (отраслевых) перечней документов со сроками хранения и при проведении экспертизы ценности документов типового характера в учреждениях, организациях, предприятиях.

Заказы направлять по адресу: 119817, ГСП, Москва, Г-435, Б. Пироговская, 17. Отдел ЦГА СССР по изданию и реализации архивоведческой литературы.

Издания высылаются наложенным платежом через магазин «Книга — почтой».

Цена 70 коп. Индекс 70913

В 1987 и 1988 годах в рамках прямого сотрудничества Центрального государственного архива звукозаписей СССР с Золотым фондом (фоноархивом) Болгарского радио студией «Балкантон» были выпущены грампластинки серии «Звуковые документы». Первая грампластинка «3 марта 1878 года» посвящена 110-летию освобождения Болгарии от османского ига. Вторая — «Дружба в космосе» о советско-болгарском сотрудничестве в области космических исследований.

На пластинках представлены уникальные записи из документальных коллекций Золотого фонда Болгарского радио и ЦГАЗ СССР.

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

Библиографический указатель материалов, опубликованных в журнале «Советские архивы» за 1966 — 1986 гг.

Заказы направлять по адресу: 119817, ГСП, Москва, Г-435, Б. Пироговская, 17. Отдел ЦГА СССР по изданию и реализации архивоведческой литературы.

ISSN 0130—3554. Сов. архивы. 1988. № 6. 1—112.